

+

+

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

2(56)
2008

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

+

+

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®. ШВЕЦИЯ

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Мурад ЭСЕНОВ	Главный редактор Тел/факс: (46) 920 62016 E-mail: m.esenov@gmail.com
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Ответственный секретарь (Баку, Азербайджан) Тел/факс: (994 - 12) 499 11 73 E-mail: jeyvazov@gmail.com
Тимур ШАЙМЕРГЕНОВ	Представитель журнала в Казахстане (Астана) Тел/факс: (+7 - 701) 531 61 46 E-mail: timur-cac@mail.ru
Леонид БОНДАРЕЦ	Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек) Тел.: (+996 - 312) 65-48-33 E-mail: lbondarets@mail.ru
Джамилия МАДЖИДОВА	Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе) Тел.: (992 - 917) 72 81 79 E-mail: madzamila@mail.ru
Фархад ТОЛИПОВ	Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент) Тел.: (998 - 71) 125 43 22 E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com
Зия КЕНГЕРЛИ	Представитель журнала в Азербайджане (Баку) Тел: (+994 50) 3006694 E-mail: ziken12@yahoo.co.uk
Агаси ЕНОКЯН	Представитель журнала в Армении (Ереван) Тел.: (374 - 1) 54 10 22 E-mail: aghasi_y@yahoo.com
Гурам ГОГИАШВИЛИ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (995 - 32) 96 85 87 E-mail: sakresp@gol.ge
Владимир МЕСАМЕД	Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим) Тел.: (972) 2 5882332 E-mail: mssamed@olive.mscs.huji.ac.il
Конрад ШАФФЛЕР	Представитель журнала в Германии (Мюнхен) Тел.: (49 - 89) 3003132 E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de
Сунь ЧЖУАНЧЖИ	Представитель журнала в Китае (Пекин) Тел.: (86) 10-64039088 E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn
Ирина ЕГОРОВА	Представитель журнала в Российской Федерации (Москва) Тел. (7 - 495) 3163146 E-mail: egorova@mosinfo.ru
Рустем ДЖАНГУЖИН	Представитель журнала в Украине (Киев) Тел.: (380-44) 524 79 13 E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гиули АЛАСАНИЯ	Доктор исторических наук, профессор, проректор Международного университета Черного моря (Грузия)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Доктор политологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук (Российская Федерация)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Бакыт БЕШИМОВ	Доктор исторических наук, профессор, вице-президент американского университета в Центральной Азии (Кыргызстан)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института Заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук (Китай)
Александр ИГНАТЕНКО	Доктор философских наук, исламовед, главный эксперт Института социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Ариель КОЭН	Доктор, ведущий аналитик Фонда «Наследие» США (США)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Почетный ведущий специалист отдела политических исследований и международных отношений Кентского университета Кентербери (Великобритания)
Неил МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и Сопредседатель программы «Этничность и нации-строительство» Московского центра Карнеги (Российская Федерация)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, Директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Российская Федерация)
Еренгаип ОМАРОВ	Профессор, ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Владимир ПАПАВА	Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Грузии, эксперт Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРП	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)

Материалы, публикуемые в журнале,
не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
CA&CC Press AB
Hubertusstigen 9. 97455 Luleå
SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2008
© CA&CC Press®, 2008

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ»

Журнал социально-политических исследований

№ 2(56) 2008 г.

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

ГЕОГРАФИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

- Э. Исмаилов.** О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
«ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ»
В XXI ВЕКЕ 7
- В. Папава.** «ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАВКАЗИЯ»
ВМЕСТО «ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ» 33

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- В. Пластун.** ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН:
В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ 49
- К. Качачия.** КОНЕЦ РОССИЙСКИХ
ВОЕННЫХ БАЗ В ГРУЗИИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ИХ ВЫВОДА 60

- Т. Шаймергенов.** ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ НАТО:
РОЛЬ КАЗАХСТАНА 71
- Н. Тер-Оганов.** ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ:
1992—2006 ГОДЫ 84

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- З. Ализода.** ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН 100
- Б. Чедия.** ГРУЗИЯ:
ДЕВАЛЬВАЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА»
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
«ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» 107

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

- Б. Бабаджанов.** СЕКУЛЯРИЗМ И ПРОБЛЕМА
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ
(опыт Центральной Азии) 116
- В. Акаев.** КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМ
И НЕТРАДИЦИОННЫМ НАПРАВЛЕНИЯМИ В ИСЛАМЕ:
ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
(на материалах Северного Кавказа) 126
- Ф. Умаров.** ТАДЖИКИСТАН:
ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА
С ВЕДУЩИМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ИСЛАМСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ 135

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Д. Варнавский.** ИРАН И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ГЕНЕЗИС, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА 145
- Х. Додихудоев,
В. Ниятбеков.** ТАДЖИКИСТАН — ИРАН:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА 152

Н. Борисов.	СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В УЗБЕКИСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	162
И. Проклов.	СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ТУРКМЕНИСТАНЕ	172

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

**В последующих рубриках «Темы номера»
будут рассмотрены:**

- *Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ в региональном и международном измерениях.*
- *Энергетическая политика и энергетические проекты в Центральной Евразии.*
- *Современный политический процесс в странах Центральной Евразии.*

ГЕОГРАФИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ «ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ» В XXI ВЕКЕ

Эльдар М. ИСМАИЛОВ

директор Института стратегических исследований Кавказа
(Баку, Азербайджан)

В м е с т о в в е д е н и я : **Трансформация геополитического пространства Евразии**

В контексте актуализации проблем регионоведения и регионального сотрудничества в современных условиях особое значение приобретает изучение процессов, происходящих в рамках сформированного СССР единого военно-политического и социально-экономического пространства — Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД), которое в конце прошлого века распалось на:

регионы «постСЭВовского пространства»:

- 1) *Центрально-Европейский (Восточно-Европейский):*

- *постСЭВовские страны:* Польша, Чехословакия¹, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, ГДР², СФРЮ³;
- *постСОВЕТские страны:* Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Литва, Эстония;

¹ В 1993 году Чехословакия распалась на два государства: Чехию и Словакию.

² В 1990 году Германская Демократическая Республика (ГДР) вошла в Федеративную Республику Германия (ФРГ).

³ В начале 1990-х годов Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) рас-

2) *Центрально-Кавказский (Закавказский)*:

- *постСОВЕТские страны*: Азербайджан, Армения, Грузия;

3) *Центрально-Азиатский (Средне-Азиатский)*:

- *постСЭВовские страны*: Афганистан, Монголия;
- *постСОВЕТские страны*: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

«Иницирующее ядро» СССР/СЭВ:

Восточно-Европейский – Северо-Азиатский регион:

- *постСОВЕТская страна*: Россия⁴.

На наш взгляд, интерес к трем регионам постСЭВовского пространства, отделившимся от «иницирующего ядра» — России, обусловлен специфическим положением, которое они продолжают занимать в мировом политическом пространстве, особенно при их рассмотрении в качестве единого, самостоятельного, обособленного геополитического объекта глобализирующегося мира.

После окончания «холодной войны» присущий биполярному миру геополитический понятийный аппарат начал изменяться. Политическую карту мира перестали делить на социалистический и капиталистический лагерь, и, соответственно, эти понятия, как и производные от них термины — «некапиталистический путь развития», «движение неприсоединения» и др., замещали категориями, более адекватно отражающими современные реалии. Вместе с тем, несмотря на произошедшие за

палась на Сербию, Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Македонию и Черногорию.

⁴ Наряду с перечисленными государствами в Совет экономической взаимопомощи входили государства других регионов мира: Вьетнам, Куба, а в качестве наблюдателей — Ангола, Афганистан, Народно-Демократическая Республика Йемен, Лаос, Мозамбик и Эфиопия.

последние десятилетия перемены, до сих пор в научной, учебной и справочной литературе сохраняются существенные различия по поводу отнесения стран постСЭВовского пространства к тем или иным регионам *евразийского материка* и их соответствующих названий.

В настоящее время в научной литературе и политической лексике параллельно используются как старые (царско-советские, европейские, азиатские), так и новые, еще не ставшие общепринятыми дефиниции⁵. Например, *прибалтийские* республики стали называться также балтийскими с отнесением их к региону Северной или Северо-Восточной Европы, *среднеазиатские* республики — центральноазиатскими⁶, *закавказские* — южнокавказскими или центральнокавказскими⁷, с включением их в состав Восточной или Юго-Восточной Европы, либо Центральной Азии или Северо-Западной Азии⁸.

Причисление государств к тем или иным регионам, как правило, осуществлялось в зависимости от сложившейся геополитической ситуации. А именно, изменения в балансе сил между основными геополитическими акторами евразийского пространства приводили к «переходу» тех или иных стран из одной сферы влияния в другую, что соответственно предопределяло новые границы региональных делений⁹.

⁵ См., например: *Папава В.* Центральная Кавказия: основы геополитической экономики // Аналитические записки Грузинского фонда стратегических и международных исследований, 2007, № 1. С. 8 [http://www.gfsis.org/publications/VPapava_Ru_1.pdf].

⁶ См.: *Алексеева Н.Н., Иванова И.С.* Средняя или Центральная Азия? [http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200302804].

⁷ См.: *Исмаилов Э., Кенгерли З.* О категории Кавказ // Доклады Национальной академии наук Азербайджана. 2002, т. LVIII, № 5. С. 290—295; *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007. 208 с.

⁸ Подробнее о концепции Северо-Западной Азии см.: *Ramezanzadeh A.* Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis. В кн.: *Contested Borders in the Caucasus* / Ed. by B. Coppeters. Brussels: VUB Press, 1996 [http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm].

⁹ Весьма показательным в этом плане то, как определялись границы Кавказского региона, кото-

Такие изменения границ регионов имели место как в Европейском, так и Азиатском сегменте Евразии. Хотя пространственные параметры регионов в какой-то степени носят условный характер, тем не менее их соответствующее сложившейся геополитической ситуации определение позволяет выявить новые тенденции развития внутри- и межрегиональных связей и отношений на евразийском материке.

Сегодня, как следствие геополитической трансформации 1990-х годов, перед нами возникла необходимость по-новому осмыслить региональную структуру политического пространства Европы и Азии, наиболее полно отражающую сложившиеся внутриконтинентальные политические, социально-экономические и культурные отношения, в соответствии с текущей глобальной конъюнктурой.

На наш взгляд, в современных условиях политическое пространство Европы следует рассматривать в единстве ее трех основных регионов.

- Западная Европа — страны-участницы ЕС и НАТО (Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Великобритания, Дания, Ирландия, Греция, Португалия, Испания, Австрия, Финляндия, Швеция, Исландия, Норвегия, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия,

рые «изменялись» в зависимости от динамики российского «проникновения». Таким образом, Кавказ «заканчивался» там, где заканчивалась сфера российского влияния. Отсюда и термин «Закавказье» (XIX в.), то есть «за Кавказом» — то, что находится за сферой российского доминирования, несмотря на то что эти территории по меньшей мере в географическом плане всегда были составной частью Кавказского региона. Позднее эта тенденция в определении границ региона сохранилась. К примеру, включение в состав Российской империи территорий Османской империи (Карс, Ардаган, Артвин — вторая половина XIX в.) означало географическое «расширение» Кавказа в юго-западном направлении, и, соответственно, возврат этих территорий Турции (по итогам Первой мировой войны) привел к обратному «сужению» региона и последующему закреплению таких региональных лимитов на уровне «общепринятых» дефиниций.

Словения, Чехия, Эстония, Болгария, Румыния) и претендующие стать их участниками (Хорватия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, а также нейтральная Швейцария).

- Центральная Европа — Украина, Беларусь, Молдова.
- Восточная Европа — европейская часть РФ.

Включение в состав Западной Европы постСЭВовских государств и постСОВЕТских (прибалтийских) республик может вызвать определенную дискуссию относительно его состоятельности с точки зрения социально-экономических и культурных параметров, ибо достаточно долгое пребывание названных стран в единой социалистической системе (СЭВ/СССР) наложило отпечаток на уровень и особенности их текущего развития. Необходимо отметить, что уровень социально-экономического развития этих стран, хотя они в 2004 году вошли в ЕС, был намного ниже, чем у его «старых» членов. Иными словами, учитывая большую социально-экономическую совместимость «новых членов» ЕС, скажем, с Украиной, а не с Францией и Нидерландами, можно было бы допустить их группирование в центральноевропейском региональном делении, обозначив этот макрорегион как *Большую Центральную Европу* (Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Болгария, Румыния, Хорватия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, Украина, Беларусь, Молдова).

Попытки регионально структурировать политическое пространство второго евразийского континента — Азии — сопряжены с определенными сложностями в связи с тем, что ее значительные пространственно-политические масштабы, а также сложившиеся политические и экономические отношения между государствами с отличающимися системами ценностей, по-

литическими режимами, геополитическими ориентациями и в целом с существенными различиями в степени развитости не позволяют строго группировать их в региональные сегменты. Следовательно, в отличие от Европы, определение политических границ регионов Азии сопровождается большей степенью условности. На наш взгляд, исходя из существующей геополитической ситуации, данный континент целесообразно рассматривать в единстве пяти региональных сегментов:

- Западная Азия — Турция, Саудовская Аравия и другие страны Аравийского полуострова, Ирак, Сирия, Иордания, Израиль, Палестина, Ливан, Иран;
- Восточная Азия — КНР, КНДР, Южная Корея, Япония, Монголия, государства Индокитая и Малайского архипелага;
- Северная Азия — Азиатская часть Российской Федерации;
- Южная Азия — Индия, Пакистан, Афганистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка, Мальдивы;
- Центральная Азия — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Как и в случае с Европой, центральный региональный сегмент азиатского континента можно рассматривать и в более «широком формате» — как Большую Центральную Азию¹⁰ — за счет включения в него Монголии из Восточной Азии и Афганистана из Южной Азии.

¹⁰ Концепция Большой Центральной Азии уже имеет место. Ф. Старр определяет данный регион как пять новых независимых государств Центральной Азии плюс Афганистан (см.: *Starr S.F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // Silk Road Paper, March 2005. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, 2005. P. 16 [http://www.silkroadstudies.org/CACI/Strategy.pdf]; Idem. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs, 2005, Vol. 84, No. 4. Ряд авторов включают в этот регион и Монголию.*

Пространство центральнокавказских стран можно было бы рассматривать как в рамках азиатского (основываясь на географии), так и европейского континента (основываясь на политической и институциональной вовлеченности в европейскую «сферу»). На наш взгляд, данный регион — это в геополитическом аспекте «особая зона» Евразии, область пересечения двух континентов материка.

Ввиду того, что понятие «постСЭВовское пространство» практически изжило себя и, как было отмечено, его основные сегменты — европейский, кавказский и азиатский — уже обозначаются как «центральные», соответственно для их совместного рассмотрения целесообразно использовать интегральное понятие — Центральная Евразия.

В любом случае отметим, что возврат к российской (не важно — царской или советской) или европейской и азиатской (периода «холодной войны») терминологии уже однозначно невозможен, поскольку мир кардинальным образом трансформировался, что предопределило модификацию отражающих его концептуальных подходов и их категориально-понятийного аппарата.

Именно поэтому мы считали бы необходимым внести ясность в вопрос о дефинициях применительно к указанному пространству, так как от четкой систематизации понятий современной геополитической науки напрямую зависят глубина познания и отражения объективных закономерностей развития евразийского материка и в конечном счете эффективность его интеграции.

Таким образом, основной задачей исследования является определение современных пространственно-функциональных параметров постСЭВовского ареала — Центральной Евразии. Есть ли необходимость в рассмотрении данного региона в единстве? Насколько это основано на исторических и геополитических закономерностях развития евразийского материка?

1. «Осевой регион» планеты в концепции Х. Маккиндера

Сложившаяся на пороге XXI века геополитическая ситуация дала новый импульс исследованию принципов региональной структуризации геополитического и геоэкономического пространства всего евразийского материка¹¹. В этой связи особую актуальность вновь приобретают концепции, предложенные Х. Маккиндером (в начале XX в.), а в последующем его оппонентом — Н. Спайкманом, которые выдвинули весьма оригинальные подходы к региональной геополитической структуризации евразийского материка и к определению функциональной значимости его отдельных пространственных сегментов.

Х. Маккиндер, трактовавший мировые исторические процессы на основе идеи о примордиальном разделении мира на относительно обособленные ареалы, каждому из которых в истории предначертана особая функция, утверждал, что именно благодаря внешнему прессингу Европа создала свою цивилизацию. По этой же причине он рассматривает Европу и европейскую историю как явления, подчиненные Азии и ее истории. По его мнению, европейская цивилизация в значительной степени является результатом многовековой борьбы против вторжений из Азии¹². Х. Маккиндер полагал, что продвижение и экспансия Европы стимулировались необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из центра Азии. По его утверждению, осью всех геополитических трансформаций исторического масштаба в пределах «Мирового острова», включающего весь евразийский материк и Северную Африку, является выделяемая им Срединная земля — «Хартленд» (сосредоточение континентальных масс Евразии). Именно «Хартленд» он считает источником перманентных импульсов, стимулирующих развитие геополитических и экономических процессов на «Мировом острове».

Х. Маккиндер подчеркивал, что именно срединное положение государства является самым выгодным с геополитической точки зрения. Принимая во внимание относительность понятия «центральность», он указывал, что в контексте глобальных геополитических процессов в центре мира находится именно евразийский материк; в центре последнего, в свою очередь, находится «Хартленд». Таким образом, исходя из рассматриваемой доктрины, геополитический субъект, подчинивший себе «Хартленд», будет обладать не-

¹¹ См.: *Дарабади П.* Глобализация и геополитические процессы в Центральной Евразии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2006, № 3 (45); *Кловер Ч.* Мечты о евразийском Heartland. Возрождение геополитики // *Завтра*, 7 апреля 1999; *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея-центр, 2000; *Он же.* Преодоление Запада (эссе о Н.С. Трубецком). В кн.: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000; *Он же.* Континент Россия. М.: Знание, 1990; *Исмаилов Э., Эсенов М.* Центральная Евразия в новых геополитических и геоэкономических измерениях // *Центральная Евразия 2005. Аналитический ежегодник.* Швеция: SA&CC Press, 2006; *Зиновьев А.* Новый этап глобализации. Война за господство в мире перешла в стадию горячей. Доклад на Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории (26—27 января 2002 г.) [<http://www.pravda.ru/politics/2002/01/31/36396.html>]; *Кара-Мурза С.Г.* Евразийская цивилизация — или этнический тигель? [<http://www.tuad.nsk.ru/~history/index.html>]; *Ларюэль М.* Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // *Вестник Евразии*, 2000, № 1; *Максименко В.И.* Битва против Евразии: сто лет американской геостратегии в Старом Свете [<http://www.kisi.kz/Parts/Monitoring/04-11-01mon3.html>]; *Панарин А.С.* Евразийский проект в миросистемном контексте // *Восток*, 1995, № 2; *Cornell S.E.* Geopolitics and Strategic Alignments in the Caucasus and Central Asia Perceptions // *Journal of International Affairs*, June — August 1999, Vol. IV, No. 2; *Tsygankov A.P.* Pathways after Empire: National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. Lanham — New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2001; *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.

¹² См.: *Маккиндер Х.Дж.* Географическая ось истории // *Классика геополитики, XX в.* М.: Издательство АСТ, 2003. С. 7—33.

обходимым геополитическим и экономическим потенциалом для осуществления контроля в рамках «Мирового острова» и в конечном счете всей планеты.

Согласно Х. Маккиндеру, при ретроспективном анализе военно-политических и социально-экономических процессов в Срединной земле очевидным становится факт ее объективного геополитического и геоэкономического единства¹³. Исследователь подчеркивает «осевой» характер обширного региона Евразии, недоступного, как он отмечает, морским судам, но доступного в древности кочевникам. Он считает, что именно в Евразии перманентно существуют многообещающие условия для развития военных и промышленных держав.

Структурируя геополитическое пространство системой концентрических кругов, Х. Маккиндер условно располагал в центре планеты «осевой ареал», включающий бассейны рек (Волги, Енисея, Амударьи и Сырдарьи) и двух морей (Каспийского и Аральского)¹⁴. Указанный «осевой ареал» «был недостижим для нападений морских держав и при этом был в состоянии прокормить и защитить весьма значительное количество населения — кочевников, передвигающихся по этим огромным просторам на лошадях и верблюдах и вполне готовых к набегам на Европу, при том, что они не встречали практически никакого сопротивления»¹⁵.

Таким образом, благодаря своему расположению, «осевому ареалу» было исторически и геополитически предначертано стать естественным центром силы. Вслед за указанным регионом Х. Маккиндер выделяет «внутренний полумесяц» — пояс, совпадающий с береговыми пространствами Евразии, зону наиболее интенсивного, на его взгляд, развития цивилизации, куда входят Европа, Южная, Юго-Западная и Восточная Азия. Затем он располагал «внешний полумесяц», включающий Великобританию, Северную и Южную Америку, Южную Африку, Австралию и Японию — зоны, географически и культурно чуждые «внутренней» Евразии. Центром же всех мировых процессов, как было отмечено выше, Х. Маккиндер считал Срединную землю — «Хартленд» — область возникновения великих кочевых империй прошлого¹⁶, территорию обитания тюркских племен, чьи набеги послужили, по его мнению, толчком к «сплочению» Европы.

Исходя из вышеуказанного, Х. Маккиндер считал необходимым принятие превентивных мер для воздействия на ситуацию в «осевом ареале» и удержания ее под контролем, в том числе посредством контроля «внутреннего полумесяца». Именно ему, считавшему Восточную Европу ключом к дверям Срединной земли, принадлежит следующее известное высказывание: «Кто господствует в Восточной Европе, тот управляет Срединной землей. Кто господствует в Срединной земле, тот правит «Мировым островом». Кто господствует на «Мировом острове», тот управляет миром»¹⁷.

История формирования и развития пространства «осевого региона», к оценке которой мы обратимся в следующем разделе, определенно позволяет сделать вывод о перманентности изменений его пространственно-функциональных параметров. Несмотря на то что процессы, имевшие место в пределах указанного ареала в прошлом, подтверждают отмеченную Маккиндером функциональную неразрывность пространств Восточной Европы и «Хартленда», тем не менее сущность Срединной земли, на наш взгляд, определяется не столько императивностью региона Восточной Европы в плане контроля над «Хар-

¹³ См.: *Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, Vol. 21, No. 4.*

¹⁴ См.: *Маккиндер Х.Дж. Указ. соч.*

¹⁵ *Мегоран Н., Шарапова С. Помогает или мешает нам «Хартленд» Маккиндера понять Центральную Азию? // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 4 (40). С. 13.*

¹⁶ См.: *Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.*

¹⁷ *Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. New York, 1944. P. 113.*

тлендом», сколько их структурным единством. Иными словами, на всех стадиях становления «Хартленда», особенно сейчас, восточная часть Европы остается пространственным элементом его структуры, геополитическая целостность которой и является необходимым условием для функциональной состоятельности «осевого региона» в масштабах евразийского материка.

Тезис о структурной включенности Восточной Европы в «Хартленд» можно аргументировать и теорией самого Х. Маккиндера, обратившись к его более поздним работам¹⁸. Напомним, что он в течение короткого промежутка времени дважды возвращался к своей теории, адаптируя ее к изменяющейся геополитической ситуации. В частности, изменениям он подверг и пространство «осевого региона» (см. рис. 1). Так, в «Хартленд» были включены бассейны Черного и Балтийского морей, то есть Восточная Европа¹⁹. Поэтому маккиндеровскую формулу следует представлять следующим образом: «Кто

Рисунок 1

¹⁸ См.: Mackinder H.J. *The Round World and the Winning of the Peace*; *Idem*. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*.

¹⁹ В состав Восточной Европы Х. Маккиндер включал территории отдельных восточноевропейских государств, находящихся в составе Османской империи (юго-восточные государственные образования Европы — Болгарское царство, Венгерское королевство, Румынское княжество, Черногорское княжество, Сербское королевство, Босния и Герцеговина, Македония) и Российской империи (северо-восточные государственные образования — Польское царство, великое княжество Финляндское, Центральная (Украинская) рада, Белорусская рада и губернии: Бессарабская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская).

²⁰ Карта дается по: Мегоран Н., Шаранова С. Указ. соч. С. 9.

господствует в Срединной земле, тот правит «Мировым островом». Кто господствует на «Мировом острове», тот управляет миром».

В середине XX века это нашло свое, пожалуй, наиболее яркое практическое подтверждение. Расширение зоны господства Советского Союза в западном направлении после Второй мировой войны и образование СЭВ/ОВД характеризовало собой слияние ареала классического «Хартленда» с Восточной Европой. Вместе с тем распад СЭВ, ОВД и самого СССР в конце 1980 — начале 1990-х годов, а также новые геополитические и геоэкономические условия в пределах «Мирового острова» не привели к механическому функциональному обособлению восточной части Европы от «Хартленда». Более того, в результате геополитических трансформаций конца XX века происходит обособление России в качестве евразийского геополитического субъекта в северо-восточной части материка и сужение пространства «осевого региона» в его центральной части, то есть в трех относительно самостоятельных региональных сегментах последней — Центральной (Восточной, в теории Маккиндера) Европе, Центральном Кавказе и Центральной Азии. Точнее, произошла концентрация основных, относительно видоизмененных функций «Хартленда» в его новых пространственных параметрах системообразующих сегментов, где начался очередной цикл их интеграции и целостного возрождения²¹.

Следует также отметить, что в начале XX века (в период Первой мировой войны), основываясь на доминировании Османской и Российской империй, а со второй половины XX века (в период «холодной войны») — Советской империи над восточной частью Европы (СЭВ), геополитически целесообразно было говорить о делении ее на Западную (европейские страны, неподконтрольные Османской и Российской/Советской империям) и Восточную (европейские страны, полностью подконтрольные Османской и Российской/Советской империям). Однако после их распада и обособления России в северо-восточной части Евразии освободившееся политическое пространство Европы (государства бывшего СЭВ и республики СССР) геополитически уже не может далее классифицироваться как восточноевропейское, кроме территорий европейской части самой России. Обособление последнего евразийского геополитического субъекта — Российской Федерации и сферы его доминирования на северо-востоке евразийского материка имело определенные последствия. Во-первых, оно привело к смещению «осевого региона» с севера материка к его центру. Во-вторых, в понятийном плане это требовало пересмотра некогда контролируемой последней империей (СССР) части политического пространства Европы в качестве «Центральной Европы» с последующим обязательным включением ее уже в зону современного «осевого региона» — Центральной Евразии, тогда как Россия, пространственно оставшаяся в восточной Европе и северной Азии, в плане геополитической структуры «Мирового острова» должна классифицироваться теперь как «Северная евразийская держава». Соответственно, и современную Турцию следует определять как «Южную евразийскую державу».

Помимо Х. Маккиндера, роли срединной части евразийского материка в мировой истории значительное внимание уделил Н. Спайкман²². Опираясь на труды Х. Маккиндера, он выдвинул свой вариант базовой геополитической схемы, существенно отличающийся от модели своего оппонента. Основная идея Н. Спайкмана заключается в том, что Х. Маккиндер преувеличивает геополитическое значение «Хартленда». По Н. Спайкма-

²¹ Напомним, что дискуссии относительно современного пространства «Хартленда» продолжаются и сегодня. К примеру, некоторые авторы «сужают» его до пространства Центральной Азии: *Ahrari E. The Strategic Future of Central Asia: A View from Washington // Journal of International Affairs, 2003, Vol. 56, No. 2; Sloan G. Sir Halford J. Mackinder: The Heart-land Theory Then and Now // Journal of Strategic Studies, 1999, Vol. 22, No. 2/3.*

²² См.: *Spykman N.J. America's Strategy in World Politics. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942; Idem. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.*

ну, динамика геополитической истории «внутреннего полумесяца» — «Римленда» — «береговых зон» обуславливалась внутренними закономерностями развития, а не давлением «кочевников Суши», как считал Х. Маккиндер. «Хартленд», подчеркивает Спайкман, является лишь географическим пространством, которое испытывает на себе культурно-цивилизационные импульсы, исходящие из «Римленда». По его мнению, «осевой ареал» Маккинндера не играет никакой самостоятельной исторической роли. Именно «Римленд» является, по мнению Н. Спайкмана, ключом к мировому господству, поэтому он предложил заменить геополитическую формулу Х. Маккинндера своей: «Тот, кто доминирует над «Римлендом», доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

Как видно, в предложенных геополитических концепциях пространственно-функциональная структура мира и у Х. Маккинндера («Хартленд» — *Евразия — Планета*), и у Н. Спайкмана («Римленд» — *Евразия — Планета*) включает три основных уровня, с той лишь разницей, что первый подчеркивает исходную и определяющую роль «Хартленда» в геополитическом пространстве «Мирового острова», а второй — «Римленда».

Государственные образования «Хартленда» и «Римленда» в различных исторических периодах выполняли функции либо объекта, либо субъекта геополитических отношений в Евразии. Аналогично изменялась и функциональная значимость этих пространств в глобальных геополитических процессах. В этой связи весьма затруднительно, да и в целом, учитывая особенности современного мира, не совсем правильно делать однозначный вывод: что первично/важно — маккиндеровский «Хартленд» или же спайкмановский «Римленд». На наш взгляд, один из главных недостатков обеих теорий связан с тем, что они предлагались не только и не столько как модели, объясняющие объективные закономерности глобальных геополитических процессов, сколько как концепции по реализации стратегических интересов западных держав (Великобритании и США). Из этого и вытекает односторонность в подходах, присущая Маккиндеру и Спайкману, скажем, относительно отмеченного вопроса: что первичнее/важнее в глобальной геополитике — «Хартленд» или «Римленд»? Логика аргументации, которой придерживается каждый из этих авторов, вполне подтверждает отмеченное. И поэтому наша исследовательская задача заключается не в дословном или механическом пересказе маккиндеровской или спайкмановской теории о месте и роли «Хартленда» или «Римленда» на евразийском материке и во всем мире, а в том, чтобы использовать сконструированные ими подходы для геополитического видения «осевого региона» в XXI веке в возможных сценариях будущего мироустройства.

Итак, для более углубленного понимания текущего положения «осевого региона» необходимо осуществить его новое «прочтение» и научное переосмысление, то есть следует:

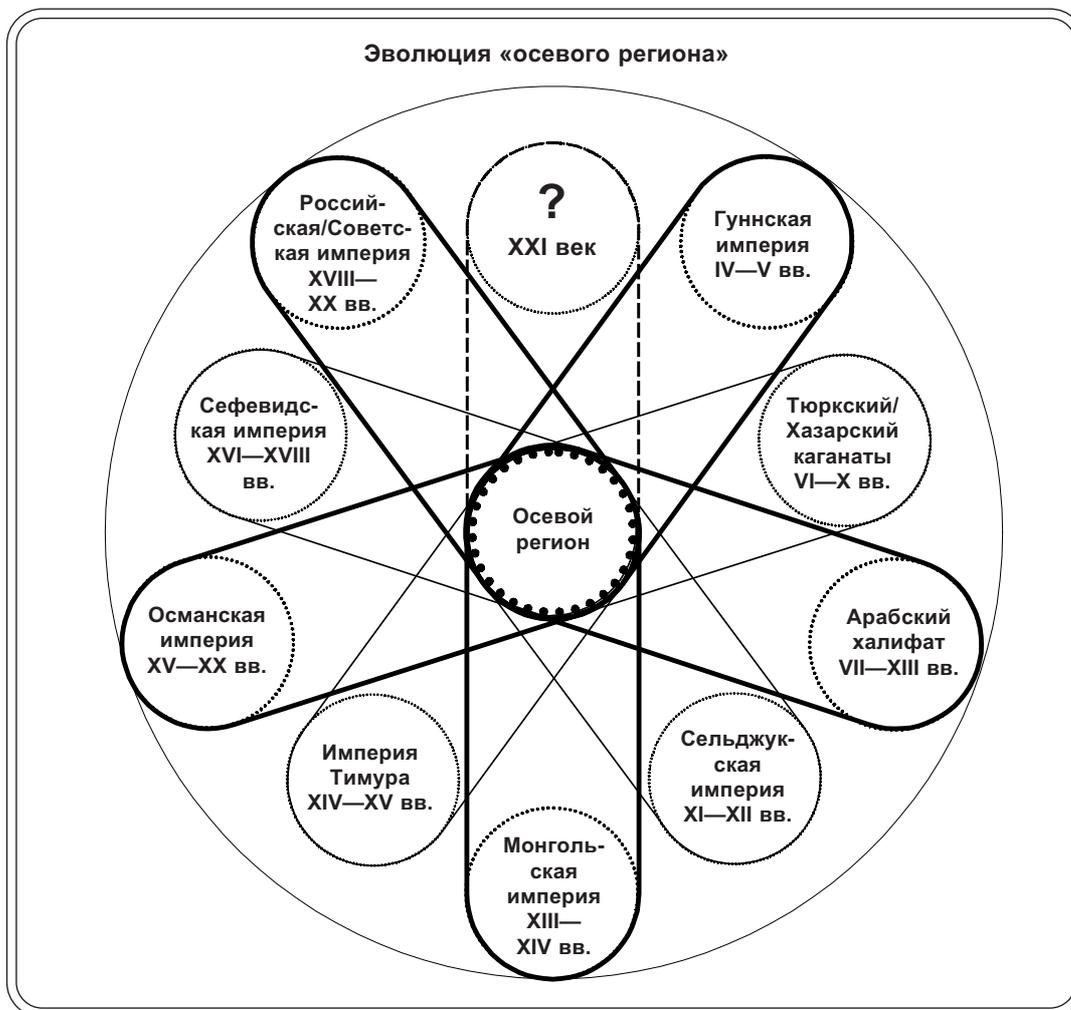
- во-первых, проанализировать историческую эволюцию пространства «осевого региона», то есть закономерности и этапы формирования его геополитической структуры;
- во-вторых, определить основные свойства, функции, принципы формирования и функционирования, а также параметры и структуру «осевого региона» в современных условиях.

2. Эволюция «осевого региона» — Центральной Евразии

История становления «Хартленда» как единого и целостного региона в хронологическом плане начинается с Гуннской империи с последующей сменой действовавших гео-

политических акторов: Тюркского и Хазарского каганатов, Арабского халифата, Сельджукской, Монгольской империй, Империи Тимура, Османской, Сефевидской, а также Российской и Советской империй (см. рис. 2).

Рисунок 2

В различные исторические эпохи «осевой регион» то расширялся, то сужался в рамках указанных имперских систем, после распада которых, как правило, возникали устойчивые во времени административно-территориальные единицы. Остановимся на общих пространственно-политических параметрах имперских систем, в рамках которых происходила историческая эволюция «осевого региона» (см. табл. 1).

1. *Гуннская империя* (IV—V вв.)²³ — занимала территорию от Кавказа до Рейна и от правого берега Дуная до Датских островов. Во второй половине V века она распалась на:

²³ См.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в др. времена. М., 1960.

Таблица 1

**Территория «Хартленда»
в составе различных империй**

Сегменты империй Империи / современные государства	Периоды века	Общая площадь империи Тыс. км ² %%		В том числе площадь сегментов после распада империи											
				Площадь государства титularyного этноса — (субъект) Тыс. км ² %%		Площадь «Хартленда» — (объект)						Площадь «Римленда» — (объект) Тыс. км ² %%			
						Общая Тыс. км ² %%		В том числе сегменты «Хартленда»							
								Европейский		Кавказский				Азиатский	
Гуннская империя	IV—V	3 237	100	—	—	3 237	100	2 882	89	355	11	—	—	—	—
Тюркский каганат	VI—VIII	5 701	100	—	—	5 701	100	550	10	355	6	4 796	84	—	—
Хазарский каганат	VII—X	791	100	—	—	791	100	436	55	355	45	—	—	—	—
Арабский халифат	VII—XIII	13 848	100	2 606	19	1 917	14	—	—	187	1	1 730	13	9 325	67
Сауд. Аравия	XXI	—	—	2 150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сельджукская империя	XI—XII	3 801	100	200	5	2 171	57	—	—	993	26	1 178	31	1 430	38
Туркменистан	XXI	—	—	488	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Монгольская империя	XIII—XIV	22 484	100	1 565	7	14 144	63	2 145	10	653	3	11 346	50	6 775	30
Монголия	XXI	—	—	1 565	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Империя Тимура	XIV—XV	5 929	100	244	4	4 248	72	—	—	298	5	3 950	67	1 437	24

Таблица 1 (продолжение)

Сегменты империй Империи / современные государства	Периоды века	Общая площадь империи Тыс. км ² %%		В том числе площадь сегментов после распада империи											
				Площадь государства титularyного этноса — (субъект) Тыс. км ² %%		Площадь «Хартленда» — (объект)						Площадь «Римленда» — (объект) Тыс. км ² %%			
						Общая Тыс. км ² %%		В том числе сегменты «Хартленда»							
								Европейский		Кавказский				Азиатский	
				Тыс. км ² %%		Тыс. км ² %%		Тыс. км ² %%		Тыс. км ² %%		Тыс. км ² %%		Тыс. км ² %%	
Узбекистан	XXI	—	—	447	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Османская империя	XV—XX	8 182	100	779	9	1 114	14	1 079	13	35	1	—	—	6 289	77
Турция	XXI	—	—	779	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сефевидская империя	XVI—XVIII	2 000	100	228	11	335	17	—	—	35	2	300	15	1 437	72
Азербайджан	XXI	—	—	87	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Российская империя	XVIII—XX	22 430	100	—	73	6 073	27	1 480	6	599	3	3 994	18	—	—
РСФСР	XX	—	—	16 357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
СССР	XX	22 402	100	—	77	5 202	23	1 021	4	187	1	3 994	18	—	—
РФ	XXI	—	—	17 200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
СЭВ	XX	26 334	100	17 200	65	8 693	33	2 295	9	187	1	6 211	23	441	2
РФ	XX	—	—	17 200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Центральная Евразия	XXI	—	—	—	—	8 585	100	2 187	26	187	2	6 211	72	—	—

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. V — нач. VI вв.) — владения балканских, северопричерноморских династов;
  - Северо-Кавказский (вторая пол. V — нач. VI вв.) — владения местных династов.
2. *Тюркский каганат* (VI—VIII вв.)²⁴ — занимал центральную полосу от Маньчжурии до Причерноморских степей и Крыма. Во второй половине VI века он распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. VI — первая пол. VIII вв.) — владения северопричерноморских династов;
  - Северо-Кавказский (вторая пол. VI — первая пол. VIII вв.) — владения местных династов;
  - Центрально-Азиатский (вторая пол. VI—VIII вв.):
    - Восточно-Тюркский каганат (609 г.), который занимал территории к востоку от Сырдарьи до Маньчжурии. После распада Восточно-Тюркского каганата в 745 году на его базе возник Уйгурский каганат — (Синьцзян-Уйгурский автономный район современного Китая);
    - Западно-Тюркский каганат (603 г.), который занимал территории к западу от Сырдарьи до Каспийского моря, а также северопричерноморские и североприкаспийские степи. После распада Западно-Тюркского каганата в 659 году на его базе возник Хазарский каганат.
3. *Хазарский каганат* (сер. VII — сер. X вв.)²⁵ — владел всем Северным Кавказом, Приазовьем, степными и лесостепными территориями Восточной Европы до Днепра, а также большей частью Крыма, отвоеванного у Византии. В период со второй половины VIII века до X века он распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (вторая пол. VIII — кон. IX вв.) — владения северопричерноморских династов;
- Северо-Кавказский (вторая пол. VIII — кон. IX вв.) — владения местных династов.

Таким образом, возникнув в Центральной Азии, тюркские племенные союзы создали в течение четырех веков три могущественных государства (Гуннская империя, Тюркский и Хазарский каганаты), которые впервые заложили основы формирования «осевого региона» и стремились его максимально расширить²⁶. Однако это им не удалось, и все три империи распались. Вместе с тем, эти титульные этносы не смогли закрепиться ни в одном из его сегментов и создать свое государство. Как следствие, они «растворились» в истории.

4. *Арабский халифат* (первая пол. VII — сер. XIII вв.)²⁷ — занимал территорию от Атлантического до Индийского океанов и от Кавказа и Центральной Азии до Се-

²⁴ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

²⁵ См.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

²⁶ См.: Гунны и хазары господствовали на Европейском и Кавказском сегментах, а тюркские каганы в основном на Азиатском, Кавказском и частично Европейском сегментах.

²⁷ См.: Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966. Арабский халифат в первой половине X века распался на: Кордовский халифат (Омейядов) (929—1031 гг.), Фатимидский халифат (909—1171 гг.) и халифат Аббасидов (750—945 гг.), после распада которого возник Багдадский халифат, правители которого обладали только религиозной властью. После взятия Багдада (1258 г.) монгольскими войсками Хулагу-хана Халифат перестал существовать.

верной Африки. В период с середины VIII века до середины XIII века Халифат распался на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (сер. X — сер. XII вв.) — Кахетское княжество (кон. VIII в.), Эретское княжество (кон. VIII в.), Тао-Кларджетское княжество (нач. IX в.), Абхазское царство (нач. IX в.), Тифлисский эмират (династия Джафаридов — нач. IX в.) — (современная Грузия), Гянджинский эмират (династия Шаддаидов — 971 г.) и Ширванское государство (861 г.) — (современный Азербайджан);
- Северо-Кавказский (сер. X в.) — Дербентский эмират (династия Хашимидов — сер. X в.) — (южная часть современной России);
- Юго-Восточный Кавказ (вторая пол. IX — X вв.) — государства Саджидов (879 г.), Саларидов (941 г.), Раввадидов (979 г.) — (северо-западная часть современного Ирана);
- Центрально-Азиатский (вторая пол. IX в.) — государство Саманидов (875 г.) — (современные Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Европейский (сер. VIII — первая пол. X вв.) — Кордовский эмират (756 г.), Кордовский халифат (929 г.) — (современные Испания, Португалия);
- Западно-Азиатский (первая пол. IX — первая пол. X вв.) — государства Тахиридов (821 г.), Саффаридов (861 г.), Алидов (864 г.), Буидов (935 г.) — (современный Иран);
- Северо-Африканский (вторая пол. VIII—X вв.) — Фатимидский халифат (909 г.), в состав которого вошли государства Ростемидов (776 г.), Идрисидов (788 г.), Аглабидов (800 г.), Тулунидов (868 г.), Ихшидидов (935 г.) — (современные Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, Египет);

*геополитический субъект,
выделившийся из «Римленда»:*

- Западно-Азиатский (сер. X в.) — Багдадский халифат (945—1258 гг.), где закрепился титульный этнос — *арабы*. За восемь веков он преобразовался в современную Саудовскую Аравию.
5. *Сельджукская империя* (первая пол. XI — первая пол. XII вв.)²⁸ — простиралась от Центральной Азии до Малой Азии включительно и от Кавказа до Персидского залива. В период с середины XI века и до первой половины XII века она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (XII в.) — Азербайджанский султанат Атабеков Ильденизидов²⁹ (1136 г.) — (части современного Азербайджана, Ирака и Ирана); Ширванское государство — (современный Азербайджан), Грузинское царство — (современная Грузия);

²⁸ См.: Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960; Райс Т. Сельджуки. Кочевники — завоеватели Малой Азии / Пер. с англ. О.И. Миловой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 238 с.; Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. М.: Наука, 1991. 303 с.

²⁹ В 1136 году Иракский султанат преобразовался в Азербайджанский султанат Атабеков Ильденизидов (см.: Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана 1136—1225 гг. Т. 2. Баку, 1999).

- Центрально-Азиатский (кон. X — первая пол. XII вв.) — государство Хорезмшахов (1127 г.) — (современный Узбекистан);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (XI в.) — Керманский султанат (1041 г.), государство Исмаилитов (1090 г.) — (современный Иран); Иракский султанат (1118 г.) — (современный Ирак);
- Малоазиатский (вторая пол. XI в.) — эмират Данишмендидов (1071 г.), Конийский султанат (1077 г.) — (Центральная и Восточная часть современной Турции);

геополитический субъект,

выделившийся из «Хартленда»:

- Центрально-Азиатский (XII в.) — Султанат Великих Сельджуков (1118—1157 гг.) в Хорасане — домен великих султанов Сельджукидов, где закрепился *титульный этнос* — *туркмены*, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. За восемь веков он преобразовался в современный Туркменистан.
6. *Монгольская империя* (XIII—XIV вв.)³⁰ — простиралась от Китая до Малой Азии и от степей Северного Причерноморья и Прикаспия до Персидского залива. Чингисхан в первой половине XIII века поделил свою империю на четыре улуса (1224 г.), во главе которых стояли его сыновья Джучи, Джагатай, Угедей и Толуй. В 1256 году внук Чингисхана — Хулагу, завоевав Иран и Ирак, создал пятый улус³¹. Эти улусы в течение XIV—XV веков распались на:

сегменты «Хартленда»:

- Восточно-Европейский (XV в.) — Московское великое княжество — (западная часть Золотой Орды (улус Джучи) — европейская часть современной России);
- Северо-Кавказский (XIII—XIV вв.) — Аварское нуцальство (кон. XIII в.), Дербентское владение (сер. XIV в.), Ногайская Орда (кон. XIV в.) — (южная часть Золотой Орды (улус Джучи) — южная часть современной России);
- Центрально-Кавказский (первая пол. XIV в.) — Грузинское царство, Ширванское государство — (северо-западная часть улуса Хулагу — современные Грузия и Азербайджан);
- Центрально-Азиатский (XIV в.):
  - Белая орда (XIV в.) — (восточная часть Золотой Орды (улус Джучи) — современный Казахстан);
  - Моголистанское ханство (1347 г.) — (улус Джагатай — современные Узбекистан, Туркменистан);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (первая пол. XIV в.) — государства Джалаиридов (1336 г.), Сербедаров (1337 г.), Мозаффридов (1340 г.), Сеидов (1350 г.) — (юго-западная часть улуса Хулагу — современный Иран);

³⁰ См.: Филип Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов / Пер. с англ. О.И. Перфильева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 174 с.

³¹ См.: Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956; Пигулевская Н.В., Якубовская А.Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

- Восточно-Азиатский (вторая пол. XIV в.) — империя Мин (1368 г.) — (юго-восточная часть улуса Тогуя — современный Китай);

геополитический субъект, выделившийся из «Хартленда»:

- Центрально-Азиатский (нач. XV в.) — Ойратское ханство (1418—1455 гг.) — (северная часть улуса Тогуя — домен великих каанов, где закрепился *титульный этнос* — монголы, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект). В течение шести веков он преобразовался в современную Монголию.

7. *Империя Тимура* (вторая пол. XIV — первая пол. XV вв.)³² — включала в себя территории от Центральной Азии до Малой Азии и от Кавказа до Персидского залива: Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Центральный Кавказ, Иран, Пенджаб. В начале XV века она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Кавказский (нач. XV в.) — Ширванское государство — (современный Азербайджан) и Грузинское царство — (современная Грузия);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (нач. XV в.) — государство Кара-Коюнлу (1410 г.) — (современный Иран);

геополитический субъект, выделившийся из «Хартленда»:

- Центрально-Азиатский (нач. XV в.) — Гератский (1409—1447 гг.) и Самаркандский (1409—1449 гг.) эмираты, где закрепился *титульный этнос* — узбеки, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. В течение пяти веков он преобразовался в современный Узбекистан.

8. *Османская империя* (сер. XV — нач. XX вв.)³³ — охватывала территории от Кавказа до Балкан и от Северного Причерноморья до Северной Африки³⁴. В период с конца XVII — до начала XX веков она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (кон. XVII — нач. XX вв.) — Албанское княжество, Болгарское княжество, Венгерское королевство, Греческое королевство, Румынское княжество, Черногорское княжество, Сербское королевство, Босния и Герцеговина, Македония — (современные Албания, Болгария, Венгрия, Греция, Румыния, Молдова, Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, а также юг Украины);
- Центрально-Кавказский (первая пол. XIX в.) — Имеретинское царство (1804 г.); княжества: Мегрельское (1803 г.), Абхазское (1810 г.), Гурийское (1811 г.), Сванетское (1833 г.) — (современная Грузия);

³² См.: Ру Ж-П. Тамерлан / Пер. с фр. М.: Молодая Гвардия, 2007. 295 с.; Муминов И.М. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии. Ташкент, 1968.

³³ См.: История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. Т. 1. История Османского государства и общества / Пер. с турец. М., 2006.

³⁴ См.: Там же. С. 22—23 (карта).

сегменты «Римленда»:

- Северо-Африканский (нач. XVIII — вторая пол. XIX вв.) — Алжирский (1711 г.), Ливийский (1711 г.), Египетский (1805 г.), Тунисский (1881 г.) пашалыки — (современные Алжир, Ливия, Египет, Тунис);
- Западно-Азиатский (XIX — начало XX вв.) — Ирак (1918 г.), Сирия (1918 г.), Ливан (1918 г.), Палестина (1832 г.), Хиджаз (1916 г.) — (современные Ирак, Сирия, Ливан, Израиль, Саудовская Аравия);

*геополитический субъект,
выделившийся из «Римленда»:*

- Малоазиатский (1923 г.) — республика Турция (1923 — по наст. вр.), где закрепился *титულный этнос* — *турки*.
9. *Сефевидская империя* (нач. XVI — первая пол. XVIII вв.)³⁵ — охватывала территории от Северо-Восточного Кавказа до Персидского залива и от Центральной Азии до Малой Азии. В первой половине XVIII века Сефевидская империя распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Северо-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — Дербентское ханство (1747 г.) — (южная часть современной России);
- Центрально-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — Кахетское (1747 г.) и Картлийское (1747 г.) царства — (восточная часть современной Грузии); Кубинское (1726 г.), Шекинское (1743 г.), Гянджинское (1747 г.), Тальшское (1747 г.), Нахичеванское (1747 г.), Эриванское (1747 г.), Бакинское (1747 г.), Джавадское (1747 г.), Карабахское (1748 г.), Ширванское (1748 г.) ханства, где закрепился *титулный этнос* — *азербайджанцы* — (современный Азербайджан);
- Юго-Восточный Кавказ (первая пол. XVIII в.) — Табризское (1745 г.), Марагинское (1747 г.), Хойское (1747 г.), Макинское (1747 г.), Сарабское (1747 г.), Урмийское (1747 г.), Ардабильское (1747 г.), Гилянское (1747 г.), Гарадагское (1748 г.) ханства, где закрепился *титулный этнос* — *азербайджанцы* — (северо-западная часть современного Ирана);

сегменты «Римленда»:

- Западно-Азиатский (вторая пол. XVIII в.) — государство Зендов (1760 г.) — (современный Иран)³⁶;

*геополитический субъект,
выделившийся из «Хартленда»:*

- Центрально-Кавказский (первая пол. XVIII в.) — 20 азербайджанских ханств, где закрепился *титулный этнос* — *азербайджанцы*, которые не смогли объединиться и сформироваться в геополитический субъект. В течение двух веков азербайджанские ханства Центрального Кавказа преобразовались в современный Азербайджан.

³⁵ См.: *Эфендиев О.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961; *Локкарт Л.* НаDIR шах / Пер. с англ. Баку, 2004; *Рахмани А.А.* Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку: Эльм, 1991. 238 с.

³⁶ См.: *Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. М., 1952.

10. *Российская империя* (1721—1917 гг.)³⁷ — включала территории от Дальнего Востока до Центральной Европы и от Северного Ледовитого океана до Кавказа и Центральной Азии. В 1917 году она распалась на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (первая пол. XX в.) — Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Центральная (Украинская) рада, Белорусская рада, губернии: Бессарабская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская — (современные Польша, Финляндия, Украина, Беларусь, Молдова, Литва, Латвия, Эстония);
- Северо-Кавказский (первая пол. XX в.) — Дагестанская республика, Горская республика, Кубанская рада — (южная часть современной России);
- Центрально-Кавказский (1918 г.) — Азербайджанская Демократическая Республика, Араратская Республика, Демократическая Республика Грузия — (современные Азербайджан, Армения, Грузия);
- Юго-Западный Кавказ (1918 г.) — Араз-Тюркская республика и Юго-Западная Кавказская (Карсская) Демократическая Республика — (современные северо-восточные илы Турции);
- Центрально-Азиатский (первая пол. XX в.) — «правительство» Алаш-орды, «Кокандская автономия», Бухарское и Хивинское ханства³⁸ — (современные Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан);

геополитический субъект,

выделившийся из «Хартленда»:

- Восточно-Европейский–Северо-Азиатский (1917 г.) — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (1917—1991 гг.), где закрепился титульный этнос — *русские*.

11. *СССР* (1922—1991 гг.)³⁹ — существовал на пространстве, доставшемся в наследство от Российской империи. В 1949 году Советский Союз создал СЭВ, который наряду с территорией СССР включал другие части Центральной Европы и Центральной Азии, а также отдельные государства в разных частях планеты. В 1991 году СССР/СЭВ распались на:

сегменты «Хартленда»:

- Центрально-Европейский (1991 г.) — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, ГДР, Югославия; Украина, Беларусь, Молдова, Литва, Латвия, Эстония;
- Центрально-Кавказский (1991 г.) — Азербайджан, Армения, Грузия;
- Центрально-Азиатский (1991 г.) — Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Монголия, Афганистан.

³⁷ См.: Д'Анко Э.К. Незавершенная Россия / Пер. с фр. М.: Росспэн, 2005. 192 с.; Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. Санкт-Петербург: изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. 846 с.; Широкопад А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М.: Вече, 2007. 497 с.

³⁸ Наряду с отмеченными образованиями в Центральной Азии в 1918 году была создана Туркестанская АССР в составе РСФСР со столицей в Ташкенте.

³⁹ См.: Верт Н. История Советского государства 1900—1991 / Пер. с фр. 2-е изд., М.: ИНФРА-М, изд-во «Весь мир», 2002. С. 544; СССР после распада / Под общ. ред. О. Маргания. Санкт-Петербург: изд-во «Экономическая школа», 2007; История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12 тт. М., 1966—1968.

*геополитический субъект,
выделившийся из «Хартленда»:*

- Восточно-Европейский–Северо-Азиатский (1991 г.) — Российская Федерация (1991 г. — по наст. вр.), где закрепился *титульный этнос — русские*.

Краткое описание эволюции «осевого региона» показывает, что гунны, вытесненные в IV веке из Центрально-Азиатского сегмента «Хартленда» геополитическим субъектом восточной части «Римленда» — Китайской империей, начали впервые формировать Европейский и Кавказский сегменты «осевого региона» в функционально единое геополитическое и экономическое пространство. Однако они не смогли закрепить и развить складывающиеся интеграционные тенденции между зарождающимися сегментами «Хартленда», так как продолжили борьбу за господство в Европе с Римской (и Византийской) империей, которая контролировала в основном западную часть «Римленда». Хотя гунны нанесли ей сокрушительные удары и расшатали ее основы, поражение в «битве народов» на Каталаунских полях во Франции (451 г.) положило конец периоду расцвета их пассионарности⁴⁰. Вскоре после этого Гуннская империя прекратила свое существование, и, как следствие, в последующие века ни «Хартленд», ни «Римленд» не могли полностью возродиться и выполнять геополитические и геоэкономические функции в Евразии.

Спустя 100 лет начался второй цикл процесса формирования «осевого региона». На прародине гуннов возникает новое государство — Тюркский каганат, который, в начале установив господство над всей Центральной Азией, стремился расширить свой ареал как в восточном, так и в западном направлениях. В восточном направлении тюрки стали контролировать территории Маньчжурии, Синьцзяна, Алтая, Монголии, а в западном — установили свое господство лишь над Северным Кавказом и находившемся в составе Византийской империи Северным Причерноморьем (Боспор/Керчь). В результате этих завоеваний тюркские каганы стали контролировать все основные маршруты Великого шелкового пути, то есть все важные сегменты «осевого региона», что позволяло им выполнять геополитическую и геоэкономическую функцию на евразийском материке. Однако они не смогли закрепить свое господство в «осевом регионе», и в 588 году единое тюркское государство распалось на Восточный и Западный Тюркские каганаты.

Через столетие (VII в.) на базе Западно-Тюркского каганата возник Хазарский каганат, включивший в себя Северо-Кавказский и Северо-Причерноморский ареалы. Подобно Гуннской империи он стремился расширить свое господство на Кавказском и Европейском сегментах «осевого региона», в то время как на Азиатском сегменте «Хартленда» господствовали правители Восточно-Тюркского каганата. Их основные усилия были направлены против геополитического актора восточной части «Римленда» — Китая, с которым каганат вел длительные войны, приведшие в конечном счете к гибели государства.

Одновременно (в VII в.) в западной части «Римленда», на Аравийском полуострове, возникает новый геополитический субъект — Арабский халифат. Завоевав огромные территории от Атлантического до Индийского океанов, то есть весь западный участок прибрежной полосы «Мирового острова», арабы начали устанавливать свое господство и на отдельных сегментах «осевого региона». На Кавказском сегменте «Хартленда» Халифат в течение всего VIII века вел войны с Хазарским каганатом, а на Центрально-Азиатском — с Восточно-Тюркским каганатом (712—713 гг.).

В результате возобновления столкновений «новых» ключевых акторов «Римленда» (Арабский халифат и Китайская империя) и «Хартленда» (Хазарский каганат и Восточ-

⁴⁰ О теории пассионарности см.: Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. М.: Рольф, 2001.

но-Тюркский каганат) последние перестали существовать как геополитические субъекты. Тем самым Арабский халифат установил свое господство на двух сегментах «осевого региона» — Центральной Азии и Центральном Кавказе. Таким образом, Арабский халифат, прервав развитие зарождающихся интеграционных тенденций в «осевом регионе», примерно на протяжении двух веков господствовал в основных сегментах как «Римленда», так и «Хартленда», то есть почти на всем «Мировом острове».

Однако в первой четверти IX века начинается упадок Халифата, от которого поэтапно отделяются сегменты «Римленда» — Юго-Западная Европа, Северная Африка, Западная Азия и часть Малой Азии, а из «Хартленда» — Центральная Азия и Центральный Кавказ.

В XI веке в Центрально-Азиатском сегменте «осевого региона» вновь возникает евразийская держава — Сельджукская, положившая начало новой фазе возрождения «Хартленда». Овладев Центральной Азией, сельджуки завоевали и второй сегмент «осевого региона» — Центральный Кавказ, а также отдельные сегменты «Римленда» — Западную Азию, часть Малой Азии и собственно Арабский (Багдадский) халифат. Закат «арабского» «Римленда» способствовал возрождению «сельджукского» «Хартленда», который, трансформируясь во времени в другие геополитические акторы «осевого региона», до конца XX века непрерывно господствовал в различных формах на «Мировом острове».

В XIII веке на смену сельджукам в «осевом регионе» пришло двухвековое господство монголов, причем не только на всех сегментах «Хартленда» (Центральной Европе, Центральном Кавказе и Центральной Азии), но и почти на всем евразийском материке.

В XV веке монголов сменили турки (османы), которые, переселившись, в основном в XII—XIII веках, из Центральной Азии в Малую Азию, в 1299 году создали свое государство — Османский бейлик. Положив конец Византийской империи (1453 г.) и овладев ее территорией, Османская империя с XVI века поэтапно устанавливала свое господство как на сегментах «Хартленда» — Центрально-Европейском и Центрально-Кавказском, так и на сегментах «Римленда» — в Северной Африке.

В XVI веке Сефевидская империя в процессе установления своего господства на Центрально-Азиатском и Центрально-Кавказском сегментах «осевого региона» столкнулась с Османской державой. Это многовековое противостояние в конечном счете привело к распаду Сефевидской державы и, как следствие, к возрождению независимости этнополитических и государственных образований на Центрально-Кавказском (восточной части) и Центрально-Азиатском сегментах. Одновременно существенно уменьшилось влияние Османской империи в Центрально-Европейском и Центрально-Кавказском (в западной части) сегментах.

С середины XVIII века Российская империя начала устанавливать свое господство на всех сегментах «осевого региона», а в XIX веке овладела всем Центральным Кавказом и начала расширяться в западном (центральноевропейском) и восточном (центрально-азиатском) направлениях.

Таким образом, XIX век можно считать временем окончания почти непрерывного владычества тюркских империй (Гуннская империя, Тюркский/Хазарский каганаты, Сельджукская и Монгольская империи, Империя Тимура, Османская и Сефевидская империи) в «Хартленде» и началом господства славянской державы (Российской империи).

Русский этнос, проживающий главным образом в Восточно-Европейском сегменте «Хартленда», в период Российской империи сумел в XIX веке установить свое господство на всех основных сегментах «осевого региона» (Центрально-Европейском, Центрально-Кавказском и Центрально-Азиатском), а также завоевать стратегически важные прибрежные полосы на западе (Прибалтика, Финляндия), востоке (Камчатка, Сахалин,

Приморский край, Аляска) и севере (прибрежная полоса Северного Ледовитого океана), получив тем самым выходы в три океана и став сухопутно-морской державой, способной одновременно выполнять функции геополитического актора как «Хартленда», так и «Римленда».

В начале XX века Российская империя трансформируется в СССР, который, унаследовав ее территорию и геополитические возможности, создал СЭВ (в 1949 г.) и тем самым максимально расширил «осевой регион», включив в его ареал государства «социалистического лагеря» в Центральной Европе — Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Албанию, ГДР и Югославию, а в Центральной Азии — Монголию и Афганистан. Итак, пространство «осевого региона» наиболее полно формируется и функционирует лишь в период Советской империи.

Если проанализировать завершающий этап последнего цикла эволюции «осевого региона», то есть период распада последней евразийской державы — СССР, и начало первого этапа нового цикла — очередное возрождение «Хартленда», то четко прослеживается, что, как и в предыдущих циклах, здесь выделились сегменты — *Центрально-Европейский*, *Центрально-Кавказский*, *Центрально-Азиатский*, а также отделившийся от «осевого региона» собственный ареал господствующей нации, как правило, в качестве самостоятельного субъекта геополитики — Российская Федерация.

Необходимо также отметить, что каждая евразийская держава, «возникнув» в «осевом регионе», в процессе своей эволюции, как правило, выделялась в самостоятельный субъект геополитики, господствующий над «материнским» объектом — «Хартлендом». Иначе говоря, в истоках своего становления эта часть объекта, будучи системообразующим элементом «Хартленда», со временем преобразовывалась в субъект, функционально отличающийся от других составных элементов объекта — «осевого региона». Тем самым новый геополитический субъект как бы «покидает» лоно своего «рождения», то есть «материнский» объект — «Хартленд», который пространственно сужается ровно настолько, насколько состоялся собственный ареал титульной нации.

Итак, пространство «осевого региона» и его сегментов, подобно «зрачку глаза», во времени то расширялось, то сужалось, то смещалось, то есть было перманентно подвижным. Это и является одной из причин того, что территории современных государств и сегментов Центральной Евразии не совпадают с их исходными историческими границами.

Принципы формирования как «Хартленда», так и «Римленда» осуществлялись преимущественно на этнической (Гуннская, Тюркская, Хазарская, Сельджукская, Монгольская империи, Империя Тимура, Османская, Сефевидская империи, где тюркский этнос являлся титульным, в Российской империи титульным был русский этнос), религиозной (Арабский халифат — «мусульмане») и политико-идеологической основе (СССР — «советский народ»). Его эволюция на всех этапах проходила в соответствии с единым алгоритмом:

- «становление — выделение» титульной нации и четкое ее закрепление в освоенном ареале «осевого региона»;
- «расцвет — полный контроль» над основными сегментами «осевого региона» и стремление завоевать весь мир;
- «распад — начало» становления новых пространственных границ сегментов «осевого региона» и отделение от него территории титульной нации.

Таким образом, на стадии формирования «Хартленда» как самостоятельного целостного объекта/субъекта мировой политики из множества этносов выделялся пассионарный, доминировавший над остальными этносами срединной части евразийского матери-

ка, после чего начиналась вторая стадия — расцвет. В этот период ареал пассионарного этноса, как наиболее устойчивая этнополитическая единица «осевого региона», трансформируется из объекта геополитики в ее субъект, то есть в империю, стремящуюся господствовать вначале над сопредельными территориями «осевого региона», а затем — над всем миром. Однако после овладения «Хартлендом» и определенной частью «Римленда» начинался процесс распада евразийской имперской системы и, как следствие, единого пространства «Хартленда» на отдельные, относительно обособленные сегменты, в одном из которых определялись границы территории государства титульного этноса. По такой схеме проходил каждый цикл эволюции «Хартленда».

3. Сущность, функции и принципы формирования «осевого региона» в XXI веке

Сущность «осевого региона». «Хартленд» являет собой срединную часть самого большого «Мирового острова» планеты, не имеющую выходов к стратегически важным прибрежным полосам, но обладающую избыточной внутренней потенциальной этнодемографической и социально-политической энергией — пассионарностью, от степени упорядоченности и управляемости которой в значительной степени зависит системное, динамичное и стабильное развитие всего евразийского материка.

Функция «осевого региона». Основная функция «Хартленда» — Центральной Евразии — заключается в обеспечении устойчивой сухопутной связи как по горизонтали (широтной) «Запад — Восток», так и по вертикали (меридиональной) «Север — Юг». Иными словами, Центральная Евразия призвана содействовать стабильной геополитической и экономической интеграции крупных и относительно обособленных ареалов евразийского материка.

Принципы формирования «осевого региона». В современный период для достижения глобального равновесного развития человечества при формировании «осевого региона» необходимо использовать преимущественно принципы *социально-экономической целесообразности (совместимости и взаимодополняемости) и самоорганизации*, а при его функционировании — принципы *саморегулирования и самоуправления*. Как показала многовековая история Центральной Евразии, это обусловлено тем, что в периоды, когда «Хартленд» формировался преимущественно по этноконфессиональному или политико-идеологическому принципу и, соответственно, функционировал по принципу господства титульной нации над остальными народами завоеванного ареала, в конечном счете происходили распад евразийских империй и, соответственно, раскалывание «Хартленда» как единого, целостного геополитического пространства на отдельные сегменты. Тем самым нарушались сложившиеся объективные взаимосвязи между основными регионами всего евразийского материка.

4. Новая геополитическая структура Центральной Евразии

Эволюция «осевого региона», основные этапы которой были рассмотрены выше, свидетельствует о перманентной функциональной мобильности его системообразующих

сегментов. Это предполагает внесение ясности в вопрос о том, как сегодня следует структурно оценивать ареал Центральной Евразии. В начале нашего исследования, исходя из теоретического, историко-эмпирического и современного представления данного региона, мы пришли к выводу, что в пространственно-функциональном плане Центральная Евразия — нечто большее, чем просто *Центральный Кавказ плюс Центральная Азия*⁴¹. К этому можно прийти, даже рассуждая только пространственно. Если в евразийский материк органически входят Европа и Азия, то, соответственно, его центральная часть должна включать в себя центральные сегменты обоих континентов, то есть как территории центральноевропейских стран, так и территории центральноазиатских стран, а также особую зону, «область их пересечения» — территории центральнокавказских стран, что, как уже отмечалось, подтверждается многовековой историей социально-экономической жизни «осевого региона».

Наряду с этим структуризация геополитического пространства Евразии не может быть основана лишь на физико-географических принципах, то есть исключительно на пространственно-географических параметрах⁴². На наш взгляд, региональная структуризация геополитического пространства должна проводиться не столько с точки зрения физико-географического критерия, сколько исходя из принципа функционального единства данного пространства, совместимости и взаимодополняемости независимых сопредельных государств, их социокультурной близости на базе общности исторического прошлого, а также их совместной функциональной значимости в мировой политике и экономике.

Таким образом, исходя из вышесказанного, представляется необходимым рассматривать современную геополитическую структуру Центрально-Евразийского региона, как состоящего из трех сегментов: Центральная Европа, Центральный Кавказ и Центральная Азия (см. рис. 3).

По нашему мнению, такое понимание места и роли Центральной Евразии позволяет восполнить целостность «осевого региона» «недостающим элементом» — Центральной Европой.

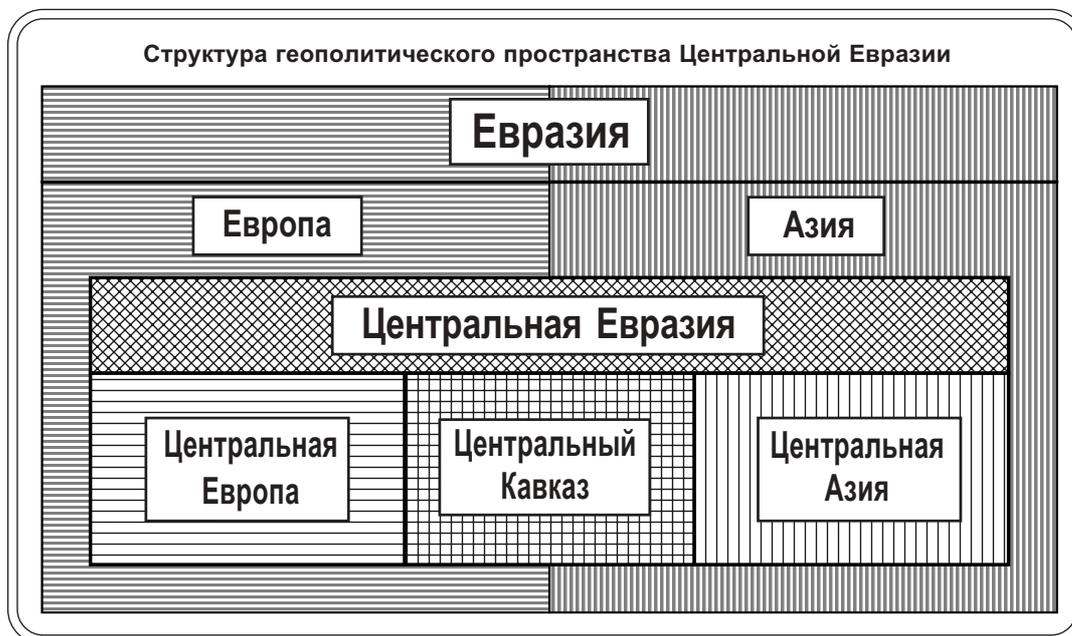
Итак, в отличие от существующих концепций, охватывающих лишь два сегмента (Центральную Азию и Центральный Кавказ) и предполагающих осуществлять их формирование и функционирование на принципе «господства титульной нации», представленный нами подход определения параметров, структуры, принципов формирования и функционирования «осевого региона» — Центральной Евразии — предполагает:

- во-первых, включение в состав «осевого региона» (помимо Центральной Азии и Центрального Кавказа) третьего сегмента — территории государств Центральной Европы;
- во-вторых, формирование и функционирование «Хартленда» на принципах социально-экономической целесообразности, самоорганизации, самоуправления и саморазвития.

⁴¹ В постсоветский период в состав Центральной Евразии в основном включали два сегмента «осевого региона»: Кавказ и Центральную Азию (см., например: *Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr S.F., Weisbrode K. Strategic Assessment of Central Eurasia*. Washington, D.C.: The Atlantic Council of the United States, Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University, 2001. P. vii; *Исмаилов Э., Эсенев М.* Указ. соч.; *Amineh M.P., Houweling H.* Introduction: The Crisis in IR-Theory: Towards a Critical Geopolitics Approach. В кн.: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development* / Ed. by M.P. Amineh, H. Houweling. Leiden: Brill, 2005. P. 2—3).

⁴² Часто это приводит к тому, что в состав отдельных регионов включают как территории суверенных государств, так и части территории граничащих стран. Например, геополитическое понятие «Центральная Азия» рассматривается и как физико-географический регион, так как, помимо территории пяти постСОВЕТских государств, сюда включают и часть территории западного Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Рисунок 3

Как показывает исторический опыт и сегодняшняя геополитическая конъюнктура, именно эти принципы формирования и функционирования «осевого региона» — Центральной Евразии — заключают в себе способность обеспечивать долгосрочную, непрерывную сухопутную связь как по горизонтали «Запад — Восток», так и по вертикали «Север — Юг», то есть стабильную социально-экономическую интеграцию Западной Европы — Восточной Азии, России — Южной Азии.

Необходимо также отметить, что в силу ускорения глобализационных процессов в последние десятилетия в геополитической литературе (регионоведении и страноведении) все чаще стали использовать макрокатегории, в том числе слово «Большой», например: «Большая Европа»⁴³, «Большой Ближний Восток»⁴⁴, «Большая Центральная Азия»⁴⁵, «Большой Китай»⁴⁶ и т.д. Рациональность данного подхода очевидна, она связана не столько с необходимостью концептуально обосновать позиции и интересы акторов, конкурирующих на евразийском геополитическом «театре», сколько с объективными закономерностями развития и взаимодействия региональных политических систем на пространстве Евразии в условиях глобализации.

⁴³ См.: Максимычев И. Ось мира как начало Большой Европы [http://www.ng.ru/world/2003-02-28//6_europe.html]; Арбатов А. Цветные революции и Большая Европа [http://www.rian.ru/analytics/20050530/40439533.html]; Большая Европа против Большой России [http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/609/41.html]; Развал Большой Европы. Новый шанс для СНГ? [http://www.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1417.html].

⁴⁴ См.: Крылов А. Нефть и новые игры на глобусе [http://www.fondsk.ru/article.php?id=269]; Большой Ближний Восток [http://www.charter97.org/rus/news/2004/06/29/vostok]; НАТО и Большой Ближний Восток [http://www.svoboda.org/programs/ep/2003/ep.102903.asp]; Эрдоган Р. Широкий взгляд на Большой Ближний Восток // Россия в глобальной политике, июль — август 2004, № 4 [www.globalaffairs.ru/numbers/9/2917.html].

⁴⁵ См.: Лаумулин М. Большая Центральная Азия (БЦА) — новый мегапроект США? [http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1132564860]; Большая Центральная Азия: объединяй и властвуй [http://www.dumaem.ru/indexkz.php?iq=st_show&st_kztm_id=8&st_id=814].

⁴⁶ См.: Сыроежкин К. Быть ли Большому Китаю? [http://continent.kz/2000/01/17.html].

Интересы динамичного и устойчивого политического, экономического и социально-культурного развития государств, составляющих эти региональные подсистемы, сегодня неосуществимы без необходимой степени функциональной открытости и взаимововлеченности в текущие процессы. Ставка на автаркичность в развитии государств имела место в периоды классической геополитики, однако сейчас, в условиях глобализации, ни одна страна не может достичь самодостаточности — как минимум, с точки зрения экономической целесообразности. И это, естественно, отражается в тех процессах, которые ныне протекают в рамках каждого сегмента евразийского материка и между ними.

Таким образом, оставшееся в наследство от «холодной войны» «узкое» обозначение регионов Евразии не полностью раскрывает современные реалии расширившихся и углубляющихся межрегиональных связей и отношений. Соответственно, их всеобъемлющее понимание требует применения «широкого» (макрорегионального) подхода к структуризации евразийского пространства. В этой связи мы считали бы не только возможным, но и целесообразным использовать приставку «Большой» и для понятий «Центральная Евразия» и, соответственно, для ее составных частей.

При этом следует учесть, что при характеристике Центрально-Азиатского региона приставка «Большой» уже применяется, то есть понятие «Большая Центральная Азия» широко распространено в научном лексиконе. Однако для двух других сегментов — Центральная Европа и Центральный Кавказ⁴⁷ — приставка «Большой» еще не используется. В этой связи, исходя из логики расширительного толкования регионов, под Большой Центральной Европой следует, как уже отмечалось нами выше, понимать географическое пространство, включающее, помимо трех постСОВЕТских республик (Беларусь, Украина, Молдова), также балтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) и постСЭВовские государства (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Чехия, Словакия, Словения, Хорватия и Черногория) (см. рис. 4).

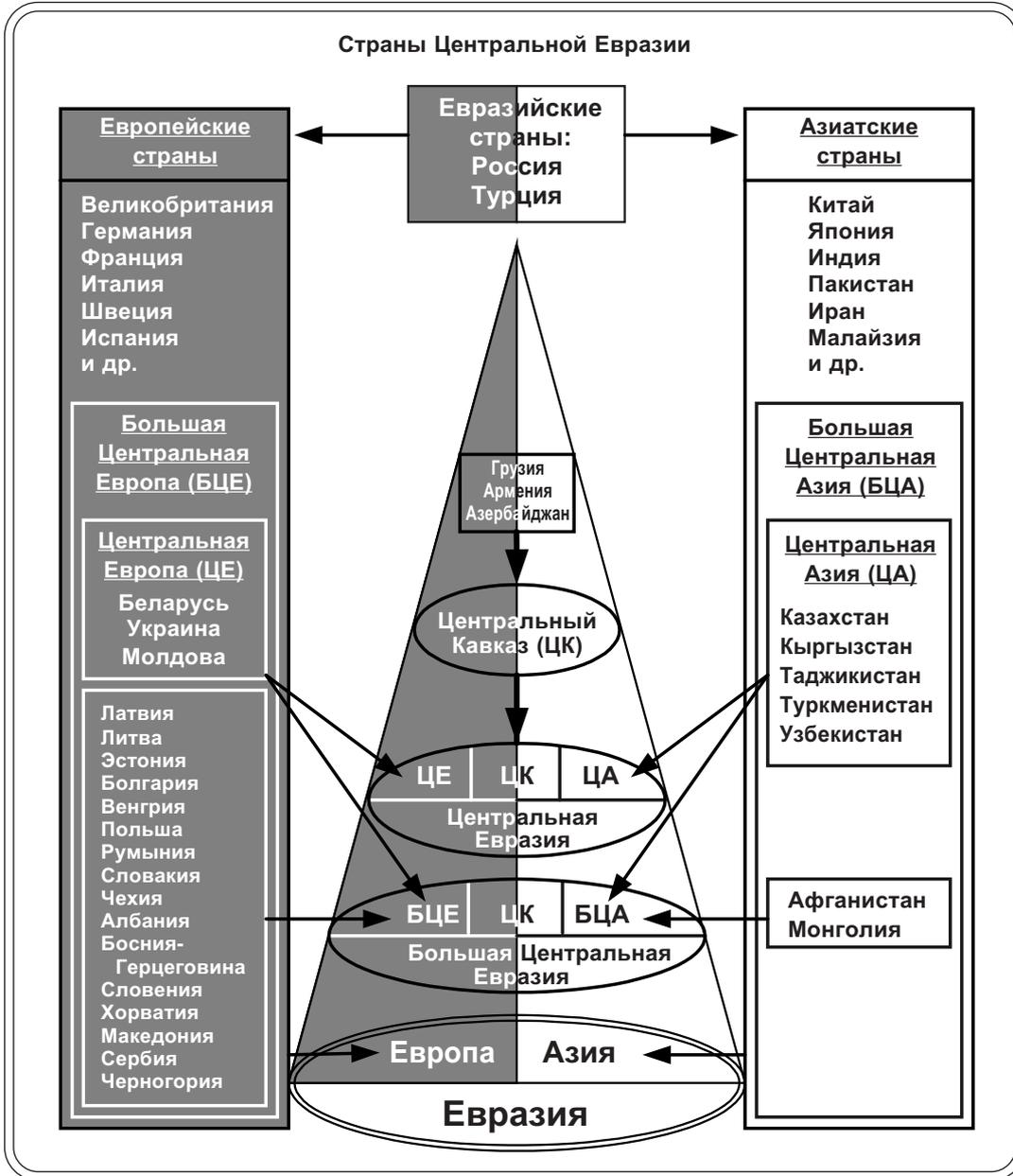
На первый взгляд может показаться, что страны, включенные в Центральную Евразию, совершенно не схожи по своей истории, идеологии, этнической принадлежности, системе ценностей, и в этой связи они не смогут самоорганизоваться, самоуправляться и саморазвиваться в направлении общих тенденций развития евразийского материка и всей планеты. Однако имеющийся в рамках «осевого региона» определенный интеграционный потенциал базируется именно на общности исторического прошлого народов Центральной Евразии, находившихся вместе почти во всех евразийских империях, на их длительном сосуществовании и этническом смешении. Естественно, это обусловило необходимую близость в культурном, языковом, экономическом и технологическом отношениях. К сожалению, в социально-политической и исторической литературе многие исторические периоды и события не отражаются объективно, что, в свою очередь, существенно мешает ускорению интеграции «осевого региона» и в целом всего евразийского материка.

Несмотря на перечисленные и другие сложности, интеграцию Центральной Евразии целесообразно осуществлять последовательно и одновременно по нескольким направлениям во всех ее сегментах. На наш взгляд, учитывая объективные закономерности совместного развития государств сегментов Центральной Евразии, интеграцию следовало бы начать в первую очередь с сотрудничества в самих сегментах, для чего важно выявить противоречия как между государствами сегмента, так и между самими сегментами и найти ускоренные пути их эффективного разрешения.

Следует также подчеркнуть, что порой объем и уровень сотрудничества между государствами различных сегментов Центральной Евразии выше, нежели между государствами внутри каждого из них. Так, уровень сотрудничества центральноазиатского Казахста-

⁴⁷ Ввиду пространственной ограниченности Центрального Кавказа приставка «Большой» для этого региона неприменима.

Рисунок 4

на с центральнокавказским Азербайджаном несравненно выше, нежели, например, с центральноазиатским Туркменистаном, а Азербайджан имеет стратегическое партнерство с центральноевропейской Украиной, но в то же время находится в состоянии войны с центральнокавказской Арменией.

По нашему мнению, реализация интеграционных процессов в Центральной Евразии предполагает активизацию в каждом сегменте иницирующего ядра, то есть группы экономически и политически наиболее развитых стран, которые могли бы стать основой

интеграции в самом сегменте с учетом общеинтеграционных тенденций в Центрально-Евразийском регионе. Так, на роль «инициирующего ядра» в интеграции Центральной Евразии претендуют: в Центрально-Европейском сегменте — Украина; в Центрально-Кавказском — Азербайджан и Грузия; в Центрально-Азиатском — Казахстан, которые, невзирая на общие внутри- и межрегиональные противоречия, приступили к поиску эффективных путей социально-экономического сотрудничества во всем Центрально-Евразийском регионе. Поэтому формирование и функционирование единой экономики Центральной Евразии, по-видимому, не является мифом, как утверждают некоторые.

Даже если в обозримом будущем и не произойдет становления Центральной Евразии как оформленного экономического и политического сообщества, интеграционные процессы в регионе и та роль, которую начали играть в них «инициирующие ядра» трех сегментов, свидетельствуют, что экономическая и политическая мощь «Хартленда» вновь возрождается.

Вместо заключения

Таким образом, одной из важнейших задач мирового сообщества, которую предстоит решить в первой четверти XXI века, является, на наш взгляд, содействие налаживанию системных связей между сегментами Центральной Евразии — то есть между странами Центральной Европы, Центрального Кавказа и Центральной Азии — на принципах социально-экономической целесообразности, самоорганизации и самоуправления. Это, в свою очередь, позволит Центральной Евразии обеспечить долгосрочное, устойчивое и эффективное выполнение планетарной (геополитической и геоэкономической) функции интеграции относительно обособленных, крупных ареалов евразийского материка.

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАВКАЗИЯ» ВМЕСТО «ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ»

Владимир ПАПАВА

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Грузинского фонда
стратегических и международных исследований,
член-корреспондент Национальной академии наук Грузии
(Тбилиси, Грузия)*

После развала СССР начались исторические процессы не только становления новых независимых государств, но и формирования новых геополитических ареалов, которые объединяют в себе некоторые бывшие советские республики. У

Автор выражает глубокую благодарность Арчилу Гегешидзе, Эльдару Исмаилову и Александру Рондели за ценные замечания, которые они любезно высказали после прочтения первого варианта рукописи данной статьи. Автор также признателен Джеффри Морски и Владимиру Садовскому за ценные советы.

этих ареалов были свои географические контуры еще в рамках Советского Союза, что укреплялось его экономическим районированием. Так, совокупность Латвии, Литвы и Эстонии называли Прибалтикой, совокупность Азербайджана, Армении и Грузии — Закавказьем, совокупность Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана — Средней Азией. Соответственно были сформированы прибалтийский, закавказский и среднеазиатский экономические районы. Иногда в состав Средней Азии включали и Казахстан, хотя казахский экономический район — в силу относительно больших размеров его территории — рассматривали отдельно от такового среднеазиатского.

Неудивительно, что после обретения указанными государствами суверенитета возник вопрос об обновлении названий этих уже самостоятельных геополитических ареалов, привнеся в них элементы, подчеркивающие независимость от того, как их воспринимала Москва. И только в публикациях (в основном российских авторов) до сих пор используют названия имперских времен¹. Считая термин «Прибалтика»

¹ Наиболее наглядным примером этого является перевод с английского на русский широко известной книги Збигнева Бжезинского о современных геополитических проблемах Евразии, когда используемый в английском тексте термин «Central Asia» (*Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997. P. 46, 47, 93, 95, 113, 121, 129, 130, 131, 145, 150*) в русском тексте, как правило, переведен не как «Центральная Азия», а как «Средняя Азия» (*Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господ-*

так называемым «пережитком эпохи советской оккупации» Латвии, Литвы и Эстонии, эксперты предпочитают использовать термин «страны Балтии»; вместо терминов «Закавказье» и «Средняя Азия» практически утвердились термины «Южный Кавказ» и «Центральная Азия» (последний уже включает и Казахстан).

В последние годы все шире распространяется и относительно новый геополитический термин «Центральная Евразия», который, как правило, охватывает в едином геополитическом ареале Азербайджан, Армению, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. По нашему глубокому убеждению, этот термин не совсем корректен прежде всего с геополитической точки зрения, ибо в нем сохраняется специфика российского восприятия данного геополитического ареала.

Цель настоящей статьи — переосмысление некоторых моментов геополитического понимания региона, охватывающего вышеперечисленные государства на основе дескриптивного подхода, то есть безотносительно того, какие задачи решают на этой территории мировые или региональные державы.

ство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. С. 61, 62, 116, 117, 137, 146, 155, 156, 157, 158, 175, 180); в том же духе «The three Caucasian countries» и «The three states of the Caucasus» (*Brzezinski Zb. Op. cit. P. 122, 125*) переводятся на русский язык соответственно как «три закавказские страны» и «три закавказских государства» (*Бжезинский Зб. Указ. соч. С. 148, 152*).

«Евразия» и «Центральная Евразия»: географический и геополитический контуры

Как известно, Евразия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии. Естественно, что данное географическое толкование Евразии практически без изменений можно использовать (и используется) и в геополитике, наиболее наглядным примером чему являются исследования известного американского политолога Збигнева Бжезинского².

² См., например: *Бжезинский Зб. Указ. соч.; Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство и глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005.*

Вместе с тем сегодня не менее распространен и несколько иной геополитический взгляд на Евразию. Дело в том, что после развала СССР проблема национальной и территориальной идентичности особенно остро встала перед Россией, которая за последние 200 лет впервые оказалась в значительно суженных границах, что с особой силой стимулировало поиски концепций, касающихся ее особой роли по крайней мере на постсоветском пространстве³. Не случайно вопросы типа «что такое Россия?», «где находится Россия?» и по сей день не теряют актуальности⁴. Здесь же необходимо отметить, что формированию и развитию так называемых «мифов о родине»⁵, нарративов⁶ способствовали суждения о пересмотре границ Российской Федерации, которые имеют куда более широкое распространение среди интеллектуалов, политиков и общественности РФ, нежели это предполагается в западной научной литературе⁷. В этой связи следует указать, что, согласно опросам, проведенным в последнее время в России, все большую популярность приобретает идея восстановления СССР⁸.

В поиске решения данной проблемы «на помощь» политическим лидерам РФ «пришли» идеи так называемого «евразийства», которые обрели «второе дыхание» в постсоветский период⁹. Данные идеи, в значительной степени основанные на географии¹⁰, предполагают геополитическое переосмысление географического континента Евразия¹¹.

Проблема того, что в пределах территории Старого Света существует три, а не два материка, была поставлена в конце XIX века русским профессором В.И. Поманским¹². Позже «крестным отцом» этого материка стал известный русский геополитик Петр Савицкий, назвав его «Евразией», что в своих границах в принципе совпадает с Россией, точнее — с Российской империей¹³. Он подчеркивал, что эта «Евразия» отличается от вышеотмеченного географического толкования Евразии, которое было разработано Александром фон Гумбольдтом¹⁴. Так начиналось формирование одного из наиболее мощных течений русской геополитической школы — *евразийского*, которое имеет целью утвердить особую историческую и культурную роль России в географической Евразии¹⁵.

³ См.: O'Loughlin J., Talbot P.F. Where in the World is Russia: Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians // *Eurasian Geography and Economics*, 2005, Vol. 46, No. 1 [<http://www.colorado.edu/IBS/PEC/john/pub/Wheres-Russia.pdf>].

⁴ См., например: Brzezinski Zb. *The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia*. Washington: The CSIS Press, 2007. P. 56, 64.

⁵ См.: Tolz V. *Conflicting «Homeland Myths» and Nation-State Building in Postcommunist Russia* // *Slavic Review*, 1998, Vol. 57, No. 2.

⁶ См.: Aktürk Ş. *Reflections on Central Eurasian Model: A Foundation Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms* // *Central Eurasian Studies Review*, 2006, Vol. 5, No. 2. P. 23.

⁷ См.: Tolz V. *Op. cit.* P. 294.

⁸ См.: Петухов В. *Внешнеполитические приоритеты россиян: «новый изоляционизм» или прагматизация сознания*. В кн.: *Интеграция в Евразии. Народ и элиты стран ЕЭП* / Под ред. И. Задорина. М.: Европа, 2006. С. 107.

⁹ См.: Tchantouridze L. *After Marxism-Leninism: Eurasianism and Geopolitics in Russia*. В кн.: *Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns* / Ed. by L. Tchantouridze. Winnipeg: Centre for Defence and Security Studies, University of Manitoba, 2004.

¹⁰ См.: Bassin M. *Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geopolitical Space* // *Slavic Review*, 1991, Vol. 50, No. 1. P. 14.

¹¹ См., например: Lewis M.W., Wigen K.E. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 222.

¹² См.: Нартов Н.А., Нартов В.Н. *Геополитика*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 129.

¹³ См.: Савицкий П.Н. *Континент Евразия*. М.: Аграф, 1997. По выражению Савицкого «Россия-Евразия есть центр Старого Света» (Савицкий П.Н. *Географические и геополитические основы Евразийства*. В кн.: *Основы Евразийства*. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 298).

¹⁴ См.: Савицкий П.Н. *Географические и геополитические основы Евразийства*. С. 300. Есть и другая версия об авторстве термина «Евразия», согласно которой он принадлежит венскому геологу Эдуарду Суэсу, назвавшему в конце XX века Евразией Европу и Азию вместе взятые (см.: Bassin M. *Op. cit.* P. 10).

¹⁵ Притязания России к евразийскому континенту настолько сильны, что даже в тех случаях, когда нет никакой необходимости ссылаться на Евразию, в ряде солидных публикаций авторы не могут выйти из ра-

Известный русский историк, этнограф и географ Лев Гумилев, исследовав географические границы геополитического континента Евразия, делает вывод, что он состоит из трех регионов: Высокой Азии (Монголия, Джунгария, Тува, Забайкалье), Южного района (Центральная Азия) и Западного района (Восточная Европа)¹⁶.

Географически Старый Свет состоит из частей света — Европы, Азии (т.е. континента Евразия) и Африки, в то время как данное толкование термина «Евразия» русской геополитической школой существенно сужает территориальные границы географического континента Евразия.

Необходимо подчеркнуть, что в эту так называемую «ловушку» русской геополитической школы, сужающую границы географического континента Евразия, попадают, быть может, сами того не желая, и те ученые-эксперты, которые в своих геополитических исследованиях, как правило, полностью охватывают весь отмеченный географический континент. Так, в вышеуказанной книге, посвященной современным геополитическим проблемам Евразии, Збигнев Бжезинский называет регион, объединяющий Центральную Азию, Кавказ и сопредельные территории, — в силу его конфликтного характера, — «Евразийскими Балканами»¹⁷. Налицо явное противоречие: если под определением «евразийские» понимать географический континент Евразия (как это должно следовать из всего контекста рассматриваемой книги), то это ошибочно подразумевает, что Балканы находятся вне этого континента, ибо географически «Евразийскими Балканами» могут быть лишь сами Балканы. Данное противоречие снимается, если под определением «евразийские» подразумевается тот смысл термина «Евразия», который «культивируется» соответствующей русской геополитической школой. Иначе говоря, Збигнев Бжезинский, по всей видимости, сам того не осознавая, оказался в «плелу» русской геополитической школы евразийства.

Согласно евразистам¹⁸, Россия — это особый континент¹⁹, и для разрешения данного терминологического «конфликта» между географическим и геополитическим толкованиями Евразии, в геополитическом контексте используются и такие словосочетания, как «Евразия-Россия»²⁰, «Россия-Евразия»²¹, или «Евразийская Русь»²². Эта проблема вновь приобрела особую актуальность после развала СССР, ибо во времена советской власти географы использовали термин «Евразия» исключительно в его географическом толковании²³. Не-

---

мок уже сложившегося клише. Например, рассматривая проблемы экономических реформ в Содружестве Независимых Государств (СНГ) и вообще не затрагивая проблемы Евразии ни в географическом, ни геополитическом контекстах, в заглавии соответствующей монографии безо всякого на то основания используется термин «Евразия» (см.: *Stroev E.S., Bliakhan L.S., Krotov M.I. Russia and Eurasia at the Crossroads. Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States. Berlin-Heidelberg: Springer, 1999*). То же самое можно сказать и в отношении некоторых не российских ученых-экспертов из республик бывшего СССР.

¹⁶ См.: *Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии*. М.: Прогресс, 1993.

¹⁷ См.: *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. С. 149.

¹⁸ Необходимо оговорить, что последователи евразийства сами себя называют «евразийцами», что, по нашему мнению, характеризуется некоторой неточностью, ибо евразийцами являются люди, населяющие Евразию, в то время как последователей и сторонников евразийства корректнее будет назвать «евразистами». Именно в этом контексте и используется в данном исследовании термин «евразисты».

¹⁹ См., например: *Дугин А.* Евразийский триумф. В кн.: *Основы Евразийства*. М.: Арктогея-Центр, 2002 (см. также на сайте [<http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=102>]).

²⁰ См., например: *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Указ. соч. С. 133—135, 137.

²¹ См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея-Центр, 1997. С. 83—84.

²² См.: *Панарин И.* Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. С. 312—364, 539—543.

²³ См.: *Hauner M.L.* The Disintegration of the Soviet Eurasian Empire: An Ongoing Debate. В кн.: *Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union / Ed. by M. Mesbahi*. Gainesville: University Press of Florida, 1994. P. 222.

обходимо подчеркнуть, что дискуссия по поводу нахождения «компромисса» между правильным географическим определением Евразии и той территорией, на которую распространяется российский контроль, не исчерпана²⁴.

Если толкование Евразии русской геополитической школой, как было отмечено выше, используют для обоснования российских имперских амбиций, то естественным образом возникает вопрос и о термине «Центральная Евразия»: насколько географическое и геополитическое толкования этого термина совпадают, какие при этом возникают проблемы?

Географически под «Центральной Евразией» понимают, как правило, территорию от Босфорского пролива на Западе до китайской Синьцзян-Уйгурской провинции на Востоке и от казахских степей на Севере до Индийского океана на Юге²⁵. Несложно заметить, что географическая Центральная Евразия фактически полностью охватывает географическую Центральную Азию, в то время как Центральная Европа туда не включается. Это объясняется тем, что Азия по размерам настолько превосходит Европу, что Центральная Европа как бы выходит за пределы условного центра единого континента Евразия, именуемого Центральной Евразией. В то же время, если отвлечься от физических размеров Азии и Европы и рассуждать логически, исходя из того, что *географическая Евразия как континент состоит из двух частей света — Европы и Азии, то географическая Центральная Евразия естественно должна включать в себя и Центральную Европу, и Центральную Азию, а также объединяющую их Юго-Восточную Европу и Кавказский регион*²⁶. По нашему мнению, исходя из этого, можно сделать вывод, что над географическим толкованием Центральной Евразии довлеет ее геополитическое толкование, в котором и после распада СССР многие подразумевают под Россией Евразию²⁷.

Влиянием советского образа мышления считается и ограничение Центральной Евразии лишь Азербайджаном, Арменией, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном²⁸, ибо в данном случае вне границ этого региона остаются территории (в частности, Афганистан, Северный Иран, Северный Кавказ, Северо-Западный Китай, Кашмир и Тибетское плато), связанные с указанными странами историческими, этническими и культурными корнями²⁹.

Таким образом, если толкование Евразии евразийской русской геополитической школой существенно сужает масштабы географического континента Евразия, то в от-

²⁴ Там же. P. 221.

²⁵ См., например: *Weisbrode K.* Central Eurasia: Prize or Quicksand? Contenting Views of Instability in Karabakh, Ferghana and Afghanistan. The International Institute for Strategic Studies, Adelphi Paper 338. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 11.

²⁶ См.: *Панова В.* Центральная Кавказия: основы геополитической экономики // Аналитические записки Грузинского фонда стратегических и международных исследований, 2007, № 1. С. 8 [http://www.gfsis.org/publications/VParava_Ru_1.pdf]. К схожему заключению в отношении понятия «Центральная Евразия», исходя исключительно из геополитического подхода к изучаемой проблеме, приходит и Эльдар Исмаилов в статье: *Исмаилов Э.* О категории Центральная Евразия // Доклады Национальной академии наук Азербайджана, 2007, Т. LXIII, № 1.

²⁷ См.: *Hauner M.L.* Op. cit. P. 217. В работах авторов, придерживающихся более четкого определения, нынешняя Россия квалифицируется как северная часть Евразии (см., например: *Моисеев Н.Н.* Геополитическое положение России: перспективы развития // Эволюция Евразийской теории и фактор АТР. Дискуссионный Клуб, Круглый стол № 3 [<http://www.amani.ru/moiseev/geopolit.htm>]).

²⁸ Такое представление о Центральной Евразии в настоящее время наиболее распространено (см., например: *Amineh M.P., Houweling H.* Introduction: The Crisis in IR-Theory: Towards a Critical Geopolitics Approach. В кн.: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development* / Ed. by M.P. Amineh, H. Houweling. Leiden: Brill, 2005. P. 2—3; *Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr S.F., Weisbrode K.* Strategic Assessment of Central Eurasia. Washington, D.C.: The Atlantic Council of the United States, Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University, 2001. P. vii; *Meyer K.* The Dust of Empire: The Race for Supremacy in the Asian Heartland. London: Abacus, 2004. P. 206).

²⁹ См.: *Weisbrode K.* Op. cit. P. 11—12.

ношении Центральной Евразии эти различия менее существенны, ибо в данном случае география находится в полном подчинении геополитики, причем ее русской школы. Примером, подтверждающим это, является квалификация современными российскими географами Северной и Центральной Евразии как территории, охватывающей бывший СССР, западную часть европейской Арктики и некоторые районы Центральной Азии³⁰.

«Центральная Азия» и «Большая Центральная Азия»

Центральную Азию как географический регион мира выделил в середине XIX века Александр фон Гумбольдт. Она, по определению ЮНЕСКО, включает пять бывших советских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), Монголию, Афганистан, Западный Китай, а также некоторые районы Индии, Пакистана и Ирана³¹.

Исследование геополитических проблем, связанных с Центральной Азией, стало особенно актуальным после развала СССР, когда в этом регионе появились пять новых независимых государств, входивших ранее в состав Советского Союза³². Несмотря на более чем 15-летнюю историю данных стран, система знаний — «центральноазиатизм» — все еще требует не только значительного накопления, но и в некоторой степени обновления³³.

Под влиянием, по всей видимости, работ советских времен некоторые геополитические исследования включают в понятие Центральная Азия только пять бывших советских республик — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан³⁴, что с географической (и не только) точки зрения неправомерно, ибо вне границ этого региона остаются Афганистан, Монголия и сопредельные с этими странами районы вышперечисленных государств³⁵.

Иногда в состав стран Центральной Азии включается и Азербайджан³⁶, что вряд ли оправданно, ибо он, вне каких-либо сомнений, — имманентная часть другого региона — Кавказа.

Не менее сомнительна и идея о включении России в состав центральноазиатских государств на основе того, что в октябре 2004 года она вступила в организацию «Центрально-

---

³⁰ См.: Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху / Под ред. В.М. Котлякова. М.: Наука, 2006. С. 13.

³¹ См.: Description of the Project // UNESCO History of Civilizations of Central Asia [http://www.unesco.org/culture/asia/html_eng/projet.htm].

³² См., например: Fuller G.E. The Emergence of Central Asia // Foreign Policy, Spring 1990, No. 78; Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union; The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands / Ed. by A. Banuazizi, M. Weiner. Bloomington: Indiana University Press, 1994; The New States of Central Asia and Their Neighbours / Ed. by P. Ferdinand. New York: Council of Foreign Relations Press, 1994.

³³ См.: Толупов Ф. Центральная Азия как пространство, политика, народ и судьба // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 2 (38). С. 127.

³⁴ См., например: Menon R. Introduction: Central Asia in the Twenty-First Century. В кн.: Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. Armonk: M.E. Sharpe, 2007. P. 3.

³⁵ См., например: Naby E. The Emerging Central Asia: Ethnic and Religious Factions. В кн.: Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union. P. 35—36.

³⁶ См.: Dowling M., Wignaraja G. Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015 // Silk Road Paper, July 2006. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. P. 10 [http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0607Wignaraja.pdf].

Азиатское сотрудничество» (ЦАС)³⁷, учрежденную Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном двумя годами раньше. Следуя этой логике, из центрально-азиатских стран придется исключить Туркменистан, так как он не входит в ЦАС. Другими словами, статус членства того или иного государства в той или иной региональной организации не может быть использован в качестве единственного критерия для определения того, находится ли данное государство в этом конкретном регионе или нет.

В начале исследования мы отмечали, что в советское время в отношении этого региона использовался термин «Средняя Азия», объединявший Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Казахстан же, как правило, рассматривался самостоятельно, то есть вне рамок Средней Азии³⁸. Хотя в западной экономической литературе распространен термин «Центральная Азия», некоторые современные российские авторы продолжают использовать термин «Средняя Азия»³⁹, который, в отличие от советских времен, уже включает в состав этого региона и Казахстан. Что же касается так называемого «казахстанского взгляда» на данную проблему, то, согласно ему, из-за угроз с юга целесообразно отказаться от навязанного извне термина «Центральная Азия» и вернуться к термину советских времен «Средняя Азия и Казахстан»⁴⁰, что, мягко говоря, вызывает всего лишь грустную улыбку.

Наряду с термином «Центральная Азия» в научный оборот введен и термин «Большая Центральная Азия». В начале 1990-х годов так обозначали регион, включавший в себя кроме Центральной Юго-Западную и Южную Азию⁴¹. Согласно современному, более уточненному геополитическому определению Большой Центральной Азии, к этому региону относят (вместе с вышеназванными пятью бывшими советскими республиками) и Афганистан⁴².

С учетом вышеприведенных, порой даже противоречащих друг другу суждений о понятии «Центральная Азия», можно констатировать, что, к сожалению, консенсус относительно содержания этого термина еще не достигнут⁴³.

В вымыслах, свойственных российским евразистам, не уступают и их казахстанские единомышленники, которые считают, что Казахстан — сугубо евразийское государство, а это в принципе должно исключить его принадлежность к Центральной Азии. Как следствие делается заключение, что он не является центральноазиатской страной, а лишь географически граничит с Центральной Азией⁴⁴. Правда, в отличие от других центральноазиатских республик, небольшая часть Казахстана — Западный Казахстан — географически относится к восточной Европе⁴⁵, но исторические корни этой страны и других

³⁷ См.: *Толитов Ф.* Россия центральноазиатская: уход, удержание или возвращение? // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 5 (53). С. 19.

³⁸ См., например: *Lewis M.W., Wigen K.E.* Op. cit. P. 179.

³⁹ См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. С. 353—359.

⁴⁰ См.: *Акимубеков С.* Тупик либерализма. Какую стратегию избрать Казахстану? // ЦентрАзия, 4 ноября 2005 [<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1131088440>].

⁴¹ См.: *Canfield R.L.* Restructuring in Greater Central Asia // *Asian Survey*, 1992, Vol. 32, No. 10. P. 874.

⁴² См.: *Starr S.F.* A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // *Silk Road Paper*, March 2005. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, 2005. P. 16 [<http://www.silkroadstudies.org/CACI/Strategy.pdf>]; *Idem.* A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, 2005, Vol. 84, No. 4.

⁴³ См.: *Lewis M.W., Wigen K.E.* Op. cit.

⁴⁴ См.: *Назарбаева Д.* Специфика и перспективы политического развития Казахстана // Международный институт современной политики, 3 декабря 2003 [<http://www.iimp.kz/Lists/articles/DispForm.aspx?ID=766>].

⁴⁵ См.: *Джангужин П.Н.* Новые независимые государства Центральной Азии в системе международных отношений. Киев: Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, 2005. С. 18; *Хачиев Г.* Центральная Азия: портрет на фоне мировой экономики // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 2 (44). С. 137.

государств Центральной Азии глубоко переплетены⁴⁶. Да и современное политическое устройство Казахстана, основанное на максимальном продлении президентского срока, не отличается от режимов других республик Центральной Азии⁴⁷, что также подтверждает необоснованность выделения этой страны из данного региона. Самое главное, что вычленение Казахстана из Центральной Азии и его провозглашение евразийским государством — фактический отказ от независимости Казахстана, его поглощение Россией⁴⁸.

По нашему мнению, осознание значения независимости, а также осмысление будущего в странах (если не во всех, то хотя бы в большинстве) Центральной Азии все еще являются проблемами, которые сегодня вряд ли следует считать разрешенными.

«Центральный Кавказ»

Кавказ — территория между Черным, Каспийским и Азовским морями, то есть регион на границе Европы и Азии. К тому же считается, что эта территория находится между Европой, Ближним Востоком, Центральной Азией и русской сферой⁴⁹.

Современное геополитическое толкование понятия «Кавказ» сформировалось после завоевания региона Россией⁵⁰. В частности, после ее прихода на Кавказ появляются — с учетом географического положения Главного Кавказского хребта — термины «Закавказье»⁵¹, то есть за Кавказом, за данным хребтом, и «Северный Кавказ», то есть территория к северу от Закавказья, от данного хребта. Несмотря на то что для Тегерана, в отличие от Москвы, рассматриваемый регион находится не за Кавказом, а перед Кавказом, тем не менее на персидском языке этот регион также называется «маверан-е кафкас» («за Кавказом») ⁵². Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на международную практику идентификации данного региона прежде всего повлияла именно российская традиция.

Территориально Северный Кавказ целиком входит в состав современной Российской Федерации и делится на две части: Предгорную и Горную. В состав первой входят следующие субъекты Российской Федерации: Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская и Ростовская области, а также республика Калмыкия, а в состав второй — республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания и Чечня.

Следует отметить, что толкование южных границ Кавказа основывалось, как правило, на том, где проходили в Кавказском регионе южные государственные рубежи Российской империи⁵³. Изменение южных границ Кавказа наиболее наглядно проявилось в конце XIX века на примере Карса. В частности, он стал считаться составной ча-

⁴⁶ См.: Толитов Ф. Центральная Азия — это пять «станов». Полемика с казахскими евразийцами // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 2 (44). С. 24.

⁴⁷ См.: Там же. С. 25.

⁴⁸ См.: Там же. С. 19.

⁴⁹ См.: Lewis M.W., Wigen K.E. Op. cit. P. 203.

⁵⁰ См.: Breyfogle N.S. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

⁵¹ См.: Gamkrelidze T.V. «Transcaucasia» or «South Caucasus»? Towards a More Exact Geopolitical Nomenclature // Marco Polo Magazine, 1999, No. 4/5 [<http://www.traceca-org.org/rep/marco/mp40.pdf>].

⁵² См.: Гачечиладзе Р. Ближний Восток: пространство, народ и политика. Тбилиси: Диогене, 2003. С. 17 (на груз. яз.).

⁵³ См.: Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. Стокгольм: SA&CC Press®, 2006. С. 17—18; Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007. С. 17—18.

стью Кавказа лишь после того, как был отвоеван Российской империей у Османской империи; потеря же Россией Карса, Ардагана и Баязета обусловило то, что эти регионы как бы перестали быть кавказскими, ибо российские политические и исторические документы их в качестве таковых уже не упоминали. Вместе с тем эти области, провозгласив независимость, создали в ноябре 1918 года государство — Юго-Западную Кавказскую (Карскую) Демократическую Республику⁵⁴, в названии которой четко выражена ее принадлежность к Кавказу.

Эта традиция Российской империи, касающаяся определения южных границ Кавказа, сохранилась и во времена СССР: в состав Закавказья входили три союзные республики: Азербайджан, Армения и Грузия.

В начале 1990-х годов, после развала СССР и восстановления Азербайджаном, Арменией и Грузией независимости, практически повсеместно — за исключением самой России⁵⁵ — термин «Закавказье» заменили на первый взгляд более корректным термином «Южный Кавказ».

Важно подчеркнуть, что мало кто задумывается над тем, что термин «Южный Кавказ» — как и «Закавказье» — отражает исключительно российский геополитический взгляд на данный регион⁵⁶, то есть понятиями «Северный Кавказ» и «Южный Кавказ» как бы фиксируются нынешние и бывшие российские границы на Кавказе.

Согласно концепции Э. Исмаилова⁵⁷, понятие «Кавказ» включает — кроме Азербайджана, Армении и Грузии, а также вышеперечисленных российских регионов — северо-восточные области Турции (илы Агры, Ардаган, Артвин, Ван, Игдыр, Карс) и северо-западные области Ирана (останы Восточного Азербайджана — Ардебиль, Гилян, Занджан, Казвин, Хамадан — и Западный Азербайджан). Такое переосмысление региона основывается на том, что в этих областях Турции и Ирана исторически проживают кавказские народы, которые в течение многих веков до завоевания Россией Кавказа находились в том же этнокультурном и социально-экономическом ареале, что и остальные народы Кавказа. Исходя из этого, данные области Турции и Ирана имеют не меньше оснований считаться «кавказскими» областями этих стран, чем регион России, именуемый Северным Кавказом.

Географически вышеотмеченные области Турции и Ирана — как и Армения, считающаяся кавказским государством — практически равноудалены от Большого Кавказа и частично расположены на территории Малого Кавказа.

Следовательно, Кавказский регион состоит не из двух (Северный и Южный Кавказ), как это распространено в международной практике и научной литературе «с подачи» российской геополитической мысли, а из трех частей: Центрального Кавказа, включающего три независимых государства — Азербайджан, Армению и Грузию; Северного Кав-

⁵⁴ См.: *Гаджиев А.* Из истории образования и падения Юго-Западной Кавказской (Карской) демократической республики. Баку: Элм, 1992; *Он же.* Демократические республики Юго-Западного Кавказа (Карская и Араз-Тюркская республики). Баку: Нурлан, 2004; *Тагиева Ш.* Демократические Республики Юго-Восточного Кавказа (Азадистан и Гилянская Советская Республика). Баку: Кавказ, 2005.

⁵⁵ См., например: *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003; *Геополитика /* Под ред. В.А. Михайлова. М.: Издательство РАГС, 2007. С. 205—213; *Региональная безопасность /* Под ред. А.В. Возженикова. М.: Издательство РАГС, 2006. С. 158—160.

⁵⁶ См.: *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. С. 18; *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: история, политика, экономика. С. 19.

⁵⁷ См.: *Исмаилов Э.* О геополитических предпосылках экономической интеграции Центрального Кавказа // *Известия АН Грузии — серия экономическая*, 2002, Т. 10, № 3—4; *Исмаилов Э., Кенгерли З.* Интеграция Кавказа и современные геоэкономические процессы // *Известия Национальной академии наук Азербайджана. Серия гуманитарных и общественных наук (экономика)*, 2002, № 1; *Исмаилов Э., Кенгерли З.* Кавказ в глобализирующемся мире: новая модель интеграции // *Центральная Азия и Кавказ*, 2003, № 2 (26); *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. С. 11—28; *Исмаилов Э., Папава В.* Центральный Кавказ: история, политика, экономика. С. 11—28.

каза, состоящего из приграничных с Кавказом автономных государственных образований Российской Федерации; Южного Кавказа, включающего сопредельные с Азербайджаном, Арменией и Грузией или Турцией (Юго-Западный Кавказ) и северо-западные останы Ирана (Юго-Восточный Кавказ).

Предложенная Э. Исмаиловым концепция Кавказа — если исходить из исторических особенностей этого региона — полноценно отражает нынешнюю геополитическую реальность в регионе.

В настоящее время Кавказ — арена взаимодействия разных геополитических и экономических интересов⁵⁸, а Центральный Кавказ как бы «аккумулирует» в себе полный спектр проблем всего региона⁵⁹.

О концепции «Центральной Кавказии»: отход от евразийства

В настоящее время налицо значительный научный (и не только) интерес к совместному рассмотрению проблем стран Центрального Кавказа — Азербайджана, Армении, Грузии и Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана⁶⁰. И этот регион, представленный восемью перечисленными государствами, в настоящее время принято называть Центральной Евразией⁶¹. Этим же термином обозначается и регион, который, кроме указанных восьми стран, охватывает и Афганистан⁶², ибо, как было отмечено выше, он, наряду с перечисленными пятью центральноазиатскими республиками, входит в состав Большой Центральной Азии.

Существует и более широкое толкование Центральной Евразии, согласно которому эта территория включает в себя Черноморский, Кавказский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы⁶³. Очевидно, такое определение Центрально-Евразийского региона вряд ли можно считать конструктивным — и не только потому, что оно не является четким, но и в силу того, что налицо явное «перекрытие» составляющими его упомянутыми регионами.

Термин «Центральная Евразия» — так, как он используется сегодня — не только географически не отражает суть региона, включающего перечисленные страны, но и является носителем российской имперской амбиции, основанной на отождествлении Рос-

⁵⁸ См.: *Yalowitz K.S., Cornell S.* The Critical but Perilous Caucasus // *Orbis, A Journal of World Affairs*, 2004, Vol. 48, No. 1.

⁵⁹ См., например: *Nuriyev E.* The South Caucasus at the Crossroads: Conflicts, Caspian Oil and Great Power Politics. Berlin: LIT, 2007.

⁶⁰ См.: *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia* / Ed. by G.K. Bertsch, C. Craft, S.A. Jones, M. Beck. New York: Routledge, 2000; *Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Caucasus: Implications for the U.S. Army* / Ed. by O. Olikar, Th.S. Szayna. Santa Monica: RAND, 2003; *Russia, the Caucasus, and Central Asia: The 21st Century Security Environment* / Ed. by R. Me-non, Yu.E. Fedorov, Gh. Nodia. Armonk: M.E. Sharpe, 1999; *The OSCE and the Multiple Challenges of Transition. The Caucasus and Central Asia* / Ed. by F. Sabahi, D. Warner. Aldershot: Ashgate, 2004.

⁶¹ См.: *Amineh M.P., Houweling H.* Op. cit. P. 2—3; *Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr S.F., Weisbrode K.* Op. cit.; *Meyer K.* Op. cit. P. 206; *Xuetang Guo.* The Energy Security in Central Eurasia: The Geopolitical Implications to China's Energy Strategy // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, Vol. 4, No. 4. С. 117 [http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/Quarterly/November_2006/Guo.pdf].

⁶² См.: *Исмаилов Э., Эсенов М.* Центральная Евразия в новых геополитических и геоэкономических измерениях // *Центральная Евразия 2005. Аналитический ежегодник.* Швеция: CA&CC Press®, 2006.

⁶³ См.: *Дарабади П.* Глобализация и геополитические процессы в Центральной Евразии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2006, № 3 (45). С. 10.

сии с Евразией. Если исходить из этого, то естественным образом возникают вопросы: как географически правильно назвать регион, объединяющий упомянутые восемь государств, и что общего между ними? Поэтому имеет смысл их объединенного рассмотрения и с геополитической точки зрения.

В настоящее время данные восемь стран (если взять за основу различные цели исследования) рассматриваются в составе более обширных, включающих и другие страны регионов. К таковым относятся, например, «Евразийские Балканы»⁶⁴ или «Большой Ближний Восток»⁶⁵. Если подойти с позиции того, что все отмеченные восемь стран являются членами СНГ, то не удивительно, что они рассматриваются и в контексте этой институционально сформированной организации, которая, по мнению многих экспертов, испытывает определенные трудности в интеграционных процессах⁶⁶. И одна из главных причин тому — поддержание ограниченности интеграционных процессов рамками СНГ по определенной аналогии с той замкнутостью производственной кооперации, которой характеризовалась экономическая система СССР⁶⁷.

В научной литературе широко распространен и термин «Каспийский регион», которым в соответствующих публикациях охватываются, как правило, различные комбинации подрегионов. Вряд ли этот термин можно использовать для характеристики региона, состоящего из восьми перечисленных республик, ибо логически под «Каспийским регионом» следует подразумевать страны, окружающие Каспийское море: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россию и Туркменистан⁶⁸. Несмотря на это, существуют и весьма вольные толкования данного региона. Например, согласно одному из них, под Каспийским регионом подразумевают западную часть Центральной Азии, Южную Россию, Северный и Центральный Кавказ, а также Северный Иран⁶⁹; согласно же другому толкованию, наряду с перечисленными прикаспийскими государствами к Каспийскому региону относят Армению, Грузию, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, а также отчасти Афганистан, Пакистан, даже Ближний Восток⁷⁰. Очевидно, что в случае первого толкования регион «покрывает» лишь небольшую часть Центральной Азии; в то же время он охватывает и территории, не принадлежащие к рассматриваемым восьми республикам. Что касается второго толкования, то, согласно ему, Каспийский реги-

⁶⁴ См.: *Бжезинский Ж.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы.

⁶⁵ См.: *Kemp G., Harkavy R.E.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1997.

⁶⁶ См.: *Гринберг Р.С., Зевин Л.З. и др.* 10 лет Содружества независимых государств: иллюзии, разочарования, надежды. М.: ИМЭПИ РАН, 2001; *Козик Л.П., Кохно П.А.* СНГ: реалии и перспективы. М.: Издательский дом «Юридический мир ВК», 2001; *Шульга В.А. (рук. авт. колл.)*. Экономика СНГ: 10 лет реформирования и интеграционного развития. М.: Финстатинформ, 2001; *Шумский Н.Н.* Сотрудничество независимых государств: проблемы и перспективы развития. Минск: Технопринт, 2001; *Он же*. Экономическая интеграция государств Содружества: возможности и перспективы // Вопросы экономики, 2003, № 6; *Он же*. Общее экономическое пространство государств Содружества: оптимальный формат // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 2.

⁶⁷ См., например: *Coppieters B.* The Failure of Regionalism in Eurasia and the Western Ascendancy over Russia's Near Abroad. В кн.: *Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia* / Ed. by B. Coppieters, A. Zverev, D. Trenin. London: FRANK CASS PUBLISHERS, 1998. P. 194—197; *Olcott M.B., Åslund A., Garnett Sh.W.* Getting it Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.

⁶⁸ См., например: *Салыгин В.И., Сафарян А.В.* Современные международные экономические отношения в Каспийском регионе. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2005.

⁶⁹ См., например: *Дарабади П.* Геоистория Каспийского региона и геополитика современности. Баку: Элм, 2002. С. 6; *Он же*. Каспийский регион в современной геополитике // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 3 (27). С. 77.

⁷⁰ См.: *Sasley B.* The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin. В кн.: *Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns* / Ed. by L. Tchantouridze. Winnipeg: Center for Defense and Security Studies, University of Manitoba, 2004. P. 194.

он объединяет — помимо отмеченных восьми стран — и многие другие государства (не говоря уже о целых регионах), включение которых в данный регион не всегда обосновано. Следовательно, при любом варианте термин «Каспийский регион» малопригоден для наших целей идентификации региона, охватывающего вышеперечисленные восемь стран: Азербайджан, Армению, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Ненамного лучше (с точки зрения поставленного нами вопроса об идентификации названных восьми республик) и термин «Кавказско-Каспийский регион», который, согласно использующим его авторам, подразумевает полный охват Кавказа⁷¹, но при этом они не только не оговаривают степень включения в данный регион Центральной Азии, а даже используют такую фразу, как «Кавказско-Каспийский и Центрально-Азиатский регионы»⁷², чем подчеркивают нахождение Центральной Азии как бы вне Кавказско-Каспийского региона.

Куда более точен термин «Кавказско-Центрально-Азиатский геополитический регион»⁷³, хотя последний и «покрывает» территории, выходящие за границы перечисленных восьми стран, ибо Кавказ, как известно, включает не только Азербайджан, Армению и Грузию.

Если исходить из того, что рассматриваемые восемь республик образуют два подрегиона — Центральный Кавказ и Центральную Азию, то охватывающий их более крупный регион можно назвать **Центральной Кавказией**⁷⁴: в этом случае сохраняется слово «Центральная», которое является характерным, ключевым для обоих подрегионов, а слово «Кавказия» — производное от «Кавказ» и «Азия». Формирование слова «Кавказия» на английском языке несколько осложнено, так как его дословный перевод — «Caucasia» — синоним слова «Caucasus», что на русском означает «Кавказ». Поэтому мы предлагаем написание «Кавказия» на английском как «Caucasasia» (или «Caucaso-Asia») и, следовательно, «Центральная Кавказия» на английском будет «Central Caucasasia» (или «Central Caucaso-Asia»). Если же рассматривать не восемь, а девять стран региона (включая Афганистан), то в данном случае этот регион будет правильным назвать «**Большой Центральной Кавказией**», а на английском — «Greater Central Caucasasia» (или «Greater Central Caucaso-Asia»).

Говоря о Центральной Кавказии как о едином регионе, необходимо отметить, что из-за отсутствия политической или культурной гомогенности он не является интегрированным⁷⁵. Вместе с тем у государств, входящих в этот регион, есть много общего, что и представляет интерес для их рассмотрения в рамках единого региона⁷⁶.

Очевидно, что после развала СССР все центральнокавказийские страны имели практически одинаковые «стартовые» условия, прежде всего отсутствие большинства институтов государственности, довольно низкий уровень политической культуры и наличие экономики командного, то есть коммунистического, типа. Все эти три компонента «стартовых» условий не просто взаимосвязаны, но и взаимообуславливают возможности реформирования указанных стран. Так, отсутствие большинства институтов государственности, как правило, препятствует развитию политической культуры, что, в свою

⁷¹ См.: Добаев И., Дугин А. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ, 2005, № 5 (41). С. 91.

⁷² Там же. С. 94.

⁷³ Максименко В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 3 (9). С. 64.

⁷⁴ См.: Папава В. Центральная Кавказия: основы геополитической экономики. С. 47.

⁷⁵ См.: Weisbrode K. Op. cit. P. 13.

⁷⁶ См.: Исмаилов Э., Эсенов М. Указ. соч.

очередь, сдерживает формирование демократических институтов. Вместе с тем отсутствие большинства институтов государственности осложняет переход к рыночной экономике⁷⁷, что отражается и на темпах демократических преобразований, а это, в свою очередь, является серьезным препятствием для реализации рыночных реформ⁷⁸. В той или иной степени все указанные проблемы нашли свое отражение в политических и экономических трансформациях в странах Центральной Кавказии. Важно отметить, что в центральнокавказийских государствах (за исключением Казахстана) наблюдается обратная зависимость между наличием богатых углеводородных ресурсов и темпами рыночных преобразований, когда подобные резервы не обуславливают должные экономические стимулы для рыночных реформ⁷⁹.

Центральная Кавказия и (тем более) Большая Центральная Кавказия характеризуются конфликтными подрегионами⁸⁰, которые в той или иной мере препятствуют как экономическому развитию отдельных стран, так и использованию возможностей, появляющихся в данном регионе при совместном задействовании в соответствующем направлении нескольких государств.

Одной из главных особенностей Центральной Кавказии является то, что регион богат углеводородными ресурсами. Это делает его особенно привлекательным не только в инвестиционном плане⁸¹, но и в контексте установления политического влияния на данный регион мировых и региональных держав, что вполне объяснимо, если учесть, что в настоящее время происходит интеграция энергетической политики с внешней политикой этих держав⁸². Вместе с тем необходимо отметить, что над энергетической политикой стран Центральной Азии все еще довлеет российский фактор⁸³, и это, по всей видимости, труднопреодолимое наследие советской эпохи.

Большое значение имеет и то, что Центральный Кавказ и Центральная Азия способны в полном объеме задействовать потенциал, заложенный в их *взаимодополняемости*. В частности, отмечается большой спрос стран Запада на нефтегазовые ресурсы республик Центральной Азии, а государства Центрального Кавказа заинтересованы не только в транспортировке собственных нефтегазовых резервов на Запад, но и в задей-

⁷⁷ См., например: *Папав В.Г., Беридзе Т.А.* Очерки политической экономии посткоммунистического капитализма (опыт Грузии). М.: Дело и Сервис, 2005. С. 68—69; *Balcerowicz L.* Socialism, Capitalism, Transformation. Budapest: Central European University Press, 1995. P. 146; *Papava V.* Georgian Economy: From «Shock Therapy» to «Social Promotion» // *Communist Economies & Economic Transformation*, 1996, Vol. 8, No. 8. P. 252; *Он же.* On the Theory of Post-Communist Economic Transition to Market International // *Journal of Social Economics*, 2005, Vol. 32, No. 1/2. P. 78; *Он же.* Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism. New York: iUniverse, 2005. P. 13.

⁷⁸ См., например: *Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000; *Greskovits B.* The Political Economy of Protest and Patience: East European and Latin American Transformations Compared. Budapest: Central European University Press, 1998.

⁷⁹ См.: *Åslund A.* Eventual Success of Market Reform. В кн.: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia* / Ed. by J.H. Kalicki, E.K. Lawson. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2003.

⁸⁰ См., например: *Лунев С.* Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // *Центральная Азия и Кавказ*, 2006, № 3 (45). С. 15—16; *Weisbrode K.* Op. cit.

⁸¹ См.: *Starr S.F.* The Investment Climate in Central Asia and the Caucasus. В кн.: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia*.

⁸² См., например: *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy* / Ed. by J. Kalicki, D.L. Goldwyn. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2005; *Hill F.* Energy Empire: Oil, Gas and Russia's Revival. London: The Foreign Policy Center, 2004 [<http://www.brookings.edu/views/articles/Fhill/20040930.pdf>]; *Rakel E.* Paradigms of Iranian Policy in Central Eurasia and Beyond. В кн.: *Central Eurasia in Global Politics: Conflict, Security and Development*; *Sherman D.* Caspian Oil and a New Energy Politics // *International Institute for Caspian Studies*, 25 May 2000 [<http://www.caspianstudies.com/article/daniel%20sherman.htm>].

⁸³ См., например: *Томберг И.* Энергетическая политика стран Центральной Азии и Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ*, 2003, № 4 (28).

ствовании энергетического (и не только) транспортного коридора, связывающего Восток с Западом⁸⁴, вследствие чего Центральный Кавказ может выполнять функцию соответствующего «моста», открывающего геополитически закрытую для Запада Центральную Азию⁸⁵.

В данном контексте следует особо отметить, что, согласно Збигневу Бжезинскому, из государств Центральной Кавказии Азербайджан является единственным среди важных геополитических центров всего географического континента Евразия⁸⁶. Статус же «геополитического центра»⁸⁷ определяется географическим положением страны и последствиями ее потенциальной уязвимости в результате действий «активных геостратегических действующих лиц»⁸⁸, к каковым относятся государства, обладающие реальной способностью и национальной волей для осуществления власти и распространения влияния за пределами своих границ.

Характеризуя Азербайджан с его огромными углеводородными ресурсами как «пробку в сосуде», содержащем богатства Каспийского моря и Центральной Азии, Збигнев Бжезинский тем самым подчеркивает, что независимость стран Центральной Азии практически зависит от независимости Азербайджана от Москвы⁸⁹. Помимо Азербайджана, для США в Центральной Кавказии имеет особое значение Казахстан, что проявляется в намерениях и действиях Вашингтона по максимизации инвестирования⁹⁰.

Если признать в качестве стержня государственных интересов стран Центральной Кавказии упрочение и развитие государственной независимости, обретенной ими после развала СССР, то естественным образом необходимо признать неприемлемость для них не только евразийства, но и теории «Хартленда» как геополитической теории подчинения этих стран имперским схемам, соответственно, России или Запада.

Если в интересах руководства того или иного центральнокавказийского государства на первом месте стоит сохранение собственного положения, а упрочение и развитие государственного суверенитета (не говоря о таких ценностях, как демократизация общества, соблюдение прав человека и развитие рыночной экономики) относятся к второстепенным задачам, то в подобных случаях на «помощь» могут прийти любые теории (точнее, псевдотеории) для завуалирования и оправдания этих замыслов.

Вместе с тем было бы наивным считать, что как мировые, так и региональные державы оставят в покое страны Центральной Кавказии и они смогут развиваться в спокойном режиме. Ситуация намного сложнее, вследствие чего этим странам необходимо сделать свой выбор, исходя из того, какие устремления и действия тех или иных держав в большей степени соответствуют их национальным интересам.

⁸⁴ См., например: *Chase H. Future Prospects of Caucasian Energy and Transportation Corridor. The Role of Caucasian Energy Corridor in European Energy Security // Georgian Economic Trends*, 2002, No. 3; *Kalicki J.H. Caspian Energy at the Crossroads // Foreign Affairs*, 2001, Vol. 80, No. 5; *Kalicki J.H., Elkind J. Eurasian Transportation Futures*. В кн.: *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*; *Makhmudov R. The Problem of Exporting Energy Resources from Central Asia*. В кн.: *Central Asia and South Caucasus Affairs: 2002 / Ed. by B. Rumer, L.S. Yee. Tokyo: Sasakawa Peace Foundation, 2002*; *Müller F. Energy Development and Transport Network Cooperation in Central Asia and the South Caucasus*. В кн.: *Building Security in the New States of Eurasia. Subregional Cooperation in the Former Soviet Space / Ed. by R. Dwan, O. Pavliuk. Armonk: M.E. Sharpe, 2000*; *Roberts J. Energy Reserves, Pipeline Routs and the Legal Regime in the Caspian Sea*. В кн.: *The Security of the Caspian Sea Region / Ed. by G. Chuftrin. New York: Oxford University Press, 2001*; *Starr S.F., Cornell S.E. The Politics of Pipelines: Bringing Caspian Energy to Markets. SAISPHERE, 2005*.

⁸⁵ См.: *Эйвазов Дж. Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики*. Баку: Нурлан, 2004. С. 132.

⁸⁶ См.: *Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. С. 56.

⁸⁷ См.: Там же. С. 55.

⁸⁸ См.: Там же. С. 54.

⁸⁹ См.: Там же. С. 62, 155.

⁹⁰ См.: *Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века*. М.: Логос, 2000. С. 105.

Не говоря о евразийстве как о ярко выраженной доктрине возрождения Российской империи, даже наиболее трезвый взгляд из России на страны Центральной Кавказии не исключает некоего «мягкого» варианта навязывания российских интересов хотя бы некоторым государствам региона — независимо от того, насколько это соответствует их интересам. Например, из стран Центральной Кавказии лишь Грузия считается полностью потерянной для РФ⁹¹. При этом подчеркивается, что Грузия и Армения имеют минимальное экономическое значение для России⁹², хотя не забывается, что Армения — объективный союзник РФ⁹³. В отношении Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана у России имеются экономические интересы в сфере добычи и транспортировки углеводородов⁹⁴, что же касается Казахстана и Кыргызстана, то в их отношении предлагается активизировать интеграционные процессы с РФ⁹⁵. К сожалению, такой подход не поддерживает современная политическая элита России, для которой, что не раз отмечалось выше, гораздо ближе идеи евразийства и их модификации.

Что же касается политики США в Центральной Кавказии, то она базируется на объективных предпосылках⁹⁶: Соединенные Штаты находятся так далеко от региона, что не смогут в нем доминировать; США достаточно сильны, чтобы не быть вовлеченными в нежелательные для них события в Центральной Кавказии.

Исходя из этого, первостепенный интерес Соединенных Штатов заключается в том, чтобы содействовать обеспечению ситуации, при которой ни одна держава не смогла бы контролировать Центральную Кавказию, а мировое сообщество имело бы к этому региону беспрепятственный финансово-экономический доступ⁹⁷.

После трагических событий 11 сентября 2001 года в интересах США способствовать такому развитию стран Центральной Кавказии, которое обеспечило бы предотвращение опасности новых террористических актов и содействовало бы успешному завершению войны против терроризма⁹⁸. Следовательно, интересы Вашингтона в регионе не исчерпываются лишь сферой энергетики⁹⁹. Таким образом, задачи Белого дома заключаются в поддержке бывших союзных республик региона в преодолении черт советской экономики, в развитии рыночной экономики, в том числе частного сектора, в создании прочных основ для экономического роста, в утверждении принципа верховенства закона, в решении социальных и экологических проблем, в обеспечении получения выгод от освоения энергетических ресурсов и разветвленных экспортных магистралей¹⁰⁰.

Здесь же следует отметить, что, согласно оценкам некоторых российских экспертов, если для Москвы характерны рассуждения об исторических, психологических и иных связях России с бывшими советскими республиками, то для Вашингтона любое теоретизирование в духе «мягкого» или «ограниченного» суверенитета данных республик принципиально неприемлемо¹⁰¹. При этом США считают, что РФ должна быть удовлетворена более процветающими соседями, более стабильным окружением¹⁰².

⁹¹ См.: *Лунев С.* Указ. соч. С. 26.

⁹² См.: Там же.

⁹³ См.: Там же. С. 27.

⁹⁴ См.: Там же. С. 25—26.

⁹⁵ См.: Там же. С. 25.

⁹⁶ См.: *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. С. 178.

⁹⁷ См.: Там же.

⁹⁸ См., например: *Gati T.T., Christiansen T.L.* The Political Dynamic. В кн.: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia.*

⁹⁹ См., например: *Jaffe A.* US Policy Towards the Caspian Region: Can the Wish-List be Realized? В кн.: *The Security of the Caspian Sea Region.*

¹⁰⁰ См.: *Mann S.R.* Caspian Futures. В кн.: *Russian-Eurasian Renaissance? U.S. Trade and Investment in Russia and Eurasia.*

¹⁰¹ См., например: *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 108.

¹⁰² См.: Там же. С. 105.

В не меньшей степени заслуживают внимания и оценки некоторых экспертов республик Центральной Азии, согласно которым Россия ориентирована в отношении стран региона на «застой» и безоговорочную поддержку действующих властей, из-за чего Москва теряет — не говоря о том, что она уже потеряла — возможных союзников для модернизации и политических перемен в этих государствах; в то же время политика Белого дома в регионе олицетворяет содействие расширению демократии¹⁰³.

Исходя из сказанного, реальные интересы Вашингтона в Центральной Кавказии принципиально исключают — в какой-либо форме — интеграцию с Соединенными Штатами стран региона, более того, полностью соответствуют тем национальным интересам этих стран, которые основаны на укреплении государственного суверенитета, углублении демократизации общества и развитии рыночной экономики.

Весьма важно подчеркнуть, что введение в научный оборот понятия «Центральная Кавказия» — это не просто уточнение географической идентификации рассматриваемого региона; оно к тому же является таким концептуальным видением интересов упрочения государственного суверенитета стран региона, которое в основе противостоит духу и идеям евразийства. При этом любые рассуждения в русле евразийства о так называемом «кавказийстве» как возможном теоретическом антиподе евразийства в корне ошибочны, прежде всего из-за политической гетерогенности «Центральной Кавказии», когда не все страны региона одинаково воспринимают не только сам статус государственного суверенитета, но и пути его достижения. В то же время упрочение и развитие государственного суверенитета, а также углубление демократизации общества и утверждение принципов рыночной экономики не могут быть прерогативами исключительно стран Центральной Кавказии.

Так, хотя и признается, что главными стратегическими интересами государств Центральной Азии являются независимость, демократия и интеграция¹⁰⁴, однако при этом вовсе не исключается возможность «возвращения» Центральной Азии в Евразию (где первая фигурировала в составе СССР) после того, как она сможет реализовать свою геополитическую самоидентификацию¹⁰⁵. Если принять во внимание, что на эту Евразию, согласно евразистам, имеет «претензию» Москва, то приведенное рассуждение не исключает — хотя бы в относительно отдаленной перспективе (т.е. после «геополитической самоидентификации» Центральной Азии) — вхождения стран Центральной Азии в Евразию-Россию. При этом небезынтересно отметить и то, что некоторым экспертам государств Центральной Азии отнюдь не чужды «ностальгические» воспоминания об СССР¹⁰⁶.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что прозападный вектор развития куда в большей степени соответствует отмеченным выше интересам упрочения государственного суверенитета, углубления демократизации общества и утверждения принципов рыночной экономики, ибо они являются основными общепризнанными ценностями Запада.

---

¹⁰³ См., например: *Толипов Ф.* Россия центральноазиатская: уход, удержание или возвращение? С. 24.

¹⁰⁴ Там же. С. 32.

¹⁰⁵ См., например: *Толипов Ф.* Центральная Азия — это пять «станов». Poleмика с казахскими евразийцами. С. 20.

¹⁰⁶ См., например: *Ниязи А.* Юг СНГ: фундаментальные проблемы развития // *Центральная Азия и Кавказ*, 2003, № 6 (30). С. 168—169; *Толипов Ф.* Россия центральноазиатская: уход, удержание или возвращение? С. 19—20.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ****ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН:
В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ****Владимир ПЛАСТУН**

*доктор исторических наук,
профессор кафедры востоковедения
Новосибирского государственного университета
(Новосибирск, Россия)*

Напряженность в Центральном-Азиатском регионе (ЦАР) — особенно в его южной части, которая включает Афганистан, Пакистан, Иран и существенно влияет на другие страны региона (и не только) — усиливается, подталкивая США, а также их союзников к ускоренному поиску выхода из кризисной ситуации. Накаленная обстановка в оккупированном Ираке, обострившаяся при вторжении в Иракский Курдистан турецкой армии с целью поиска и уничтожения террористов Рабочей партии Курдистана, расширила границы ареала конфликтной зоны. Значительный «вклад» в нагнетание обстановки до взрывоопасного уровня внесли введенный 3 ноября 2007 года президентом Пакистана П. Мушаррафом режим чрезвычайного положения под предлогом борьбы с экстремизмом и терроризмом, а затем убийство террористами известного политического деятеля страны Беназир Бхутто.

Свои соображения о причинах сохраняющейся конфликтности и предложения по их устранению на страницах «Файнэншел таймс» около года тому назад высказали два довольно известных человека: командующий войсками НАТО в 2003—2007 годах Джеймс Джонс и Мансур Иджаз, выступивший в 2000-м инициатором прекращения боевых действий между моджахедами и индийскими войсками в Кашмире. Авторы обратили особое внимание на Афганистан и Пакистан, взаимоотношения которых находятся «на опасном перекрестке». Оба государства, говорится в статье, — преданные союзники Соединенных Штатов в их войне против терроризма, но Кабул ищет пути к стабильности ситуации, опираясь на помощь НАТО, а Исламабад прилагает усилия для поиска баланса «между

национальными интересами и региональной ответственностью за борьбу с экстремизмом на своей территории». Афганистан оказывается в проигрыше, поскольку не может решить, «то ли он хочет бороться с терроризмом, то ли поддерживать его в качестве государственной политики»¹.

Из такого объяснения позиций двух сторон вполне вероятен вывод, что ответственность за сложившуюся действительно опасную ситуацию в регионе возлагают на Исламабад, который поощряет и/или закрывает глаза на вооруженные вылазки отрядов талибов, проникающих из приграничных районов Пакистана на афганскую территорию. В связи с этим администрация США и командование НАТО, не говоря уже о правительстве Афганистана, неоднократно предъявляли претензии в этой связи президенту Пакистана генералу Мушаррафу.

Как объяснить такое поведение пакистанской стороны, тем более что представители обоих государств-соседей, официально именуемых «исламскими», на всех двусторонних и многосторонних встречах называют свои народы «братскими» и постоянно упоминают «вековую дружбу»? Для ответа на этот вопрос напомним, что практически все пакистанские военные режимы, настроенные на перманентную конфронтацию с Индией, рассматривали Афганистан в качестве своего стратегического тыла (стратегической глубины), то есть территории, которую вооруженные силы Пакистана могли бы использовать как мощную тыловую базу на случай возникновения войны с Индией.

После событий 11 сентября 2001 года, когда вооруженные отряды временно захвативших власть в Афганистане талибов были вытеснены в Северо-Западную пограничную провинцию Пакистана (СЗПП), ситуация в регионе изменилась². Присутствие в Афганистане войск США и НАТО, выполняющих миссию борьбы с терроризмом, должно было бы успокоить пакистанских военных, настроенных следающих за маневрами Индии. Однако оставалась одна «заноза»: нерешенная проблема Кашмира. Управление межведомственной разведки Пакистана (УМР) использовало ее для сохранения постоянной напряженности индийских войск, дислоцированных в Кашмире. Сотрудники УМР направляли и поддерживали деятельность террористических групп и в этом районе, финансируя их активность с помощью нефтедолларов стран Персидского залива, а также вовлекая в свои операции «живую силу» из числа временно оставшихся не у дел боевиков из арабских стран и моджахедов афганских войн. В Пакистане на самом высшем уровне отрицают причастность сотрудников УМР к поощрению активности террористов, правда предполагая, что в это, возможно, замешаны «бывшие сотрудники разведслужб, действующие независимо и вопреки политике правительства»³.

Руководство УМР поддерживало тесные связи с исламистскими организациями, которые вели идеологическую обработку новых «рекрутов» для террористических групп через многочисленные религиозные школы (мадраса) и получали материальную помощь при посредничестве того же УМР. Как сообщают авторы вышеупомянутой статьи, «аппарат пакистанской армии и разведки неслышанно обогатились на бизнесе войны»⁴.

Подтверждаются ранее публиковавшиеся сообщения о присутствии в лагерях талибов, расположенных в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, иностран-

¹ Jones J., Ijaz M. Pakistan Holds the Key to South Asia's Security // Financial Times, 21 February 2007.

² Напомним: 1) пуштуны проживают как на территории Афганистана (9 млн), так и на севере Пакистана (16 млн); 2) Кабул не признает проведенную еще в период британского владычества в Индии «линию Дюранда» в качестве государственной границы. Поэтому представители пуштунских племен имеют возможность практически беспрепятственно пересекать условную границу между странами.

³ Dobbins J. Ending Afghanistan's Civil War // Testimony Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 8 March 2007. P. 5.

⁴ Jones J., Ijaz M. Op. cit.

ных боевиков. Местная администрация утверждает, что проблему избавления от наемников необходимо решать только на правительственном уровне, поскольку боевики, проживающие на съемных квартирах, оплатили их аренду вперед на долгий срок. Чтобы выселить постояльцев, владелец обязан вернуть полученные деньги, которые он уже, естественно, израсходовал. Боевики же угрожают смертью тем, кто попытается выдворить их силой. Сообщается, например, о выплате правительственными структурами 530 тыс. долл. четверем командирам отрядов боевиков в Южном Вазиристане (г. Ван), которые те получили от «Аль-Каиды» после подписания договора в марте 2004 года. Но, несмотря на это, иностранные боевики отказались покинуть территорию. Более того, в течение последних двух лет убили более 150 местных жителей, а сотни других вынуждены были бежать в Северный Вазиристан, так как опасались разделить судьбу своих земляков⁵.

По информации, исходящей от командования коалиционных войск, наблюдается прорыв к власти «младшего, более агрессивного поколения высшего руководства талибов», которое стремится оттеснить на второй план М. Омара и его окружение. Из новых «выдвиженцев» особенно выделяется Сираджуддин Хаггани, практикующий жестокие методы ведения войны, включая «похищения людей, покушения, обезглавливание женщин, неспровоцированные убийства и использование шахидов-самоубийц»⁶. Он расширяет масштабы операций своих отрядов с использованием финансовых дотаций из стран Ближнего и Среднего Востока, а также вербует добровольцев-наемников из Пакистана, Узбекистана, Чечни и Турции.

Действительно, нарастание накала вооруженного противостояния характеризуется приливом в ряды джихадистов в Афганистане значительного числа иностранных наемников. На это указывают сообщения, поступающие, например, от контингента войск Канады, входящих в состав коалиционных сил. Причем особо отмечается, что «с самым жестоким сопротивлением в повстанческом движении» канадцы «сталкиваются не со стороны афганцев, а со стороны чеченских боевиков». В провинции Кандагар, как сообщается, «основное ядро сопротивления — чеченцы, они лучшие из тех бойцов, с кем мы сталкиваемся»⁷.

По всей вероятности, постепенно вытесняемые из горных районов Чечни, Дагестана, Ингушетии уцелевшие боевики добираются до других горячих точек, где они могут использовать опыт, полученный в ходе боевых действий на Кавказе.

Одновременно западные эксперты отмечают прилив в ряды исламистов, действующих в СЗПП и приграничных районах южного Афганистана, нового типа наемников — европейцев, принявших ислам, а также боевиков из числа жителей арабских государств, стран Северной Африки и Турции. Из материалов допросов арестованных по подозрению в террористической деятельности в Германии следует, что они выпускники исламских учебных заведений Египта, Сирии и Саудовской Аравии. Через территорию Ирана их переправляли в Пакистан, где они проходили специальную подготовку для проведения терактов. Подобная группа «выпускников», к примеру, выполняла задания «Аль-Каиды» в Лондоне в июне 2005 года, организовав взрывы в метро, в результате которых погибли 52 человека⁸.

На изменения в характере деятельности и психологии поведения части политико-идеологического и военного состава верхушки талибов указывает и профессор Барнет Рубин (США): «Эти новые боевики не относятся ни к Афганистану, ни к Пакистану: они — про-

⁵ См.: *Khan M.I.* Fractious Militants United by one Thing // BBC News, North Waziristan, 7 March 2007.

⁶ New Generation Taliban Rivaling Chief: US-led Coalition // Yahoo!News, 19 October 2007.

⁷ National Post (Canada), 24 September 2007.

⁸ См.: Terrorists in Training Head to Pakistan // latimes.com., 14 October 2007.

дукт лагерей для беженцев и милитаризованных мадраса на «территории племен» Пакистана. Им неведом комфорт проживания в городских условиях какой-либо страны, они никогда не пользовались благами «традиционного» общества, основанного на производстве сельскохозяйственных продуктов, скотоводстве, родовых отношениях и государственном патронаже. Чем дольше длится война, тем больше вненациональных черт, характерных для этой группы, все глубже укореняется в регионе»⁹.

Б. Рубин, безусловно, прав, отмечая изменения социально-политического статуса поколения афганцев, достигших зрелого возраста в период прозябания в лагерях беженцев в СЗПП. Действительно, условия их существования в обстановке перманентного джихада, скитания в поисках заработка, а затем воспитание в джихадистском духе в мадраса за счет «благотворительных взносов», поступавших из фондов богатых нефтедобывающих стран исламского мира, определили сущность характерных изменений в образе жизни этой генерации. «Новые талибы» (как, кстати, и дети, выросшие в палестинских лагерях) безжалостны и глухи к страданиям и убеждениям не только немусульман, но и своих единоверцев, придерживающихся традиционного учения классического ислама. Затягивание войны лишь увеличивает количество «непримиримых» боевиков нового типа.

Позиция иностранных наемников, пользующихся поддержкой талибов и «Аль-Каиды», вызывает серьезное беспокойство руководства страны и значительно осложняет выполнение обещаний президента П. Мушаррафа в части борьбы с терроризмом.

Д. Джонс и М. Иджаз считают, что политика Исламабада в отношении Кабула является «определяющей в области будущей стабильности целого региона», и полагают, что президенту П. Мушаррафу следовало бы предложить Х. Карзаю организовать встречу на региональном уровне. За столом переговоров предлагали также встретиться премьер-министру Индии М. Сингху и ключевым фигурам из состава советников по вопросам армии и разведки, представляющим интересы трех сторон. Фактически речь шла о создании некоего «Тройственного совета», который мог бы содействовать достижению взаимопонимания по нескольким направлениям. Возлагалась надежда на то, что присутствие Индии поможет «развевать миф» о том, что политика Дели в сфере инвестиций в афганскую экономику нацелена на продвижение к границам Пакистана. Индийские и пакистанские спецслужбы могли бы договориться относительно оценки параметров предлагаемого сотрудничества, дабы избежать очередной волны недоверия.

В ежегодном докладе директора Национальной разведки Джона Негропonte, опубликованном 11 января 2007 года, указывается, что, хотя США считают «Пакистан основным партнером в войне с террором», он «остаётся главным источником исламистского экстремизма и прибежищем для некоторых высокопоставленных террористических лидеров»¹⁰. «Перспектива возобновления напряженных отношений с Индией, обладающей ядерным оружием, — говорится в докладе, — сохраняется, и Пакистан был основным источником распространения ядерных технологий, пока не была разрушена сеть А.К. Хана»¹¹. Кстати, на проходящих в Конгрессе слушаниях по внешней политике сенаторы, считая, что «центр войны», которую ведут США, находится все-таки не в Ираке или Афганистане, а в Пакистане, где «помимо всего, расположена штаб-квартира «Аль-Каиды», напоминают и факт оказания Исламабадом помощи Северной Корее и Ирану в подготовке их ядерных программ»¹².

⁹ Rubin B. Afghanistan: Negotiations with Taliban? // Informed Comment: Global Affairs, 16 October 2007.

¹⁰ Negroponte J.D. Annual Threat Assessment of the Director of National Intelligence, 11 January 2007. P. 11.

¹¹ Речь идет о раскрытии сети торговцев ядерными технологиями во главе с «отцом» пакистанской ядерной бомбы Абдул Кадир Ханом (см., например: The Christian Science Monitor, 27 October 2004).

¹² См.: Dobbins J. Op. cit. P. 6.

Д. Джонс и М. Иджаз полагают, что НАТО могла бы играть ключевую роль в деятельности Тройственного совета, «основанной на разделении функций разведки, с тем чтобы деполитизировать использование разведки при патрулировании границы, осуществлении наркоконтроля и в борьбе с контрабандой оружия»¹³. В недавно опубликованной в Кабуле статье афганская сторона предлагала не ограничиваться упомянутым Тройственным советом, рассматривающим чисто военные вопросы, а привлечь к переговорам по урегулированию отношений внешнеполитические ведомства Кабула и Исламабада, пригласить в качестве наблюдателей представителей ООН, НАТО и США¹⁴. Афганистану рекомендовалось принять все меры для предотвращения его сползания к роли наркогосударства, оказывающего финансовую поддержку террористам, а Пакистану — вновь установить свой приоритет в глобальной борьбе против экстремизма.

Отмечено, что практически во всех международных противостояниях наблюдается закономерная тенденция: чем дольше затягиваются конфликты, тем больше стран в них втягивается и тем шире становится круг спорных проблем. Начавшаяся война против «глобального терроризма» постепенно стала инициировать выдвижение акторами лозунгов, отражающих и узко националистические, и сепаратистские, и межконфессиональные, и территориальные притязания. Это как раз та картина, которую мы сейчас наблюдаем в Центральной Азии, куда переместилась точка приложения силового прессинга Соединенными Штатами, втянувшими в водоворот войны не только своих союзников по НАТО, но и представителей некоторых стран Восточной Европы, «записавшихся в очередь» на вступление в Североатлантический альянс.

Итоги шестилетнего военного противостояния вызывают вполне оправданный скептицизм как у сторонних наблюдателей, так и населения Афганистана. Основная причина, вызывающая сомнения, — факт их морального превосходства над противником. На открытые призывы президента Х. Карзая сначала к «умеренным» талибам, а в последнее время и непосредственно к лидеру движения «Талибан» мулле Омару начать переговоры и обещания выделить их представителям важные посты в правительстве следует неизменный отказ. Талибы чувствуют свою силу и слабость позиции США, поэтому открыто заявляют, что пойдут на переговоры лишь после вывода из Афганистана иностранных войск.

Об этом можно судить не только по содержанию «Открытого письма руководящего совета Исламского эмирата к Шанхайской организации сотрудничества» от 16 августа 2007 года, но даже по самому факту такого обращения. Примечательно также, что талибы отныне выступают от имени «руководства Исламского эмирата», дистанцируясь от правительства Карзая. В этом состоящем из трех пунктов документе, опубликованном в издании «Аль-Эмират», содержатся требования к ШОС принять меры, направленные на то, чтобы «остановить тех, кто путем оказания экономического, культурного и политического влияния пытается помешать развитию стран региона». Члены ШОС, отмечается в письме, должны быть информированы о ситуации «агонии» в Афганистане, он нуждается в кардинальных изменениях, которые потрясли бы весь мир подобно тому, как это произошло в случае с Советским Союзом. ШОС, призывают талибы, не должен «смотреть на Исламский эмират с позиции США», поскольку «мы — не террористы и не иностранные интервенты, мы — защитники наших национальных интересов». Руководящий совет эмирата считает, что Афганистан оккупирован, вследствие чего проводимый джихад надо рассматривать как справедливую и законную борьбу за независимость. В письме выражается приверженность принципам взаимоуважения стран региона, пожелание ук-

¹³ Jones J., Ijaz M. Op. cit.

¹⁴ Afghanistan Times, 4 March 2007.

репления с ними братских отношений и надежда на поддержку в целях развития событий в регионе в позитивном направлении.

Содержание и тон документа в определенном смысле можно рассматривать как своего рода заявку на готовность лояльного отношения к деятельности ШОС, если она окажет нажим на США и НАТО и «выдавит» их из страны.

К переговорам с талибами правительство Карзая подтолкнули, конечно, Соединенные Штаты, которые, просчитав все плюсы и минусы, уже давно вели секретные переговоры с исламской оппозицией. Отличие нынешнего переговорного этапа заключается в том, что налаживаются контакты не только с «умеренными» группировками исламистской оппозиции. Теперь имеет место прямое обращение президента Х. Карзая к руководству Исламского эмирата. Правда, как заметил академик Е. Примаков, президент ИРА уточнил, что речь в данном случае не идет о группировках талибов, тесно связанных с «Аль-Каидой»¹⁵, но этот штрих вряд ли имеет большое значение, так как, во-первых, именно движение «Талибан» явилось фундаментом для активизации деятельности «Аль-Каиды» в Афганистане, а во-вторых, талибы ведь «не сдали» Бен Ладена американцам. Они и не могли его «сдать», поскольку Усама был не только и не столько гостем и идеологическим союзником, сколько финансовым «кормильцем» для ДТ.

Натиск талибов, в результате которого значительная часть южных районов Афганистана оказалась под их контролем, несомненно, отрицательно влияет на моральный дух как кадров формируемой Афганской национальной армии (АНА), так и гражданского населения. Это отнюдь не означает, что большинство афганцев желает прихода к власти режима талибов. Применение словосочетания «население Афганистана» в данном случае не предполагает его однозначного толкования, а обращает внимание на постоянную напряженность межнациональных отношений, усиливающуюся в ходе боевых действий. Нельзя не замечать явные и скрытые признаки обострения отношений между пуштунским Югом и населенным преимущественно национальными меньшинствами Севером. Пуштуны отстаивают свое право на статус титульной нации, а «северяне» напоминают о своих заслугах в сокрушении режима талибов осенью 2001 года и предлагают решить вопрос о федеративном устройстве Афганистана. Так, 22 сентября 2007 года на сайте «Национального конгресса Афганистана» (НКА)¹⁶ — организации левой ориентации, выражающей интересы нацменьшинств, появилось воззвание с призывом прекратить войну и секретные переговоры с талибами. В документе говорится, что перед народом стоит выбор: или сдаться талибам или продолжать войну. Первое означает признание власти талибов по всей стране, что равносильно катастрофе и началу вооруженного сопротивления. Поэтому предлагается признать талибов-пуштунов в качестве доминирующей силы в районах их преимущественного проживания (т.е. в южных провинциях), чтобы дать возможность жителям других частей страны развиваться в избранном ими направлении. Для этого необходимо ввести федеральную систему правления. В воззвании перечисляются предложения о признании «линии Дюранда» в качестве государственной границы с Пакистаном, а также говорится о полном разоружении всех вооруженных группировок, введении смешанной экономики, борьбе с неграмотностью и т.д.

Федеральная система государственного устройства была бы идеальным вариантом для Афганистана, но сегодня звучит наивно постановка самого вопроса о ее рассмотре-

¹⁵ См.: *Примаков Е.* Новая тактика США в Афганистане? [<http://www.mn.ru/issue/2007-39-4>].

¹⁶ Национальный конгресс Афганистана (НКА) создан в 2001 году, официально зарегистрирован. Его лидер Латиф Педрам (писатель) принимал участие в президентских выборах и занял в них пятую позицию. НКА, по утверждению руководства, имеет представительства во всех 34 провинциях ИРА и за рубежом.

нии (не говоря о реализации), так как такой шаг пуштуны, несомненно, посчитают попыткой подорвать единство афганского народа.

26 декабря 2007 года состоялся визит президента Афганистана Х. Карзая в Пакистан, лидеры двух стран обсудили сложную ситуацию в приграничных районах, где орудуют отряды талибов и джихадистов. Президенты выразили мнение, что «одним из главных способов активизации борьбы с экстремизмом и терроризмом в регионе должно стать самое широкое сотрудничество спецслужб обеих стран»¹⁷. Х. Карзай прибыл с двухдневным визитом, но, по всей вероятности, переговоры были прерваны: 27 декабря террористы все-таки настигли предполагаемого кандидата на пост премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто, она скончалась в госпитале в результате покушения.

Международные СМИ сообщают разноречивую информацию, возлагая ответственность за ее убийство то на «Аль-Каиду», то на сторонников спецслужб УМР, связанных с исламскими экстремистами. Пакистан вновь оказался в гуще жестокой схватки между радикальными исламистами и сторонниками строительства гражданского общества на демократических принципах. Однако главный вопрос заключается в ином: в чьих руках окажется ядерное оружие Пакистана?

А ведь грозные предупреждения следовали одно за другим.

По прибытии Б. Бхутто в Карачи (19 октября 2007 г.) прогремел взрыв, унесший жизни около 150 человек (раненых насчитывалось более 500). Исламские круги также выставляли вроде бы демократические требования, требуя ввести в стране систему гражданского правления. Однако при этом исламистов не устраивало даже обещание П. Мушаррафа в случае победы на выборах снять генеральский мундир и разделить власть с оппозиционной Пакистанской народной партией (ПНП), возглавляемой Беназир Бхутто. Похоже, в их намерения входило лишь одно: установить в Пакистане жесткое правление представителей крайне правых исламских радикалов. В таком случае термин «демократия» приобретает значение «исламистская диктатура».

Администрация Дж. Буша, несомненно, почувствовала угрозу после того, как демократы оказались в большинстве в Конгрессе США и стали выражать явное недовольство действиями правительства в отношении его политики в Центрально-Азиатском регионе. В связи с этим в конце февраля 2007 года Дж. Буш направил П. Мушаррафу послание, в котором в довольно жестких выражениях предупредил его о возможности сокращения американской помощи Пакистану, если тот не предпримет решительных действий по подавлению активности «Аль-Каиды», возглавляемой по-прежнему «неуловимым» Усамой бен Ладеном. Демократы также потребовали усилить давление на Исламабад, ссылаясь на мнение военного командования контингента США в Афганистане о возросшем сопротивлении отрядов исламистов, чему способствует бездействие Пакистана и невыполнение им своих обещаний в сфере борьбы с терроризмом. Более того, в Белом доме в одностороннем порядке начали строить планы нанесения ударов по тренировочным лагерям террористов в пакистанском Северном Вазиристане, местонахождение которых определено при помощи спутниковой разведки Соединенных Штатов¹⁸.

1 марта 2007 года из Пешавара пришло сообщение, что в г. Кветта пакистанские силы безопасности при содействии и участии оперативников Центрального разведывательного управления США арестовали муллу Обайдудду Ахунда, заместителя лидера движения «Талибан» муллы Мохаммада Омара. За голову муллы Ахунда (в 1996—2001 гг. он занимал должность министра обороны в правительстве талибов) ЦРУ в свое время объявило награду — 1 млн долл. Его доставили в Исламабад, где сотрудники па-

¹⁷ [<http://www.novopol.ru/article33337.html>], 27 декабря 2007.

¹⁸ См.: Sanger D.E., Mazzetti M. Bush to Warn Pakistan to Act on Terror // The New York Times, 26 February 2007.

кистанских спецслужб и их американские коллеги вели интенсивные допросы, надеясь добыть информацию о военном потенциале вооруженных отрядов исламистов, объявивших «весеннее наступление» против войск США, НАТО и частей афганской национальной армии.

За день до ареста О. Ахунда в Исламабад неожиданно прилетел вице-президент США Дик Чейни, который, как сообщалось, привез видеоклипы с зафиксированными на них местами дислокации лагерей вооруженных отрядов «Талибана» и «Аль-Каиды» и продемонстрировал их президенту Пакистана. Таким образом, П. Мушаррафу, отрицавшему наличие террористических баз на территории его страны, дали понять, что не только демократическое большинство, но и сенаторы Конгресса США озабочены проблемой: как объяснить американским налогоплательщикам отсутствие результатов борьбы с терроризмом, если «стратегический партнер» не выполняет своих обязательств¹⁹.

В своей книге пакистанский журналист Ахмед Рашид отмечал: «Пакистан, видимо, не извлеч из истории никаких уроков и продолжал жить в недавнем прошлом, когда деньги саудовцев и ЦРУ позволяли Пакистану руководить джихадом»²⁰.

Казалось, что захват О. Ахунда свидетельствует о смене политики в Исламабаде, если уж там пошли на «сдачу» вчерашних друзей, с помощью которых надеялись оказывать влияние на Афганистан и создавать напряженность в Кашмире. Тем более что цена вопроса слишком велика. Она выражается не только (а теперь и не столько) в денежном отношении, но и в политической и экономической стабильности, в которой нуждается весь Центрально-Азиатский регион. Но и сам президент П. Мушарраф, похоже, не в состоянии понять логические построения Вашингтона.

Эксперты, занимающиеся освещением проблем безопасности в Центральной Азии, на Кавказе и Ближнем Востоке, обращают внимание на противоречия, содержащиеся в политических разработках американских стратегов в ЦАР. С одной стороны, в 2008 финансовом году объемы помощи США Афганистану и Пакистану должны значительно возрасти: для Афганистана она составит 1,07 млрд долл. (в 2007-м было 968 млн); для Пакистана — 785 млн (в 2007-м — 499 млн). Причем из общего объема помощи Афганистану 18% должно пойти на финансирование программ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, около 700 млн — на реализацию проектов восстановления страны. Из суммы, предназначенной для оказания помощи Пакистану, 300 млн планируется направить на программы в сфере военной помощи²¹.

Кабул оказался обделенным. По подсчетам сенатора Конгресса США Дж. Доббинса, в первый год после свержения режима талибов Соединенные Штаты предоставили Афганистану на восстановление 500 млн долл., а Ираку — стране, почти равной Афганистану по территории, но более богатой — в 2003 году администрация Дж. Буша выделила 18 млрд долл. Если продолжить сравнения, то увидим: в течение первых двух лет жизни без талибов на среднего афганца приходилось по 50 долл. в год из иностранной помощи, в тот же период времени каждый косовар получал в 10 раз больше, а средний босниец — в 12 раз²².

Предполагалось и сокращение (на 24% по сравнению с 2006 г.) финансирования всех пяти постсоветских государств Центральной Азии. В частности, Узбекистан «наказан» в связи с критикой Соединенными Штатами действий руководства этой республики в сфе-

¹⁹ Fatemi T. No Let-up in US Pressure // Dawn (Pakistan), 10 March 2007.

²⁰ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 257.

²¹ См.: Кучера Д. Американская помощь Центральной Азии: «политические заявления и цифры противоречат друг другу» // Eurasianet, 8 февраля 2007.

²² См.: Dobbins J. Op. cit. P. 3.

ре прав человека и за отказ от реализации рекомендованных Западом реформ. Казахстан, как считают авторы пояснительной записки Госдепартамента США к новому бюджету, обладает большими запасами нефти и вполне может обойтись без материальной поддержки Вашингтона. Таким образом, основная помощь будет оказана Кыргызстану (правда, на 5 млн меньше, чем два года тому назад), Таджикистану (на 3,4 млн больше) и Туркменистану — в зависимости от поведения его нового руководства. В общем, деньги будут направлены туда, «где имеются возможности для укрепления стабильности и демократизации»²³.

Анализируя приведенные данные, сотрудник российско-евразийской программы М. Олкотт отмечала: «Политические заявления и цифры противоречат друг другу... Мы направляем туда [в Центральную Азию] крошечные суммы. Влияние Соединенных Штатов в регионе падает, и подобные суммы не остановят этот процесс»²⁴. В то же время М. Олкотт считала, что в любом случае США не должны «чрезмерно концентрироваться на финансовой помощи Афганистану». Однако Дж. Доббинс, исходя из подсчетов, сделанных в 2005 году корпорацией «РАНД», заверяет, что из всех стран, которые Соединенные Штаты «опекали» последние 60 лет, именно Афганистан получал наименьшие суммы на программы «национального строительства»²⁵.

Причина, по всей вероятности, в том, что при стратегическом планировании своей внешней политики администрация Дж. Буша допустила грубые просчеты, утратила способность прагматично подходить к изменениям на мировой арене, в первую очередь в Центрально-Азиатском регионе. Слишком большая ставка (и не совсем продуманная) была сделана на решающее влияние фактора распада извечного противника — Советского Союза. Доминирование военно-политической мощи США представлялось само собой разумеющимся. Однако дальнейшее развитие событий показало, что изменением расстановки мировых сил хотели воспользоваться и ближайшие союзники Соединенных Штатов в ЦА, в первую очередь Пакистан. Обладание ядерным оружием, гордо именуемым «исламской ядерной бомбой», вдохновило главным образом радикальных исламистов из окружения президента П. Мушаррафа, выдвигающих требования усилить роль Пакистана в «Большой игре».

Многие политические обозреватели выражают опасения, что Вашингтон может столкнуться с неуступчивостью П. Мушаррафа, вынужденного под напором исламистов осторожно отойти от слишком бросающегося в глаза беспрекословного, как полагают его оппоненты, подчинения Вашингтону. Он старается, видимо, «потянуть» время, насколько это возможно, отслеживая неординарную атмосферу в Белом доме, где большинство Конгресса перешло к демократам. Между тем напряженность в Центрально-Азиатском регионе не ослабевает. Более того, злодейское убийство Беназир Бхутто смешало все карты участников «Большой игры».

На фоне происходящих ныне событий создается впечатление, что дело не только (и не столько) в отношениях между США и Пакистаном. Главная цель нынешней администрации Вашингтона — поддержка в ряде стран (особенно тех, чье руководство пытается проводить независимую политику) состояния «контролируемой нестабильности». Такой курс давал Белому дому возможность оказывать нужное влияние на «несогласные» режимы, сменять их в случае необходимости, провоцировать силовые акции. Ныне никто не станет отрицать, что именно для доступа к нефтяным запасам Ирака в США создали миф о наличии у Багдада оружия массового уничтожения (ОМУ) и о связях Саддама Хусейна с «Аль-Каидой». Чтобы установить контроль над нефтегазовыми месторождениями Ира-

²³ Кучера Д. Указ. соч.

²⁴ Цит. по: Кучера Д. Указ. соч.

²⁵ См.: Dobbins J. Op. cit.

на и стратегически важным для транспортировки углеводородов Ормузским проливом, в последнее время Соединенные Штаты прилагают максимум усилий для формирования антииранской коалиции и получения международной поддержки в вопросе решения иранской ядерной программы силовым путем. Хотя наиболее приемлемый вариант, соответствующий нормам международного права, — доверять мнению экспертов МАГАТЭ, не нагнетая напряженности.

Меры по «демократизации», уже осуществленные или осуществляемые Вашингтоном в отношении ряда государств Ближнего Востока, Центральной Азии и АТР, сочетаются с усилением и расширением в тех же регионах военного присутствия США, которое так же настойчиво расползается и по Восточной Европе.

Администрация Белого дома проводит жесткую политику, отдаляющую «империю» от остальных регионов и стран, которые она зачастую лицемерно называет партнерами. Еще в первой половине 2003 года известный американский политолог Стивен Коэн постарался отбросить, как он писал, «всю дипломатическую шелуху»²⁶. По его мнению, ухудшение российско-американских отношений началось не с балканской войны, не с начала «антитеррористической операции против талибов в Афганистане, даже не после американского вторжения в Ирак. О «партнерстве» заговорили Горбачев и Рейган, затем эту тему продолжили Горбачев и Буш-старший, а Ельцин и Клинтон восемь лет заверяли друг друга в «американо-российской дружбе и партнерстве». Однако, продолжает С. Коэн, с американской стороны партнерство было основано на простом принципе: Москва должна делать все, что от нее хочет Вашингтон. «Итог этого партнерства в том, что США получили от России практически все, что хотели. В ответ Россия не получила почти ничего». Россия помогла Соединенным Штатам в ликвидации террористической угрозы в Афганистане. Тем не менее факты показывают, что талибов просто временно загнали в подполье, а руководство «наведением порядка» в этой стране взяла на себя НАТО во главе с США. Американские военные базы — «и, похоже, постоянные, а не временные, — говорит С. Коэн, — появились в Центральной Азии и на Кавказе». Действительно, «странное партнерство, когда один окружает другого военными базами». Заключение автора таково: «Так что партнерства на самом деле никогда не существовало, это была фикция, миф».

Появляются сомнения в правильности стратегии и у других партнеров США. Чтобы их развеять, в Афганистан зачастили руководители крупнейших европейских государств: в конце 2007 года Кабул посетили канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози, премьер-министр Италии Р. Проди, премьер-министр Австралии К. Радд. (Не будем перечислять частые «налеты» на Афганистан высокопоставленных лиц НАТО.)

Французский исследователь Д. Гансер отмечает, что «с точки зрения Соединенных Штатов речь идет о борьбе за контроль над энергоресурсами евразийского блока, который расположен в «стратегическом эллипсе» — от Азербайджана через Туркменистан и Казахстан до Саудовской Аравии, Ирака, Кувейта и Персидского залива. Именно в этом регионе, где происходит эта так называемая «война с терроризмом», сконцентрированы крупнейшие запасы нефти и газа». По его мнению, наблюдается очередной виток «геостратегической игры», в которой «Европейский союз может лишь проиграть». Как только США получают контроль над этими энергоресурсами и энергетический кризис обострится, они выдвинут перед ЕС ряд условий, «не будут давать бесплатно нефть и газ европейским странам. Немногие знают, что в Северном море уже наступил пик нефтедобы-

²⁶ См. интервью С. Коэна: «Партнерство? Это фикция» // Трибуна (Деловой вторник), 2 апреля 2003, № 14.

чи и что как следствие добыча нефти в Европе — в Норвегии и Великобритании — постоянно снижается»²⁷.

Профессор Д. Гансер надеется, что в конце концов «люди поймут, что эти «войны с терроризмом» — манипуляция, а обвинения против мусульман частично — пропаганда». Европа же, по его мнению, должна «проснуться и, наконец, понять, как работает стратегия дестабилизации, научиться говорить «нет» Соединенным Штатам, стране, в которой есть много людей, желающих этой милитаризации международных отношений».

В снижение напряженности в ЦАР могут внести свой существенный вклад другие государства. Достаточно ознакомиться с заявлением представителя МИД России от 27 декабря 2007 года. В этом документе отмечается, что, «исходя из основных задач региональной безопасности, прежде всего решения афганской проблемы, ШОС способна на конкретные действия, направленные на улучшение обстановки. Но чтобы действовать эффективнее, необходимо привлекать к работе государства, сейчас пребывающие в ранге наблюдателей, прежде всего Иран и Пакистан»²⁸.

Трагические события в Пакистане подтверждают необходимость объединить усилия всех государств Центрально-Азиатского региона в целях достижения взаимопонимания при разработке решений, способствующих установлению стабильности в регионе. К такому выводу приходят и некоторые политологи США, предлагающие задействовать на этом направлении Шанхайскую организацию сотрудничества.

Американский политолог, профессор А. Кули, выступая с лекцией 16 января сего года, отверг мнения о ШОС, характеризующие ее, с одной стороны, как военный блок, созданный в противовес НАТО, с другой — как организацию, которая занимается «говорильней», не предпринимая практических шагов»²⁹. «Я так не считаю. ШОС — это не организация болтунов, — сказал А. Кули. Это не торговая и не военная организация. Но, несмотря на это, она быстро развивается, прочно стоит на ногах. ШОС предоставляет странам-участницам множество благ и является альтернативой многим другим международным организациям». По мнению профессора, это организация, в которой слабые страны могут воздействовать на сильных участников, их точку зрения учитывают и Китай, и Россия.

США и страны Запада, по словам А. Кули, опасаются, что Иран вступит в ШОС, но «в то же время у всех стран Центральной Азии есть право на организацию своих договоров». Само собой разумеется, сказал А. Кули, Европейский союз и Соединенные Штаты имеют свои интересы в ЦА. Просто «им нужно вести переговоры и учиться сотрудничать с ШОС — такого мнения придерживаются многие западные политики». Это тем более правильный путь, что ШОС уже наладила прочные связи с ООН и развивает сотрудничество с другими международными организациями, в частности с ОБСЕ.

Таким образом, стабильность в спокойном Центрально-Азиатском регионе зависит от доброй воли всех государств данного района мира, которые ставят своей целью осуществление принципов демократии, взаимопонимания и международной безопасности.

---

²⁷ Интервью с Д. Гансером см.: *Камтори С.* Необъявленный терроризм НАТО. Стратегия дестабилизации // *Voltaire* (Франция), 11 января 2007.

²⁸ См.: [www.regnum.ru/news/938379.html], 27 декабря 2007.

²⁹ [www.regnum.ru/news/943740html], 17 января 2008.

КОНЕЦ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ БАЗ В ГРУЗИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ ВЫВОДА

Корнелий КАКАЧИЯ

*декан Школы политики и международных отношений
Тбилисского государственного университета
(Тбилиси, Грузия)*

В в е д е н и е

Распад Советского Союза и окончание «холодной войны» существенно изменили геополитическую ситуацию в Евразии и послужили началом совершенно иного процесса фундаментальных перемен в мировой политической системе. Крах советской системы предоставил странам Южного Кавказа уникальную возможность взять на себя новую и важную роль независимой силы между доминирующей в Евразии Россией, на севере, и соперничающими с ней Турцией и Ираном, на юге. И все же Кавказ представляет собой зону конфликтов, несмотря на многочисленные миротворческие усилия, прилагаемые разными странами в этом регионе. Продолжающееся соперничество между Западом и Россией (а каждая из этих сторон пытается стать посредником в разрешении конфликта) создаст новые геополитические барьеры на пути установления долговременной стабильности и развития данного региона.

Российское военное присутствие на Кавказе продолжает оставаться вызовом для государств, недавно обретших независимость. Политика РФ неоднократно подвергалась изменениям, которые вряд ли можно считать последовательными. Военное, политическое и экономическое присутствие позволили Москве оказывать влияние на внутреннюю политику стран региона,

особенно в том, что касается конфликтов, прекращения огня и переговоров. Триада средств, используемых Россией для обеспечения своих интересов в регионе — военные базы, защита внешних границ СНГ, миротворческая деятельность — к концу десятилетия начала трещать по швам. Хотя концентрация российских сил на Южном Кавказе значительно уменьшилась, но и сегодня Россия является единственной иностранной державой, способной оказать влияние на развитие событий в регионе.

В советский период Южный Кавказ, как территория Советского Союза, был полностью интегрирован в общую систему безопасности, будучи составной частью единых армии, флота, пограничного контингента и системы раннего предупреждения. В те годы в Грузии отмечалось существенное военное присутствие, так как геополитическое положение всегда делало эту союзную республику стратегически важным районом и на грузинской территории была возможность размещать многочисленные военные базы. Поскольку Грузия граничит с Турцией, членом НАТО, командование Закавказского военного округа, в который входили все три республики Закавказья, дислоцировалось в Тбилиси. В середине 1993 года на территории Грузии оставалось примерно 15 тыс.

российских военнослужащих и пограничников. Как правопреемник Советского Союза, РФ унаследовала геополитические интересы на Южном Кавказе, в том числе в Грузии.

Для России Грузия представляет интерес по ряду причин:

- а) она граничит с нестабильной территорией РФ — Северным Кавказом (включая беспокойную Чечню), создающим серьезную внутреннюю угрозу безопасности всей России;
- б) Грузия играет важную роль в использовании минеральных ресурсов Каспийского моря (в стране расположены жизненно важные черноморские порты, по ее территории могут проходить контролируемые Россией газо- и нефтепроводы)¹.

Кроме того, транспортные пути, в частности трубопроводы, связывающие Россию с пророссийской Арменией, проходят исключительно через Грузию.

На первом этапе после краха Советского Союза Грузия не настаивала на выводе российских войск так настойчиво, как другие бывшие республики СССР, поскольку у нее не было военных ресурсов, достаточных для защиты своих границ. Однако после поражения в гражданской войне с абхазскими сепаратистами (которых, по всей видимости, поддерживали российские военные) большинство грузин стали считать Россию агрессивной державой, угрожающей жизненным интересам и территориальной целостности своего государства. Как ни печально, такой взгляд на Россию и сегодня преобладает в общественном мнении Грузии.

В настоящее время отношения между Москвой и Тбилиси остаются натянутыми. За последние пять лет эти отношения характеризовались угрозами, взаимными обвинениями и подозрительностью. Определенная

прозападная ориентация президента Грузии Михаила Саакашвили, особенно амбициозное стремление республики вступить в НАТО, и недавнее обещание М. Саакашвили включить Абхазию и Южную Осетию в состав Грузии до окончания его президентского срока, вызывают возмущение в Москве. Россия, со своей стороны, осложняет ситуацию в Грузии и придерживается стратегии затягивания переговорного процесса с ней. В 2006 году, в период зимних холодов, снабжение Грузии газом было приостановлено якобы для продолжительного ремонта трубопровода. Через два месяца, в марте, Россия запретила импорт вина и минеральной воды из Грузии, а в сентябре в Тбилиси арестовали четырех российских офицеров, обвинив их в шпионаже.

В ответ на это Москва приостановила все транспортные и почтовые связи с Тбилиси, а также выслала сотни грузинских иммигрантов, угрожая заморозить все грузинские банковские счета в банках РФ. Кроме того, Россия продолжала оказывать политическую и экономическую поддержку сепаратистским районам Абхазии и Южной Осетии, пытаясь ограничить присутствие наблюдателей ОБСЕ и ООН на рубежах этих сепаратистских регионов. При этом она поддерживала милицию сепаратистов и сохраняла своих «миротворцев» в регионе.

Затем Тбилиси обвинил Россию в воздушном нападении (6 августа 2007 г.) на грузинскую территорию вблизи зоны конфликта в Южной Осетии. Две отдельные группы (13 технических специалистов из семи стран — Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Швеции, Великобритании и Соединенных Штатов) поддержали версию Тбилиси об инциденте, заявив на форуме ОБСЕ по сотрудничеству в вопросах безопасности, что по крайней мере один российский самолет проник в воздушное пространство Грузии и сбросил антирадарную управляемую ракету на ее территорию².

¹ См.: *Naumkin V. Russian Policy in the South Caucasus // The Quarterly Journal*, 2002, No. 3.

² См.: В ОБСЕ обсудили произошедший в Грузии 6 августа инцидент // *Civil Ge*, 17 октября 2007.

Хотя Россия категорически отвергала свою причастность к этому событию, общественное мнение Грузии считает его продолжением не проясненного ракетного удара в марте 2007 года в верхней части Кодорского ущелья, в котором на не контролируемой Абхазией территории находится прогрузинское правительство Абхазии в изгнании. Грузинские средства массовой информации обвиняют Россию в том, что она таким образом стремится продемонстрировать Западу полное сохранение своего доминирования над соседними территориями, а что становится конкретной мишенью — особого значения не имеет. В то же время высокопоставленные официальные лица России, в том числе представители Министерства иностранных дел, неоднократно заявляли, что Москва хочет видеть Грузию «суверенным, нейтральным и дружественным государством». Российские призывы к нейтралитету Грузии входят в противоречие с проНАТОвскими ам-

бициями Тбилиси, который неоднократно заявлял, что стремление страны присоединиться к евро-атлантическому блоку — приоритет ее внешней политики и не может быть предметом торга.

В контексте двусторонних связей, вероятно, наиболее чувствительным является вопрос о российских военных базах в Грузии. Присутствие российского военного контингента стало одной из важных проблем отношений между Москвой и Тбилиси с тех пор, как Россия согласилась ликвидировать базы на условиях, оговоренных в договоре, заключенном в 1999 году на саммите ОБСЕ в Стамбуле. Однако российское военное присутствие в зонах конфликтов является одной из серьезнейших проблем Грузии, поскольку Россия сохраняет там гораздо большую военную мощь, нежели любая другая иностранная держава, и ни одна из них, имея лишь ограниченные возможности демонстрации силы, даже не пытается бросить вызов России.

Военные базы в Вазиани и Гудауте

Вывод российских военных баз с территории Грузии — требование как ее граждан, так и властей³. На основании соглашения, заключенного 17 ноября 1999 года на саммите ОБСЕ в Стамбуле, которое является частью Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), власти Грузии провели переговоры с РФ о выводе ее военных баз с территории Грузии. В соответствии с этим документом Москва обязалась ликвидировать военные базы в Вазиани и Гудауте. Однако только 6 октября 2006 года Государственная Дума РФ ратифицировала соглашение о транзите российской военной техники и военнослужащих по территории Грузии, в котором оговорены время, порядок вывода и ликвидации российских военных баз в Грузии. Соглашение ратифицировали на основании документов, подписанных Россией и Грузией в марте 2006 года в Сочи.

Период действия соглашения — пять лет, но его можно пролонгировать при отсутствии возражений сторон. В данном документе зафиксировано, что Россия выведет войска из города Ахалкалаки (на юге страны) до 1 октября 2007 года, но срок вывода может быть отложен до декабря в случае возникновения затруднений. Вывод базы из Батуми (на западе Грузии) предусматривалось завершить до конца 2008 года. Кроме того, в ратифицированном соглашении указано, что базы в Батуми и Ахалкалаки будут продолжать свою деятельность в процессе постепенного вывода личного состава и военной техники, а

³ См.: Resolution of the Parliament of Georgia on the Military Bases of the Russian Federation Located on the Territory of Georgia, 10 March 2005 [<http://www.georgiaemb.org/DisplayMedia.asp?id=379>].

также предусмотрено, что транзит военных через Грузию может осуществляться по автомобильным, железным дорогам и воздушным путем. Россия не может перевозить по территории Грузии, включая ее воздушное пространство, ядерное, химическое, биологическое оружие и другие средства массового уничтожения, в том числе их компоненты. Россия также согласилась не размещать на этих двух базах дополнительное оборудование и боеприпасы.

В соглашении оговорена процедура транзита через территорию Грузии военных грузов и личного состава 102-й российской военной базы в Армении. (Военная база в Гюмри, примерно в 120 километрах от столицы Армении Еревана, — часть единой системы противовоздушной обороны СНГ, создана в 1995 г.) База, в составе которой находится 5 000 военнослужащих, подчиняется командованию российской объединенной группировки на Южном Кавказе и оснащена системами противовоздушной обороны С-300, получившими на Западе название SA-10 Grumble («Ворчун»), и истребителями МиГ-29⁴.

Наряду с этим соглашение включало пункт о подготовке Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе и Германией инспекции военной базы в Гудауте, которую, по уверениям России, эвакуировали в июле 2001 года. Обе стороны также согласились искать источники дополнительного финансирования для покрытия расходов по транспортировке техники с двух расположенных в Грузии баз. Что касается ликвидации военных баз в Гудауте и Вазиани, то Россия только частично выполнила обязательства, которые она взяла на себя согласно двустороннему соглашению, подписанному в Стамбуле. Собственно говоря, базу в Вазиани действительно ликвидировали, однако из базы в Гудауте вывезли только вооружение и технику, которые входят в ограничения, указанные в договоре ДОВСЕ, что не устраивает грузинскую сторону.

Военная база в Ахалкалаки

Расположение Ахалкалаки вблизи турецкой границы, на естественном пути из Турции на Южный Кавказ, уже давно сделало этот район стратегически важным. В советские времена база в Ахалкалаки была командным пунктом мощной военной группировки, которая противостояла базам НАТО в Турции, расположенным лишь в нескольких километрах от границы СССР. История российского военного присутствия в Самцхе-Джавахеги восходит к 1828 году, когда царская империя завоевала эту территорию и включила ее в состав Тбилисской губернии⁵. С тех пор присутствие военных баз оказывало (и оказывает) значительное влияние на политическую и экономическую ситуацию в регионе, а лицо его и сегодня во многом определяется существованием этих баз.

И для царской империи, и для Советского Союза наличие этих баз имело огромное значение благодаря военно-стратегической важности данного региона, который в XIX веке был аванпостом России в ее борьбе с Османской империей, а после Второй мировой войны стал зоной, разделявшей противостоявшие в «холодной войне» Советский Союз и НАТО. Этим объясняется особая милитаризация региона, где концентрировались армейские подразделения и части специального назначения, а большинство местного населения было в той или иной мере занято в сфере их обслуживания. Весь регион считался

⁴ См.: Duma Ratifies Agreements on Russian Military Presence in Georgia // RIA Novosti, 6 October 2006.

⁵ После завоевания ее княжеств и районов Грузию разделили на две большие губернии: Тбилисскую, на востоке, и Кутаисскую, на западе. Обе они входили в состав Российской империи.

пограничной зоной, на территорию которой попасть можно было лишь со специальным пропуском. Это был еще один фактор, приводивший к изоляции тамошних жителей от остальной части Грузии.

После развала Советского Союза вопрос о выводе российских военных баз, в том числе из Ахалкалаки, стал делом принципа для властей Грузии и наиболее важным аспектом двусторонних отношений. Для властей и большинства населения Грузии наличие ахалкалакской базы напоминает о периоде российского владычества и служит одним из «крючков», с помощью которого осуществлялось нежелательное российское влияние на Грузию. Ключевым моментом в вопросе вывода этой базы стал упомянутый нами выше саммит ОБСЕ 1999 года в Стамбуле, где Грузия и Россия согласились, что конкретная дата вывода баз должна быть установлена в 2000 году. Однако реальные шаги, направленные на решение этой проблемы, были сделаны лишь в мае 2005 года, когда министры иностранных дел России и Грузии, Сергей Лавров и Саломэ Зурабишвили, приняли совместную декларацию, согласно которой 2008 год был определен как конечный срок вывода. Эта декларация была подкреплена соглашением между министерствами обороны Грузии и России, подписанным 31 марта 2006 года.

Согласно указанному соглашению, российские войска должны покинуть базы в Батуми и в Тбилиси (центральный пункт) в 2008 году, а в Ахалкалаки еще раньше — до 31 декабря 2007-го. Однако по инициативе Москвы первые воинские подразделения РФ покинули место своей дислокации в Ахалкалаки уже в конце 2004 года, а после середины 2006-го вывод войск продолжился в соответствии с согласованным ранее расписанием. В результате уже 27 июня 2007 года Россия формально передала военную базу в Ахалкалаки грузинским властям. Следует отметить, что оставшиеся 150 военнослужащих покинули базу накануне вечером, перед официальной ее передачей. Таким образом, вывод российских войск завершился на несколько месяцев раньше предусмотренного срока (декабрь 2007 г.). По имеющимся данным, Грузии передали 196 зданий на площади 128 гектаров и расположенный рядом военный полигон⁶.

Вывод базы из Ахалкалаки весьма болезненно восприняла армянская часть населения Джавахети, у которой на то были две причины: экономическая и политическая. Кроме военного назначения, у этой базы была и социальная роль, так как она являлась самым важным объектом экономики Ахалкалаки. Согласно различным источникам, от 1 000 до 1 500 местных жителей работали на базе и получали относительно высокую зарплату (по меркам региона). Более того, часть своих денежных средств российские военнослужащие тратили на месте, и обслуживание базы было связано с разного рода экономической деятельностью. Наличие базы также служило гарантией, что регион оставался экономически связанным с Россией, поскольку служащим там платили российскими рублями. В результате этого основной денежной единицей в регионе был рубль. Кроме того, поскольку в 1998 году Россия потребовала, чтобы все сотрудники базы имели российское гражданство, армянская часть местного населения получила его в дополнение к грузинскому. К тому же эту базу использовали для транспортировки недекларируемых грузов в регион и из него, что увеличивало экономическую значимость базы не только для тамошних кланов⁷, тесно связанных с руководством базы, но и для всего местного населения.

Не менее важны и политические мотивы. У местных армянских жителей до сих пор весьма силен страх перед соседней Турцией, так как в их памяти сохранились события

⁶ См.: *Soccor V.* Georgian Flag Raised over Akhalkalaki // *Eurasia Daily Monitor*, 2 July 2007.

⁷ Слабость гражданского сектора в регионе способствовала возникновению местных сетевых кланов, которые, контролируя имеющиеся ресурсы, стали неформальными лидерами в политической, экономической и социальной жизни.

начала XX века. Армяне Джавахети твердо верят, что лишь Россия может защитить их от якобы грозящей им агрессии со стороны Турции. Они убеждены, что как только пограничники РФ покинут грузино-турецкие государственные рубежи, безопасность в данном районе окажется под угрозой. Широко распространено мнение, что на территории бывших российских военных баз будут размещены войска НАТО или военнослужащие Грузии (местное население не доверяет ни тем, ни другим).

В настоящее время грузинские власти разрабатывают программы вовлечения армяноговорящего населения Джавахети в жизнедеятельность всей Грузии. Вывод российских войск из региона не только усилит суверенитет правительства Грузии над этой территорией, но и создаст предпосылки для экономической интеграции ее населения. Чтобы компенсировать урон, нанесенный выводом базы, власти предлагают ряд мер, которые должны обеспечить новые рабочие места для местного населения. Одна из таких инициатив принадлежит Министерству обороны Грузии, в частности, оно обязуется постоянно закупать у населения продовольствие (главным образом картофель) для снабжения военных. Кроме того, существуют специальные планы, согласно которым в Ахалкалаки будут созданы сельскохозяйственные предприятия, что также должно способствовать созданию новых рабочих мест.

Однако, несмотря на эти обещания, население настроено скептически, и в районе происходят акции протеста. Это доказывает, что процесс вывода российских военных баз не пройдет безболезненно, то есть грузинские власти встретятся с серьезными социальными проблемами оставшегося без работы населения.

Военная база в Батуми

С 1991-го по 2005 год Россия блокировала переговоры о выводе баз, пытаясь продлить их дислокацию в Ахалкалаки и Батуми на неограниченный срок. Даже после подписания соглашения в Стамбуле в 1999 году, определившего судьбу баз, Россия хотела отложить вывод войск по крайней мере на 10 лет и требовала сотни миллионов долларов в качестве компенсации расходов на перебазирование личного состава и военной техники в РФ. Однако смена режима в Грузии в 2003 году и восстановление управляемости Аджарией центральным правительством страны резко изменили ход переговоров. Москва поняла, что базу, расположенную в Батуми, в глубоком тылу Грузии, легко изолировать, даже заблокировать, если Россия откажется выполнять свои обязательства по ее ликвидации. Эти соображения, а также потеря реального военного значения этих баз привели к тому, что Кремль согласился на их эвакуацию.

Но все же Россия надеялась сохранить военное присутствие в Батуми и переименовать базу в «антитеррористический центр». Еще в 2004 году грузинские власти, стремясь возобновить заблокированные переговоры и дать Москве возможность «сохранить лицо» при выводе своих частей, выдвинули идею о создании подобного центра. Тбилиси рассматривал вероятность создания расположенного не на территории действующей военной базы общего грузино-российского аналитического антитеррористического центра под контролем Грузии (разумеется, после вывода военнослужащих РФ), в состав которого планировалось включить несколько десятков российских офицеров (без солдат и вооружения). Правда, в переговорах использовались неопределенные формулировки относительно того, что условия создания такого центра необходимо «определить отдельным документом», а обе стороны обязуются в «возможно ближайший период» заключить пакт, регулирующий вопросы, связанные с общими границами.

Власти РФ, пытавшиеся создать основу для общественного признания вывода своих баз, приуменьшали их стратегическое значение. «Это вообще не базы, а просто места, где

всегда располагались советские солдаты. Они не представляют никакого интереса с точки зрения безопасности России — таково мнение Российского генерального штаба», — отметил президент Владимир Путин на встрече с редакцией газеты «Комсомольская правда» 23 мая 2006 года⁸.

Однако наблюдатели и политики Тбилиси опасались, что в договоре существуют некоторые лазейки, позволяющие России сохранить свое военное присутствие в Грузии, поэтому общественное мнение относилось к проекту с подозрением. При нынешних напряженных отношениях между двумя странами кажется, что ни грузинская, ни российская сторона даже теоретически не рассматривают вопрос об образовании такого центра в Батуми или где-либо еще. Однако в заявлении, сделанном Россией 21 ноября 2007 года, отмечается, что Грузия не выполняет договоренность о начале переговоров относительно создания общего антитеррористического центра на месте бывшей российской военной базы в Батуми. Министерство иностранных дел РФ утверждает, что Москва уже выполнила свои обязательства, указанные в соглашении, но Грузия тем не менее продолжает сохранять недружественную позицию⁹.

Что касается 12-й российской базы в Батуми, то самым неприятным за последние годы было то, что военные учения проводились там на полигонах, находящихся во временном пользовании России (несмотря на неоднократный запрет грузинской стороны). Более того, воинские части, расположенные на этой батумской базе, проводили учения на военном полигоне Гонио с использованием тяжелого вооружения и техники. Принимая во внимание, что этот регион представляет собой зону туристического бизнеса, следует признать, что подобные действия нанесли существенный ущерб не только экосистеме, но и экономике Грузии. Кроме того, командование Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ) вообще игнорировало грузинское законодательство, даже не пыталось адекватно реагировать на проявление доброй воли Тбилиси. Как это ни печально, но в последние годы власти РФ предпочитали придерживаться в этом вопросе неконструктивной позиции.

И все же 13 ноября 2007 года процесс эвакуации 12-й российской военной базы в Батуми был завершен, и ее официально передали Грузии до запланированного срока. Документ о передаче базы подписали первый заместитель министра обороны Грузии Бата Кутелиа и командующий Группой российских войск в Закавказье Андрей Попов. «Все здания, занятые ранее российскими военными, переданы грузинским воинским частям, а сейчас идет процесс вывода оставшегося оборудования, военнослужащих и штаба части, который закончится в течение нескольких дней», — сказал Б. Кутелиа корреспонденту Грузинского общественного телевидения.

Подтверждая этот факт, Российское информационное агентство РИА «Новости» сообщило: «Россия завершила вывод военного персонала и оборудования с сохранившейся с советских времен базы в Батуми. Командующий батумской базой, командующий российским военным контингентом на Южном Кавказе вместе с 150 военнослужащими и их семьями находятся в поезде, на котором также перевозится 200 т оборудования»¹⁰. Следует отметить, что в соответствии с соглашением, достигнутым Грузией и Россией в 2005 году, предполагалось, что процесс вывода этой базы закончится в 2008 году.

Вывод базы из Батуми означает, что в Грузии не осталось воинских частей, кроме миротворцев, дислоцированных в отделившихся регионах Абхазии и Южной Осетии.

⁸ Комсомольская правда, 23 мая 2006.

⁹ См.: Москва напоминает Тбилиси об обещании создать совместный антитеррористический центр // Civil Ge, 21 ноября 2007.

¹⁰ Российский военный эшелон покинул территорию Грузии // РИА «Новости», 15 ноября 2007.

тии. В Тбилиси положительно оценили завершение вывода российской 12-й военной базы из Батуми и выразили надежду, что скоро российских войск не будет и в зонах конфликтов на территории страны. «Это очень большая победа нашей страны, нашей дипломатии, совместной работы всех наших структур. И я надеюсь, что такими же темпами нам удастся вывести остальные российские воинские части со всей территории страны, в том числе из Абхазии, которые и сегодня создают стране большие проблемы. Я надеюсь, что скоро российские военные покинут всю территорию Грузии», — отметил Гиви Таргамадзе, председатель Комитета по обороне и безопасности грузинского парламента¹¹.

Представители правительства Грузии заявили, что вывод российских войск окажет существенное влияние на экономику региона, в связи с чем местному населению было обещано построить новые дороги, оказывать социальную поддержку и заключить контракты на закупку сельскохозяйственной продукции. Однако нерешенными остаются вопросы, связанные с трудоустройством людей, занимавших воинские должности на базе в Батуми. Грузинские власти объявили, что грузинские военные, занятые ранее на российских базах, будут иметь возможность служить в вооруженных силах Грузии. Официальные власти надеются, что развитие туризма в Аджарии поможет смягчить экономические потери, нанесенные выводом российских войск. Они считают, что основным направлением экономических преобразований должны стать приватизация и акцент на развитие туризма. Однако некоторые бывшие сотрудники базы скептически относятся к тому, что туристический бизнес позволит им компенсировать потери, связанные с ее ликвидацией.

Миротворческие силы СНГ и база в Гудауте

Наряду с базами в Батуми и Ахалкалаки проблема российской военной базы в Гудауте, расположенной в отделившемся от Грузии районе Абхазии, вызывает серьезные споры. Эта база всегда была важным фактором в абхазском конфликте. Тбилиси и многие независимые западные наблюдатели считают, что из базы в Гудауте оказывалась боевая поддержка абхазским сепаратистам во время войны 1992—1993 годов. На саммите ОБСЕ в Стамбуле в 1999 году Россия согласилась закрыть эту базу и вывезти из Гудауты войска и военную технику. Москва ныне утверждает, что, согласно условиям договора 1999 года, заключенного в Стамбуле, военное снаряжение уже полностью вывезено и в настоящее время базу используют российские миротворцы, размещенные в зоне абхазского конфликта по решению Содружества Независимых Государств. Однако грузинские власти сомневаются в достоверности этого утверждения и настаивают на международной инспекции данной базы, причем обязательно с участием отечественных экспертов.

Несмотря на то что российская сторона объявила базу ликвидированной, Апсны-пресс приводит слова генерал-майора Сергея Чабана, командующего российскими миротворческими силами, о том, что в настоящее время на базе осталось четыре вертолета и 130 военнослужащих РФ¹². Это означает, что база ликвидирована не полностью, о чем Грузия повторно заявляла на заседании Совместной консультативной группы в Вене,

¹¹ Скоро российские военные покинут всю территорию Грузии, надеется глава Комитета по обороне и безопасности грузинского парламента [<http://www.regnum.ru/news/914125.html>], 29 февраля 2008.

¹² См.: В Абхазию прибудет делегация ПА НАТО // Civil Ge, 20 апреля 2006.

добавив, что это мнение разделяет большинство входящих в ОБСЕ стран. Россия сохраняет базу в Гудауте и блокирует ее инспектирование ОБСЕ, хотя такие инспекции предусмотрены в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе. РФ требует, чтобы Грузия гарантировала безопасность международной миссии наблюдателей, хотя обе стороны прекрасно понимают, что Тбилиси не может взять на себя такую ответственность на территории, которая находится вне его контроля. Грузинские официальные лица полагают, что Россия использует данный фактор для максимально возможного затягивания этого процесса.

А пока Тбилиси старается прекратить действие мандата российских миротворцев. После того как миротворцы 30 октября 2007 года задержали и избili пятерых офицеров грузинской полиции, Тбилиси намерен добиваться вывода российских миротворцев из отделившейся Абхазии. Власти утверждают, что этот инцидент делает настоятельно необходимым изменить формат миротворческих сил. В заявлении от 31 октября Министерство иностранных дел Грузии обвиняет миротворцев РФ в том, что они на БТРах блокировали молодежный лагерь в селении Ганмухури (регион Самегрело) и захватили грузинских офицеров, охранявших лагерь. Согласно заявлению внешнеполитического ведомства, офицеры специального подразделения Министерства внутренних дел Грузии остановили российских миротворцев, и конфликт прекратился лишь после того, как на место события прибыл президент страны М. Саакашвили. Отвечая на требование Тбилиси сместить с занимаемого поста командующего миротворческими силами Сергея Чабана, российский представитель А. Бурутин сказал, что тот был назначен на эту должность Советом глав государств СНГ, в связи с чем вопрос должны решать совместно министры обороны и иностранных дел государств Содружества.

Как следствие того, что Тбилиси обвинил Москву в наращивании ее военного присутствия в зоне конфликта, грузинские политики предостерегли Россию от формального признания независимости Абхазии. Государственный министр Грузии по разрешению конфликтов Давит Бакрадзе сообщил 12 ноября, что РФ ввела в зону конфликта пять танков, пять ракетных пусковых установок, пять БТР, семь гаубиц и к тому же дополнительно 200 военнослужащих. Больше того, 14 ноября президент М. Саакашвили заявил, что у грузинской стороны имеются «документальные свидетельства», подтверждающие присутствие дополнительного российского вооружения и военнослужащих в Очамчире, на территории отделившейся Абхазии¹³.

Признание Абхазии Россией будет означать объявление войны Грузии, и «мы примем этот вызов», сказал 13 ноября Гиви Таргамадзе, председатель Комитета по обороне и безопасности грузинского парламента. Комментируя эти события, Мэтью Брайза, помощник заместителя госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии, отметил, что его правительство уже обращалось к российским властям по этому поводу. «Такие действия будут резко противоречить статусу России как посредника», — добавил он, а также осудил некоторые заявления, «исходящие из других государств», явно имея в виду российских официальных лиц (в частности, недавно мэр Москвы Юрий Лужков призывал признать независимость Абхазии), и охарактеризовал такое признание Абхазии как «безрассудное, опасное и ненужное».

В ответ на это Министерство иностранных дел РФ в заявлении, сделанном 21 ноября 2007 года, отметило, что хотя российские войска выведены из баз в Грузии, военнослужащие России остаются как миротворцы в конфликтных зонах Абхазии и Южной Осетии.

По мнению внешнеполитического ведомства РФ, миротворцы остаются «главной преградой для тех, кто под прикрытием миролюбивой риторики продолжает готовить во-

¹³ Общественное грузинское телевидение, 14 ноября 2007.

енные авантюры в Абхазии и Южной Осетии»¹⁴. Министерство иностранных дел России также подвергло критике выдвижение Грузией необоснованных обвинений против Москвы, что, по мнению российского МИДа, уже стало неотъемлемой частью политики официального Тбилиси. В Министерстве полагают, что цель такой тактики — скрыть неконструктивную позицию Грузии в двусторонних отношениях. При этом власти РФ отрицают высказанные ранее Грузией обвинения в том, что Москва создает военную базу в Абхазии.

З а к л ю ч е н и е

Новое грузинское государство и его лидеры встретились с множеством препятствий, свидетельствующих, что вывод российских баз из Грузии будет действительно затруднен, особенно из зон конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Эти два замороженных нерешенных территориальных локальных конфликта — следствие распада Советского Союза и представляют собой наиболее серьезные проблемы для Тбилиси. Совершенно ясно, что он намерен разрешить эти проблемы демократическим, европейским путем с учетом политических интересов обоих регионов, гарантируя права их граждан и целостность грузинского государства. Таким образом, важнейший приоритет Грузии — мирное разрешение этих конфликтов и восстановление действия Конституции на всей территории страны. При этом необходимо вести диалог с местным населением, с его фактическими лидерами, а также используя беспристрастное посредничество международного сообщества.

Хотя грузинские власти обещают установить «очень хорошие» отношения с Россией, несмотря на то что некоторые представители российского политического и военного официоза считают, что проект построения грузинского государства противоречит национальным интересам России, Москва намерена восстановить свою гегемонию и активно, но осторожно пытается доминировать в регионе, в том числе старается сохранить влияние в Грузии, поскольку ее волнует безопасность южных границ РФ и потенциальная возможность альянса между Турцией и государствами Южного Кавказа. Быстрое продвижение НАТО и других западных структур в регионы, которые Россия считала своим «задним двором», она рассматривает как угрозу. К тому же Кремль не способствует, наоборот, срывает все попытки найти мирное решение территориальных конфликтов. (РФ незаконно снабжает своими паспортами жителей отделившихся районов, а российские высокопоставленные лица работают в правительстве Абхазии; к тому же лидера Абхазии недавно пригласили на совещание российских губернаторов.) Таким образом, в последние несколько лет политика России в регионе заставляет сомневаться, что разрешение конфликтов в Грузии является для Кремля приоритетом.

При этом общая ситуация с российскими военными базами в Грузии улучшается. Москва почти полностью выполнила свои обязательства, данные на саммите ОБСЕ 1999 года в Стамбуле по выводу военных баз из Грузии, за исключением достижения согласия с ней о статусе или выводе российских войск из базы в Гудауте. Однако решение РФ приостановить свое участие в ДОВСЕ может повлиять на почти завершившийся процесс вывода российских баз из Грузии, в частности из Гудауты. Российские официальные лица заявляют, что приостановление участия Москвы в Договоре означает, что она прекратит предоставлять информацию о своих тяжелых вооружениях и не разрешит их инспектировать. Кроме того, Москва провозглашает, что будет сама решать, где и сколько танков

¹⁴ Минобороны РФ опровергает информацию о строительстве базы в Абхазии // РИА «Новости», 11 июня 2007.

или самолетов ей надо размещать, что вызывает серьезную озабоченность международной общественности.

Между тем Тбилиси в одностороннем порядке приостанавливает действие мандата российских миротворцев в Грузии. Хотя точная дата их вывода не объявлена, представители Государственной канцелярии президента Грузии заявили, что в ближайшем будущем эту дату обнародуют. Создается впечатление, что грузинские власти наконец решили избавиться от российских миротворцев. В годы правления Эдуарда Шеварднадзе парламент страны однажды приостанавливал действие мандата этих миротворцев, однако Э. Шеварднадзе наложил вето на это решение. С тех пор многое изменилось, и в 2006 году грузинский парламент вернулся к вопросу о российских миротворцах, однако так и не установил дату окончания действия мандата. На сей раз решение властей выглядит как окончательное, и вряд ли оно будет пересмотрено.

Наряду с этим парламент страны обсуждает вопрос, кто заменит российских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта. Наиболее вероятно, что это будут международные силы по поддержанию мира, однако какие страны примут в них участие, пока не определено. Насколько последовательны в этом вопросе окажутся грузинские власти, зависит от того, как будут развиваться события и как отреагирует Москва. Если она не прекратит наращивать конфронтацию, то весьма реально, что процесс вывода российских миротворцев примет нежелательный оборот.

Отсюда следует, что ситуация на Кавказе весьма серьезна, в регионе возникают новые вызовы и новые варианты их разрешения. Стоящие перед Тбилиси проблемы во многом определяются тем, что Москва еще не решила, каковы должны быть ее приоритеты на постсоветском пространстве. Вывод российских войск, безусловно, отвечает интересам Грузии, процесс же реализации упомянутого выше соглашения о планируемом антитеррористическом центре и его юридическом статусе связан с определенным риском. Тбилиси никогда не даст согласия на создание такого центра, даже если при этом не будет нарушен суверенитет Грузии, а ее желание присоединиться к НАТО — еще один фактор, влияющий на позицию республики в вопросе вывода войск. Так, некоторые грузинские эксперты считают, что вопрос о вступлении Грузии в НАТО Брюссель не будет серьезно рассматривать до тех пор, пока российские войска не покинут страну¹⁵.

Несмотря на все сказанное выше, Грузии необходимо последовательно подходить к решению назревших проблем, связанных с продвижением по пути развития демократии. Для того чтобы помочь Тбилиси, международное сообщество должно иметь в виду следующее:

- За весьма короткий срок Грузии удалось кардинальные перемены, направленные на развитие демократии. Несмотря на существующие проблемы, курс страны на укрепление демократии и интеграцию в НАТО совершенно очевиден. Россия должна признать, что интегрированная в западное сообщество Грузия не представит ей никакой угрозы. Напротив, в таком случае Тбилиси стал бы источником региональной безопасности и стабильности.
- Вступление Грузии в НАТО не будет представлять опасности для России, скорее, даже приведет к стабилизации двусторонних связей, как это было у Москвы со странами Балтии. Более того, необходимо убедить Россию в том, что движение Грузии к демократии и упрочению связей с Западом необратимо.
- Москва может сделать значительно больше для нормализации отношений. Она все еще сохраняет некоторые санкции в отношении Грузии в сфере экономики и

¹⁵ См.: *Ralchev P. Georgia's Russian Hurdles. Negotiating Russian Troops Withdrawal from Georgia.* Institute for Regional and International Studies, 2005 [<http://www.iris-bg.org/f/plamen.pdf>].

транспортировки продукции. Более того, РФ продолжает поддерживать сепаратистские режимы Южной Осетии и Абхазии. Все это ставит под сомнение заявленное Россией признание территориальной целостности Грузии. РФ должна играть более конструктивную роль и использовать свое влияние на сепаратистов для достижения мирного решения конфликтов в Грузии.

- Объединенные миротворческие силы действуют на основании подписанного в Сочи соглашения, но его рамки недостаточны для обеспечения длительного мира. Без существенных изменений формата, которым определяются действия миротворцев, трудно представить, как стороны конфликтов смогут прийти к согласованному решению. Многие считают, что пришло время расширить этот процесс.
- Из-за неконструктивной позиции Москвы до сих пор невозможно было провести инспекцию базы в Гудауте, которая подтвердила бы ее закрытие. Но одноразовой инспекции этой базы недостаточно, чтобы доказать факт ее ликвидации, следует принять специальные меры, которые гарантировали бы прозрачность дальнейшего использования военного потенциала этой базы.
- Хотя ныне неизвестно, найдет ли Тбилиси наилучший выход из сложившегося положения, ясно, что роль Грузии в регионе и ее отношения как с Россией, так и с Западом входят в новую, решающую фазу. Другими словами, для Грузии наступил момент, когда на кон поставлена ее судьба — сохранится ли территориальная целостность государства.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ НАТО: РОЛЬ КАЗАХСТАНА

Тимур ШАЙМЕРГЕНОВ

*сотрудник Секретариата Мажилиса Парламента
Республики Казахстан
(Астана, Казахстан)*

С 1990-х годов — в основном в силу своего геостратегического и геоэкономического потенциала — Центральная Азия уверенно выходит на авансцену мировой геополитики. В фокусе ос-

новных приоритетов представлены политическое влияние, экономические интересы, доступ к значительному ресурсному потенциалу, продвижение религиозных, а также национальных идей и безопасность

(в разных ее аспектах). Центральная Азия имеет выгодное географическое положение: во-первых, между влиятельными геополитическими силами, во-вторых, между мощными индустриальными центрами и крупными рынками сбыта Европы и Азии. В этой связи вопросы безопасности и стабильного развития региона — важные условия реализации тех или иных интересов, при этом создание системы региональной безопасности в ЦА сталкивалось и сталкивается с определенными трудностями.

В настоящее время региональная система безопасности многоуровневая, но довольно неопределенная, а относительная стабильность поддерживается за счет двусторонних военно-политических соглашений между странами ЦА и внешними центрами силы, а также деятельности ряда международных организаций. Но активизация работы транснациональных структур безопасности, основанных на разных идеологических платформах, в оп-

ределенной степени способствует росту латентной напряженности геополитической ситуации в ЦА и усилению конкуренции между крупными геополитическими «игроками». При этом такие динамично развивающиеся интеграционные объединения военно-политического характера, как ОДКБ, ШОС и НАТО, выступают основными инструментами данной региональной конкуренции.

Необходимо отметить, что активность первых двух организаций обусловлена историко-географическими факторами; в свою очередь, присутствие НАТО в регионе объективно имеет долговременный характер. Поэтому в отдаленной перспективе влияние Североатлантического альянса на региональные процессы неизбежно, а эффективность коллективной безопасности в Центральной Азии во многом зависит от формата отношений ее государств с НАТО, а также от взаимодействия Альянса как с Россией и Китаем, так и с ОДКБ и ШОС.

Тенденции развития Североатлантического альянса

Динамика развития в сфере международной безопасности остро ставит вопрос об эффективности транснациональных структур, ответственных за поддержание безопасности в мире коллективными методами. В этой связи уже свыше 15 лет НАТО системно изменяет механизмы работы организации, ее подходы и инструменты в обеспечении безопасности евро-атлантической зоны. Уже многие годы Альянс проводит большую работу по определению и обоснованию своих миссий, выходящих за пределы функций, обозначенных в стратегических документах НАТО. При этом главное внимание уделяется переориентации на решение новых задач — это борьба с терроризмом; противодействие международному распространению ОМУ; урегулирование кризисных ситуаций; миротворчество и развитие диалога со странами, не входящими в организацию, предусматривающие соответствующее изменение военных приготовлений; обеспечение высокого уровня оперативности ВС, что в целом ведет к трансформации НАТО в инструмент силового обеспечения глобализации или в силовой каркас нового мирового порядка¹.

Альянс не только концептуально изменяет свою систему коллективной безопасности и активно расширяет состав участников блока, но и широко использует новые стра-

¹ См.: Штоль В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2004.

тегические наработки в своей практике. На нынешнем этапе НАТО претендует на центральную роль в укреплении архитектуры международной безопасности, но для полного утверждения в этой роли должна измениться сама организация и ее стратегия. Глобализация Альянса проявляется в постепенном его расширении путем принятия новых членов, преимущественно государств Восточной и Центральной Европы, а также Балтии. В политической науке этот процесс назван «Расширение НАТО на восток». Следующий аспект глобализации НАТО — выход за пределы традиционной зоны ответственности, что в целом обусловлено резким рецидивом таких современных угроз безопасности транснационального характера, как международный терроризм, опасность, исходящая от несостоявшихся стран, и распространение оружия массового уничтожения. Поэтому евроцентризм, традиционный для Североатлантического альянса, утратил свою актуальность.

Как полагают эксперты США, «превращение Североатлантического союза в глобальную организацию прошло незамеченным»². Однако справедливости ради следует отметить, что так называемая «глобализация НАТО» претерпела сложный процесс эволюции, обусловленный как чередой внутренних кризисов и противоречий государств-членов, так и рядом военных конфликтов с участием вооруженных сил Альянса, в частности в Югославии (1999 г.), в Афганистане (2001 г.) и в Ираке (2003 г.). Этот опыт создал мировой прецедент проведения операций по принуждению к миру или гуманитарных интервенций вне юрисдикции ООН, а также придал НАТО способность «проецировать» военную силу за пределы собственной традиционной зоны ответственности.

Американские аналитики обосновывают расширение сферы деятельности Альянса новой политической ситуацией, сложившейся в мире после «холодной войны». По их мнению, «сегодня террористы, взращенные, к примеру, в Эр-Рияде и обученные в Кандагаре, способны где-нибудь в Гамбурге планировать смертоносные атаки на Нью-Йорк. Происходящее в определенном месте может оказать влияние на безопасность, благополучие, жизнь и здоровье людей в любой точке планеты. Альянс пришел к выводу, что лучший, а при определенных условиях и единственный способ защиты от угроз из отдаленных регионов мира — это обезвредить сам источник»³. Российские же эксперты отмечают, что «идея о выходе за пределы традиционной зоны ответственности является лишь предлогом необходимости учета «глобального контекста» при обеспечении безопасности стран-участниц»⁴.

Следует отметить, что НАТО разрабатывает стратегические планы по охвату как можно большего количества государств и их подключению к геополитике Запада. Несмотря на имеющиеся тактические, а порой даже стратегические разночтения и разногласия между основными участниками Альянса, он продолжает наращивать свое геополитическое присутствие в разных частях планеты⁵.

На ноябрьском саммите 2006 года в Риге страны НАТО договорились углублять взаимодействие с государствами-партнерами, не входящими в трансатлантическое сообщество: Австралией, Новой Зеландией, Индией, Бразилией и Японией, со странами Ближнего Востока и Персидского залива. В свете необходимости сформировать всесторонний подход к безопасности запланировано «более тесное сотрудничество с другими

² Daalder I., Goldgeier J. Global NATO // Foreign Affairs, September/October 2006, No. 5.

³ Ibidem.

⁴ Алексеев А.П. НАТО на путях трансформации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2003, Вып. 9. С. 2.

⁵ См.: Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. II. Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. С. 147.

международными игроками: ООН, ЕС, «Большой восьмеркой» и Всемирным банком, а также с неправительственными организациями»⁶.

Приоритетным регионом для НАТО является Средиземноморье и Ближний Восток. Основа активизации Альянса в этом регионе — Стамбульская инициатива по сотрудничеству, выдвинутая в 2004 году на встрече в верхах НАТО в Турции. Этот документ дает заинтересованным государствам «Большого Ближнего Востока» возможность взаимодействовать с Альянсом на двусторонней основе, начиная от отдельных членов Совета сотрудничества стран Персидского залива.

За последние годы НАТО успешно создала институциональные механизмы партнерства с государствами Кавказа и сегодня действует в их рамках. Отношения с этими странами строятся индивидуально и параллельно; отсюда следует, что Альянсу предстоит решить сложную задачу: в рамках своих программ наладить сотрудничество Армении и Азербайджана, Армении и Турции. Как признают в НАТО, среди кавказских государств наиболее активно и последовательно движется в сторону Альянса Грузия. В свою очередь, ни Армения, ни Азербайджан пока не ставят вопрос о своем вступлении в НАТО. Политика в Закавказье объясняется самим Альянсом в категориях «распространения стабильности». Но сейчас НАТО лишь «пробует» себя в роли одной из стабилизирующих сил в регионе и не дает втянуть себя в зоны конфликтов⁷.

Учитывая особое стратегическое значение ЦА для геостратегии НАТО, Брюссель поддерживает связи Альянса со странами региона на высшем уровне. Исходя из этого, организация будет поступательно укреплять свое присутствие в этом регионе⁸. В Центральной Азии высока активность США и ЕС по закреплению западного военного присутствия, чему служат многочисленные программы и соглашения как на двустороннем, так и многостороннем уровнях, нацеленные на привязку государств региона к политике НАТО. Сотрудничество между странами Центральной Азии и Североатлантическим союзом имеет уже достаточно длительную историю. Однако усиление позиций России и Китая посредством ШОС, вынужденная эвакуация американских сил из Узбекистана, а также нынешние противоречия США с руководством Кыргызстана вносят изменения в военно-политическую конфигурацию с участием НАТО в ЦА.

Специфика дипломатии Альянса в регионе

Очевидно, что динамично глобализирующийся Альянс пытается усилить контроль над региональными процессами путем интеграции республик ЦА в систему коллективной безопасности Североатлантического договора. При этом, исходя из интересов Запада, в частности США, можно выделить некоторые стратегические задачи НАТО в регионе.

- **Во-первых**, Альянс стремится закрепить свои позиции непосредственно в ЦА, чтобы иметь доступ к энергоресурсам ее стран и контролировать их транспортно-транзитный потенциал, а также «раздражающе» воздействовать на Россию и

⁶ Ван ден Аккер Р., Рюле М. Саммит НАТО в Риге: большой контекст // Россия в глобальной политике, март — апрель 2007.

⁷ См.: Нуриша А. Стратегия НАТО на Кавказе и в Афганистане: состояние и перспективы, 10 июля 2007 года [www.kisi.kz]

⁸ См.: Лаумулин М. НАТО в Центральной Азии // Континент, 24 сентября — 7 октября 2003, № 18 (105).

Китай непосредственно у их границ и в зоне их естественных интересов. Это позволит как минимум оказывать серьезную поддержку реализации экономических проектов, отвлекать внимание двух крупных конкурентов от своих действий в глобальном измерении, а как максимум — в определенной мере контролировать ситуацию в сфере безопасности, противодействовать транснациональным угрозам евро-атлантическому региону, исходящим из Центральной Азии и Афганистана, а также влиять на курс государств региона в свою пользу. При этом Афганистан (наряду с обозначенными выше составляющими центрально-азиатской политики НАТО) играет важнейшую роль в общей военно-политической стратегии Альянса. Причинами этого выступает то, что афганская кампания — первый опыт военной операции НАТО согласно кооперативной концепции «проецирования» безопасности на источник угрозы, расположенный вне евро-атлантической зоны. Кроме того, Афганистан стал первой реальной пробой сил НАТО на поле практического опыта миротворческой и антикризисной операции в соответствии с произведенными преобразованиями Альянса. Наконец, Афганистан, ситуация в нем и вокруг него выступают в качестве главной мотивации и обоснования не только военного присутствия сил НАТО в Центральной Азии, но и как такового легитимного выхода за пределы европейской зоны в целом.

- **Во-вторых**, присутствие вооруженных сил НАТО в Центральной Азии — своего рода опорная база для контроля над соседствующими с регионом странами, представляющими определенную опасность для Запада и его интересов. Альянс поступательно воплощает в жизнь долгосрочный проект США по геополитическому охвату Ирана, дискуссии о военном ударе по которому идут уже не один год. Проникновение ВС НАТО и Соединенных Штатов на территорию постсоветского пространства и в Афганистан создало весьма неблагоприятную геостратегическую конфигурацию вокруг Ирана, так как базы Альянса в ЦА и в государствах-партнерах Кавказа (Грузия и Азербайджан) фактически замкнули кольцо окружения иранской территории: на севере — базы в Кыргызстане и Таджикистане; на северо-западе — проНАТОвские Азербайджан и Грузия; на западе — проамериканские Саудовская Аравия и Израиль, член Альянса Турция и военные контингенты США в оккупированном Ираке; на востоке — базы в Афганистане и прозападно настроенный Пакистан; на юге же кольцо иранского окружения замыкают прозападные Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты и Оман. В этой связи можно высказать мнение, что необходимый фундамент для атаки США на Иран (при вероятной поддержке НАТО) создан. Скорее всего, Вашингтон тщательно спланировал антииранский геополитический проект и за шесть лет антитеррористической операции, начавшейся в 2001 году, взял Иран в «в скобки»⁹.

Альянс играет более масштабную роль в замыслах Запада, нежели кажется на первый взгляд. В целом военная опора НАТО в регионе имеет двудейную задачу: с одной стороны, оказывать сдерживающее влияние на РФ, КНР и ИРИ, с другой — идеологически воздействовать на своих региональных партнеров. Тем самым Альянс настойчиво реализует амбициозные планы, заключающиеся в том, чтобы стать ключевым геополитическим и военным «оператором» в Центральной Азии, а для реализации данных стратегических инициатив уже создал определенную основу.

⁹ См.: Джемаль Г. Двойной охват // Профиль, 24 сентября 2007, № 35. С. 24—25.

- *Во-первых*, у НАТО налажен механизм сотрудничества через программу «Партнерство ради мира» (ПРМ) и Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП);
- *во-вторых*, существует договорно-правовая база отношений данной структуры и стран ЦА;
- *в-третьих*, налажено военно-политическое взаимодействие и проводятся военные учения;
- *в-четвертых*, ВС НАТО дислоцируются в Кыргызстане, Таджикистане, а также в Афганистане, в котором руководство Альянса проводит международную миротворческую операцию.

В реализации своей стратегии в регионе НАТО избрала тактику дистанцирования и фрагментирования. Ее преимущество заключается в том, что сегодня Альянс предпочитает двусторонний формат отношений с государствами региона. В этой связи отпадает необходимость налаживать контакты с конкурирующими структурами региональной безопасности, прежде всего с ОДКБ и ШОС, и, соответственно, снижаются возможности контроля над развитием отношений НАТО — ЦА со стороны России и Китая.

При этом, по всей видимости, двусторонний формат дипломатии Альянса преследует цель четкой фрагментации ЦА посредством выявления и особой поддержки регионального «лидера» с проНАТОвской или прозападной ориентацией и его противопоставления странам региона с пророссийскими внешнеполитическими приоритетами¹⁰. К тому же, исходя из поставленных задач, на двустороннем уровне легче оказывать необходимое политико-идеологическое воздействие на то или иное государство региона.

Прогрессирующая политизация Альянса не могла не отразиться и на его отношениях со странами ЦА. В частности, в целях укрепления политического диалога с государствами региона еще в 2004 году в НАТО учредили пост специального представителя Генерального секретаря в странах ЦА и Кавказа. Отметим, что действующий спецпредставитель Р. Симмонс проявляет значительную дипломатическую активность, стремясь поддерживать непрерывные связи с правительствами государств региона путем регулярных визитов, переговоров и консультаций.

Кроме того, двусторонняя дипломатия предоставляет НАТО возможность использовать эффективный принцип «разделяй и властвуй» посредством манипуляции противоречиями и латентной конкуренции между государствами ЦА, которая проявляется между Таджикистаном и Узбекистаном, отчасти — между Кыргызстаном и Узбекистаном и т.д.

При этом позиции Альянса в регионе укрепляют и различные инвестиционно-экономические программы международных финансовых институтов для развития стран ЦА, испытывающих определенные финансово-экономические трудности. Сказанное в той или иной мере относится к большинству государств региона — в настоящее время это применимо к Кыргызстану и Таджикистану, а Узбекистан перестал получать подобную финансовую «подпитку» после вывода ВС Соединенных Штатов и НАТО с территории республики, Казахстан же фактически устранился от участия в данных программах по причине динамичного экономического роста. К тому же и сам Альянс оказывал (и продолжает оказывать) негласную поддержку западным корпорациям, работающим в государствах ЦА.

А с учетом наличия в регионе больших запасов энергоресурсов НАТО (наряду с военно-стратегическими интересами) косвенно поддерживает и реализацию энергетических интересов Запада. Сегодня этот тезис все больше подтверждается предложениями создать «Энергетический альянс» путем добавления НАТО функций по обеспечению беспере-

¹⁰ См.: Устименко А. Центральная Азия и НАТО: стратегические тенденции развития отношений // Analytic, 2004, № 5. С. 24.

ребойных поставок энергоресурсов в его страны-члены. Однако сейчас еще не совсем ясно, каким образом это будет реализовано.

По замыслам стратегов НАТО, создание определенной системы двусторонних отношений на основе нормативно-правовых актов, учитывающих преференции и обязательства, позволит ограничить место для внешнеполитических маневров государств региона. Этому способствуют и программы сотрудничества, позволяющие увеличить зависимость стран региона от Альянса (ПРМ, Планы действий индивидуального партнерства, «Виртуальный шелковый путь» и т.п.)¹¹.

Объективности ради следует также признать, что военное присутствие и активная политическая деятельность НАТО в регионе оказывают воздействие на архитектуру безопасности в Центральной Азии: с одной стороны, содействуют повышению региональной стабильности и укреплению обороноспособности отдельных государств региона, с другой — способствуют росту конкуренции между основными центрами силы, дисбалансу, а в итоге — дезинтеграции системы региональной безопасности, контуры которой лишь вырисовываются.

В то же время усиление НАТО может означать и возможность раскола или фрагментирования региона на проНАТОвскую и антиНАТОвскую группы стран. При этом за обеими группами, естественно, будут стоять крупные державы. Вполне очевидно, что данный сценарий уже реализуется, но в несколько неожиданном для США, России и Китая формате, характеризующемся неопределенностью ситуации. Возможно, это связано с тем, что фактически ни одно государство региона (кроме Узбекистана) открыто не вступило в тот или иной военно-политический лагерь. Напротив, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют дружественный курс во взаимодействии как с РФ, КНР, ШОС и ОДКБ, так и с США, Западной Европой и НАТО.

Однако подобная политика имеет у каждой страны региона свою специфику: Казахстан официально закрепил двуединый военно-политический курс сотрудничества с Россией и Альянсом; Кыргызстан продолжает сдавать в аренду часть своей военной инфраструктуры, но при этом демонстративно активизировал сближение с ОДКБ и ШОС; Таджикистан, не выходя из орбиты влияния России, осуществляет определенные шаги к взаимодействию с НАТО, что в большей степени направлено в противовес региональному конкуренту — Узбекистану. Туркменистан продолжает политику равноудаленности от всех центров силы, переводя сотрудничество исключительно в экономическую плоскость.

Вероятно, такая тактика государств региона и не дает возможности двум геополитическим группам зафиксировать те или иные механизмы воздействия на объекты своих стратегий. Это также позволяет странам ЦА маневрировать между данными группами, играя на их конкуренции и интересах, что получается отнюдь не у всех.

Нынешняя трансформация региональной геополитической конструкции в пользу России и Китая ставит НАТО перед необходимостью или искать новых союзников в регионе, или же углублять взаимодействие со старыми партнерами. Но ситуация в ЦА способствует сужению возможностей Альянса для масштабных политических маневров или серьезного прорыва в укреплении своих региональных позиций.

В этой связи думается, что использование в дипломатии НАТО лишь двустороннего формата отношений служит существенным *сдерживающим фактором* усиления Альянса в регионе. Это связано прежде всего с тем, что дистанцирование НАТО от сотрудничества с ШОС и ОДКБ ведет к отсутствию контроля и минимальных возможностей влияния Запада на процессы в этих организациях. И если с РФ у НАТО налажены некие механизмы взаимодействия, минимальный обмен информацией, консультации и т.д., то с КНР, которая имеет большое влияние в ШОС и тоже стремится закрепиться в ЦА, Альянс фак-

¹¹ Там же.

тически не контактирует, особенно по вопросам политики в регионе. Налаживание же сотрудничества с ОДКБ и ШОС, напротив, могло бы усилить роль НАТО в центрально-азиатской геополитике, а в перспективе и найти инструменты влияния на конкурентов.

Подобное дистанцирование ведет и к снижению уровня стабильности в регионе, а также к вероятному появлению так называемых «серых зон» нестабильности в тех секторах безопасности, где возможности этих организаций ограничены. Снижение же уровня стабильности в регионе приведет к снижению имиджа прежде всего Альянса, открыто позиционирующего себя в качестве гаранта безопасности. Причем уровень доверия к НАТО и без того снижается на фоне малоэффективной военной операции ИСАФ в Афганистане, усугубления ситуации в стране в связи с активностью на ее территории экстремистских сил, а также очевидного роста наркотрафика в регионе.

В свою очередь, повышение уровня недовольства присутствием Альянса в ЦА создаст новые возможности для России и Китая осуществлять все больший прессинг на Запад в целях его «выдавливания» как геополитического конкурента из региона. И даже если при этом НАТО сохранит свое военное присутствие в Афганистане, без использования инфраструктуры государств ЦА будет весьма трудно (если вообще возможно) обеспечить реализацию афганской кампании.

Таким образом, по итогам более чем шестилетнего военного присутствия в ЦА и Афганистане, Североатлантический союз не смог эффективно использовать сложившуюся благоприятную для него геополитическую конъюнктуру, наоборот, значительно сдал свои позиции. Современные условия вынуждают НАТО следовать логике действий, навязываемой организации РФ и КНР, которые активно и, можно сказать, успешно работают на упрочение как двусторонних, так и многосторонних отношений со странами ЦА. Укрепляют позиции и государства региона, уже давно осознавшие свои возможности и интересы, а также не желающие оставаться лишь объектом дипломатии внешних сил.

По степени экономического потенциала и внешнеполитической активности выстроена и иерархия стран региона, на ее вершине ныне объективно находится Казахстан. Это обусловлено тем, что, **во-первых**, он наиболее экономически и политически развитое государство ЦА, реализующее свою многовекторную внешнюю политику; **во-вторых**, и Россия, и Китай, и США с ЕС по тем или иным причинам делают особый акцент на сотрудничестве именно с Казахстаном; **в-третьих**, РК не только член ОДКБ и ШОС, но и развивает на основе ПДИП партнерские отношения с НАТО, а также активно участвует во всех интеграционных инициативах региона. При этом Казахстан не имеет проблемных вопросов ни с ближними, ни с дальними соседями. Растут авторитет и лидерский статус республики в регионе, Астана активно содействует прогрессу своих центральноазиатских соседей посредством экономической поддержки, все больше укрепляясь в роли оплота стабильности в ЦА. Поэтому сегодня можно утверждать, что гармоничное развитие многостороннего военно-политического сотрудничества в Центральной Азии во многом зависит от позиции и действий республики, и это стремятся учесть в своей политике и РФ, и КНР, и страны Запада.

Динамика развития сотрудничества РК и НАТО

Для закрепления своих позиций в регионе стратеги Запада ныне предпринимают все возможные попытки углубить взаимодействие НАТО с Казахстаном и максимально расширить формат этого взаимодействия. А Казахстан, в свою очередь, заинтересован раз-

вивать сотрудничество с Альянсом, учитывая прежде всего укрепление собственной обороноспособности и новые возможности в совместной борьбе против современных угроз и вызовов безопасности. Тем самым взаимодействие республики с НАТО можно рассматривать и как возможность Астаны участвовать в обеспечении международной безопасности.

Ретроспективный взгляд на динамику связей Казахстана с Альянсом позволяет выделить ряд этапов поступательного и логического развития. **Начальный этап двусторонних отношений пришелся на распад СССР и продолжался до 1994 года.** Он был отмечен определением взаимных приоритетов, интересов и направлений двустороннего сотрудничества. После обретения независимости у Казахстана возник комплекс крупных проблемных блоков в сфере безопасности, требовавших незамедлительного решения. У молодого государства не было своих вооруженных сил, ему необходимо было кардинально реформировать органы национальной безопасности и внутренних дел¹². С первых дней независимости президент республики Н. Назарбаев четко осознавал, что национальная безопасность страны во многом зависит и от уровня сотрудничества с международными структурами. Он понимал, что на Западе началось активное строительство новых систем международной безопасности, во многом опирающихся на ресурсы и структуры НАТО. Поэтому возникла насущная потребность установить конструктивные отношения с этой авторитетной организацией.

Контакты республики с Альянсом начались уже с момента обретения ею независимости. В декабре 1991 года НАТО учредила Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) для развития связей со странами бывшего Варшавского договора. К ССАС Казахстан присоединился 10 марта 1992 года. Взаимодействие страны на этом направлении успешно осуществляется на основе Плана по диалогу, партнерству и сотрудничеству, включающему в себя встречи, семинары и симпозиумы по вопросам экономики, обороны, экологии, науки и т.д.¹³

Конечно, в начале 1990-х годов интерес НАТО к Казахстану (как и Западу в целом) был обусловлен тем, что на тот момент республика обладала мощнейшим арсеналом ядерного оружия и ее позиция в этой сфере была изначально четкой и однозначной: ядерное оружие является абсолютно деструктивным политическим фактором, оно неспособно обеспечить безопасность, лишь усиливает нестабильность и препятствует установлению добрососедских отношений, прежде всего со странами региона. Во многом благодаря своей дипломатической активности Казахстан сумел взять правильный курс в отношениях с НАТО. Выверенная тактика позволила республике не только получить гарантии своей безопасности со стороны ядерных держав, отказавшись от обладания ядерным арсеналом, но и значительно повысить свой международный авторитет. Периодические и плодотворные встречи Н. Назарбаева с руководством Альянса позволили перевести формат двусторонних отношений на новый, более доверительный уровень.

В 1994 году начался второй этап казахстанско-НАТОвского сотрудничества, продолжавшийся до сентября 2001-го и отмеченный практическим взаимодействием. С того времени активизируются отношения не только в военно-политической области, но и в сферах развития демократии и прав человека, гражданской обороны и ликвидации последствий стихийных бедствий, науки и новых технологий.

Тогда же была выдвинута идея создания программы «Партнерство ради мира» (ПРМ), и уже в мае Казахстан подписал Рамочный документ ПРМ, став 19-м государ-

¹² См.: Национальная безопасность: итоги десятилетия / Под ред. М. Ашимбаева и др. Астана: Елорда, 2001. С. 15.

¹³ См.: Токаев К.К. Под стягом независимости. Алматы: Білім, 1997.

ством, присоединившимся к данной программе. Астана подготовила Презентационный документ, в котором были определены приоритеты сотрудничества республики с НАТО: планирование и финансирование национальной обороны, демократический контроль над вооруженными силами, подготовка кадров для вооруженных сил. В декабре того же года — на очередной встрече министров иностранных дел государств-членов ССАС — Астана передала этот документ Генеральному секретарю НАТО¹⁴.

Отечественные эксперты полагают, что программа «Партнерство ради мира» — наиболее рациональный формат взаимодействия Казахстана с Североатлантическим союзом¹⁵, и НАТО рассматривает ее как ключевой фактор в развитии отношений со странами-участницами ПРМ, поскольку эта программа расширяет и активизирует политическое и военное сотрудничество. Среди основных направлений партнерства: планирование национальной обороны, вопросы демократического контроля над вооруженными силами, подготовка воинских подразделений к миротворческим операциям. Эффективное взаимодействие в рамках данной программы позволит значительно расширить сферу практического сотрудничества и приступить к реализации таких важных инициатив, как «Наука во имя мира» и «Виртуальный шелковый путь».

В целях дальнейшего повышения оперативной совместимости армии РК с силами НАТО 14 июня 2000 года указом президента республики был создан Казахстанский миротворческий батальон. Страна вошла в число государств, которые направляют свои контингенты для миротворческой деятельности под эгидой ООН или НАТО, что требовало и новых подходов к соответствующему обеспечению. Например, чтобы «Казбат» мог участвовать в подобных операциях, необходимо было обучить его личный состав не только военным специальностям, но и специфическим «предметам». В их числе отметим владение английским языком, средствами связи, знаниями в сфере системы управления и процедурами принятия решений в армиях НАТО, а также изучение опыта передачи знаний и функционирования современных вооруженных сил. Тем самым сотрудничество с Альянсом предоставило армии РК возможности повысить свой военный потенциал и участвовать в международных миротворческих операциях.

Следует отметить, что процессы, протекавшие в Альянсе и вокруг него, никогда не оставались без внимания Астаны. Ее конструктивная позиция относительно планов расширения НАТО на восток определялась прежде всего тем, что этот процесс уже принял необратимый характер. Сама по себе экспансия Альянса не несла угрозы национальной безопасности Казахстана, однако процесс расширения должен проходить так, чтобы не нарушить стабильности в Европе и обязательно учитывать интересы России.

Террористические акты 11 сентября 2001 года в США изменили характер транснациональных отношений, что потребовало пересмотреть формат международного взаимодействия, особенно в сфере безопасности. **С этого момента «стартовал» третий этап сотрудничества Казахстана и НАТО, продолжавшийся до начала 2006 года и отличавшийся значительным укреплением партнерских отношений.**

В качестве первого шага глобальной антитеррористической кампании в октябре 2001 года США с союзниками по НАТО приступают к военной операции в Афганистане. Террористические акты, совершенные в Соединенных Штатах, оказали сильное воздействие на стратегическое мышление Альянса, что выявило необходимость укреплять его взаимодействие с государствами-партнерами. В ходе военной операции Казахстан оказал существенную поддержку коалиционным силам, предоставив для их нужд собственное воздушное пространство, а также разрешив посадку их авиации на своих аэродромах

¹⁴ См.: Токаев К.К. Указ. соч.

¹⁵ См.: Кононович Е. Казахстан и НАТО: диалог партнеров // Казахстанская правда, 29 июня 2004.

в экстренных случаях. Эти инициативы способствовали дальнейшему углублению отношений в формате РК — НАТО. В 2002 году Казахстан стал первым государством Центральной Азии, присоединившимся к программе Альянса «Процесс планирования и обзора». Для дальнейшего повышения оперативной совместимости и оборонной деятельности вооруженных сил стран, составляющих основу борьбы с терроризмом, в Казахстане были проведены совместные с силами НАТО военные учения¹⁶.

На Пражском саммите (2002 г.) союзники договорились о проекте создания нового НАТО, по своим задачам, составу и возможностям отличающегося от старого института времен «холодной войны». Руководители СЕАП официально подтвердили эти обязательства и приняли План действий партнерства в борьбе с терроризмом. Подписав указанный документ, подготовленный НАТО в тесном взаимодействии с партнерами, руководители СЕАП прежде всего признали, что все государства сталкиваются с одинаковыми вызовами безопасности, борьба с которыми будет успешной лишь при сотрудничестве между странами.

Важность Плана действий для Казахстана как союзника НАТО определяется тем, что этот документ расширяет возможности государства и служит механизмом, способствующим его участию в инициативах Альянса по борьбе с терроризмом. Вклад республики в эту деятельность будет соответствовать ее обязательствам по международному праву в данной сфере. При этом необходимо учитывать особенности политики Астаны в области безопасности и обороны. Продолжая тему сотрудничества РК с НАТО, следует сказать и о подписанном в июле 2003 года двустороннем соглашении о техническом обеспечении и обслуживании (NAMSО).

Системное военное взаимодействие Казахстана со странами Альянса началось в 2003 году, когда было проведено специальное тактическое антитеррористическое учение «Степной орел» с участием подразделений Аэромобильных войск Великобритании и США. И с тех пор учения «Степной орел» проходят на территории Казахстана ежегодно. В их ходе солдаты и офицеры армии республики, действующие бок о бок с военнослужащими многих государств мира, оттачивают свое мастерство. В феврале 2004 года РК присоединилась к программе НАТО «Концепция оперативного потенциала», в связи с чем в Астане открылся специальный информационно-документационный центр. В том же году Казахстан получил статус наблюдателя в Парламентской ассамблее НАТО¹⁷.

О долгосрочности планов Альянса относительно республик Центральной Азии говорит то, что, как мы уже отмечали, в 2004 году Брюссель учредил должность специального представителя Генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии, на которую был назначен Р. Симмонс. Для содействия выполнению задач и достижению целей НАТО он налаживает рабочие контакты с руководством стран региона¹⁸. Следует подчеркнуть, что Р. Симмонс активно взялся за выполнение своей миссии, о чем свидетельствуют его неоднократные визиты в Казахстан и другие государства ЦА. Личные встречи и телефонные переговоры президента Н. Назарбаева с руководством Североатлантического союза придают дополнительный импульс развитию сотрудничества Казахстана с НАТО по обеспечению региональной и международной безопасности.

Существенный прогресс во взаимоотношениях позволил перевести казахстанско-НАТОвское взаимодействие на новый уровень, а с 2006 года начался четвертый этап развития партнерства, который продолжается по настоящее время. Для этого этапа характерно тесное стратегическое двустороннее сотрудничество Казахстана и Североатлан-

¹⁶ По материалам Информационного агентства «Хабар» [www.khabar.kz].

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Айбет Г. НАТО после Стамбула // Вестник НАТО, осень 2004 [www.nato.int].

тического союза. На заседании Военно-политического руководящего комитета в формате «НАТО плюс Казахстан», которое прошло в январе 2006 года в штаб-квартире Альянса, был рассмотрен и подготовлен к окончательному утверждению План действий индивидуального партнерства (ПДИП). Этот документ гармонизировал все аспекты практического взаимодействия и диалога Казахстана с НАТО. ПДИП направлен на расширение масштаба сотрудничества и выработку новых параметров взаимодействия республики с Альянсом в формате «НАТО плюс 1», включающего военную сферу, науку, экологию, совершенствование системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций¹⁹.

31 января 2006 года План был утвержден и вступил в действие. Таким образом, Казахстан стал для НАТО первой в регионе страной-партнером, принявшей новый инструмент взаимодействия. С тех пор как республика присоединилась к Совету евро-атлантического партнерства и программе «Партнерство ради мира», принятие ПДИП — дальнейший логичный шаг к углублению сотрудничества «НАТО плюс Казахстан», соответствующий идеологии и задачам проводимых республикой политических, экономических и демократических реформ.

В целом Казахстан рассматривает интеграцию в глобальные и региональные системы безопасности как ключевой элемент национальной безопасности в современном мире. Тесное и взаимовыгодное партнерство с Альянсом — одно из основных направлений внешней политики республики. Цель государственной политики относительно НАТО в том, чтобы наладить адекватное современным приоритетам взаимовыгодное и равноправное сотрудничество в сферах обороны, трансформации и модернизации вооруженных сил РК, пограничной безопасности, науки, экологии, противодействия угрозам терроризма и наркотрафика. Можно констатировать, что дипломатия РК уверенно движется к ее осуществлению.

Взаимодействие Казахстана с НАТО носит многоуровневый характер и реализуется в различных форматах, а также в рамках разнообразных военных и невоенных программ, а его эффективность можно оценить на основе заявлений руководства Альянса о том, что Республика Казахстан — ключевой стратегический партнер НАТО в регионе. Таким образом, роль Казахстана в центральноазиатской стратегии Альянса невозможно переоценить, ведь сегодня республика выступает в качестве единственной стабильной опоры НАТО в ЦА. Благожелательность РК, которая в первую очередь учитывает свои национальные интересы в сфере модернизации военного комплекса, и сбалансированная политика страны по сближению с Альянсом позволяют НАТО относительно стабильно действовать в регионе, в определенной мере сохраняя свои ограниченные позиции.

* * *

Дипломатическая гонка Запада и России с Китаем, цель которой — установление особых отношений с Казахстаном, продолжается, каждая сторона пытается идти на опережение, вовлекая республику в работу ОДКБ, ШОС и НАТО. В то же время, даже при позитивной официальной риторике и всевозможных дипломатических реверансах в сторону РК, главная проблема Центральной Азии — наличие эффективной и сбалансированной системы региональной безопасности — еще не решена.

Президент Казахстана Н. Назарбаев неоднократно отмечал, что укрепление и расширение международного сотрудничества в борьбе с вызовами и угрозами безопасности

¹⁹ По материалам Информационного агентства «Хабар» [www.khabar.kz].

предполагает многосторонний подход. В этой связи страна продолжает и будет продолжать укреплять взаимодействие государств региона для противостояния этим вызовам современности, в том числе участвуя в совместных учениях в рамках ОДКБ и ШОС, а также общих с НАТО антитеррористических инициативах и операциях²⁰.

Как представляется, активное участие Казахстана и в ОДКБ, и в программах Альянса позволяет республике создать необходимую систему сдержек и противовесов в региональной геополитике, что в общем отражает интересы всех стран ЦА. С другой стороны, активная политика ШОС, в частности ее китайская составляющая, позволяет избежать установления биполярной конфронтации по линии ОДКБ — НАТО и вынуждает игроков искать конструктивные пути решения проблемных аспектов сотрудничества в ЦА.

Очевидно, что сбалансированное взаимодействие центральноазиатских республик с ОДКБ и ШОС, с одной стороны, и с НАТО — с другой, является стратегически выверенным, рациональным курсом обеспечения стабильности как на национальном, так и на региональном уровнях. А проявления жесткой конкуренции между ОДКБ, ШОС и Альянсом способны вызвать крайне негативный эффект, направленный на государства ЦА, что может включать в себя следующее: снижение контроля, обострение вызовов и угроз безопасности в регионе, проявление резкого дисбаланса геополитических сил, углубление противоречий между центральноазиатскими странами; замедление темпов экономического развития и снижение инвестиционной привлекательности государств ЦА, дезориентацию и кризис их внешнеполитических курсов.

Таким образом, для Казахстана и других республик региона важное условие сохранения стабильности — построение четких логики и стратегии действий в сотрудничестве с вышеупомянутыми структурами, а также содействие в минимизации возможности жесткой конкуренции между ними. К примеру, Казахстан, рационально поддерживающий баланс в международном военном партнерстве, может выступить в качестве инициатора создания конструктивной диалоговой платформы консультаций и взаимодействия указанных формирований, что позволит избежать проявлений кризиса в регионе. Представляется, что дальнейшие усилия будут направлены на поиск обеспечения равновесия между степенью интеграции государств ЦА в международные и региональные структуры безопасности и сохранением ими своей самостоятельности в процессах принятия решений по международным вопросам с учетом национальных интересов.

Следует признать, что с точки зрения интересов стран Центральной Азии НАТО вносит определенный вклад в обеспечение региональной безопасности, содействует развитию некоторых государств региона, модернизации их вооруженных сил, внедрению передовых военных технологий и т.д. Однако сегодня угрозы одинаково опасны для всех сторон, в силу чего необходим и баланс сил крупных геополитических игроков. Более того, необходима их кооперация, отсутствие которой и является ключевым фактором сохранения напряженности в ЦА. В этой связи, по нашему мнению, НАТО целесообразно пересмотреть свои подходы к политике в ЦА, так как геополитическая и стратегическая ситуации в регионе существенно изменились. Следование же устаревшей тактике дистанцирования и фрагментирования будет лишь способствовать осуществлению планов геополитических конкурентов Альянса по скорому выводу его Вооруженных сил из государств Центральной Азии.

---

²⁰ См.: Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии, 1 марта 2006 [www.akorda.kz].

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ: 1992—2006 ГОДЫ

Нугзар ТЕР-ОГАНОВ

*научный сотрудник Центра иранистики
Тель-Авивского университета
(Тель-Авив, Израиль)*

Начало российско-иранского ядерного сотрудничества

После развала СССР эстафету сотрудничества с Ираном приняла Российская Федерация. С самого начала одним из основных векторов их взаимодействия стала ядерная сфера (наряду с военной). Так, 17 августа 1992 года было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве по мирному использованию атомной энергии, предусматривавшее установку в ИРИ двух энергоблоков ВВЭР-440. Вся подготовительная работа была завершена 8 января 1995 года, когда бывший в то время министром атомной энергии России Виктор Михайлов и глава Агентства по атомной энергии Ирана, вице-президент страны Реза Амроллахи подписали контракт на 800 млн долл., согласно которому РФ должна была за 4,5 года завершить строительство первого энергоблока АЭС на легкой воде в Бушере мощностью в 1 000 МВт¹.

Что касается легитимности этого контракта и его соответствия международным правовым нормам, то, по мнению ведущих российских экспертов Владимира Орлова и Александра Винникова, он был составлен безукоризненно, без нарушений положений Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), о чем неоднократно заявлял В. Михайлов². Кроме того, стороны подписали секретный протокол к контракту, предусматривавший дальнейшие переговоры Тегерана и Москвы о широкомасштабном сотрудничестве в ядерной сфере. В соответствии с одним из пунктов этого документа, Россия согласилась начать подготовку иранских специалистов в своих ядерных исследовательских центрах, а также помочь Тегерану в добыче урановой руды и в снабжении газовыми центрифугами, которые используются в производстве обогащенного урана. Для обслуживания Бушерской АЭС в будущем в российских вузах, а также в учебном центре Нововоронежской АЭС прошли подготовку несколько сот иранских ядерщиков. В январе 1995 года В. Михайлов подписал с ИРИ Протокол о намерениях, в котором выражалась готовность России начать переговоры относительно контракта на строительство завода для обогащения урана. При этом, как

¹ См.: The Washington Post, 9 January 1995.

² См.: Orlov V., Vinnikov A. The Great Guessing Game: Russia and the Iranian Nuclear Issue // The Washington Quarterly, Spring 2005. P. 51.

выяснилось позднее, российский министр не поставил в известность свое руководство³. Тем не менее наметилось полномасштабное ядерное сотрудничество, включая такую чувствительную его сферу, как обогащение урана, позволяющее развивать и ядерную военную программу.

Наряду с этим стороны решили вопрос о поставках российского ядерного топлива в Иран. Уже в августе 1995 года был подписан контракт (сроком на 10 лет), предусматривавший поставку ядерного топлива для Бушерской АЭС, производимого на Новосибирском заводе химических концентратов. Однако в контракте не обговаривалась дальнейшая судьба отработанного ядерного топлива, поскольку по российским законам запрещался его возврат на территорию страны⁴.

Американо-российское соглашение 1995 года, или Памятная записка по прекращению российско-иранского военно-технического сотрудничества

В 1992 году США приняли закон, направленный против государств, экспортирующих оружие в страны Ближнего Востока, прежде всего в Иран и Ирак. В частности, этот закон предусматривал введение санкций против государств, поставляющих оружие в эти страны⁵. В тогдашней администрации Белого дома растущую тревогу вызывал экспорт российского оружия в Иран. Можно предположить, что при полной децентрализации власти в РФ, когда отдельные предприятия военно-промышленного комплекса, в том числе ядерной сферы, налаживали прямые контакты с Ираном, часто в обход государственного контроля над экспортом, беспокойство США было небезосновательным. После подписания РФ и ИРИ контракта на строительство АЭС в Бушере американцы пришли к выводу, что необходимо искать пути ограничения сотрудничества между Москвой и Тегераном в военной и ядерной сферах.

Следует заметить, что уже с 1993 года США регулярно ставили перед РФ вопрос об «утечке» ее ракетных и ядерных технологий в Иран. По инициативе президентов Соединенных Штатов и России Билла Клинтона и Бориса Ельцина в апреле того же года была создана Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству (Комиссия «Гор — Черномырдин»). Она охватила также энергетику и конверсию оборонных предприятий⁶. Находясь под прессингом американцев, в сентябре 1994 года Б. Ельцин заверил Б. Клинтона, что Москва прекратит продажу оружия Ирану⁷. Однако через несколько месяцев, как уже было отмечено выше, подписали контракт на строительство Бушерской АЭС. Согласно добытой американскими разведслужбами копии конфиденциальных российско-иранских соглашений, этот контракт предусматри-

³ См.: Ibid. P. 52.

⁴ См.: Ibid. P. 55—56.

⁵ См.: Broder J. Despite Secret '95 Pact by Gore, Russian Arms Sales to Iran Go On // The New York Times, 13 October 2000.

⁶ См.: U.S. Department of State, 95/06/20 Fact Sheet: Gore-Chernomyrdin Commission, Bureau of Public Affairs (Internet online).

⁷ См.: Boese W. Congress Levies Accusations on Gore-Chernomyrdin Deal // Arms Control Today, November 2000 (Internet online).

вал и военную часть, о чем шла речь на встрече президентов США и России в мае 1995 года. Тогда Вашингтон потребовал от Москвы исключить из контракта этот пункт. Возникший казус вынудил Соединенные Штаты усомниться в прозрачности российско-иранских отношений. США все настойчивее стали добиваться от РФ, чтобы она отказалась от сотрудничества с ИРИ.

В апреле 1995 года, на пятой сессии упомянутой Комиссии «Гор — Чернобырдин» они подписали секретное соглашение (Памятную записку), обязавшее Россию не заключать новых контрактов на поставку оружия в Иран после 1995 года⁸. Однако этот документ не предусматривал прекращения поставок оружия Ирану по ранее подписанным контрактам. Россия обязалась завершить выполнение всех контрактов на поставку своего оружия в ИРИ до 31 декабря 1999 года. Разглашение содержания этого секретного соглашения вызвало много пререканий в американском конгрессе, усмотревшем нарушение закона США 1992 года. По сообщению «Вашингтон таймс», Конгресс был разгневан тем, что в конце 1995 года Гор обещал Чернобырдину не информировать Конгресс о деталях сотрудничества Москвы и Тегерана в ядерной сфере. В своем письме на имя Гора Чернобырдин просил его не разглашать факт российско-иранского сотрудничества в этой сфере, которое, по его словам, сводилось к обучению персонала и поставкам ядерного топлива для реактора в Бушере, чтобы оно не стало достоянием «третьей стороны, включая конгресс США»⁹.

Строительство АЭС в Бушере

Как показали дальнейшие события, Россия не отказалась от выполнения ядерного контракта. Впрочем, находясь под американским «прессингом», она все же обещала США ограничить сотрудничество с Ираном строительством Бушерской АЭС и подготовкой для нее обслуживающего персонала.

К выполнению контракта по строительству Бушерской АЭС Москва приступила в январе 1996 года. Между тем стороны подписали соглашение о строительстве в Бушере еще двух энергоблоков, которое, однако, не было претворено в жизнь. Несмотря на данное Россией обещание ограничиться только строительством Бушерской АЭС¹⁰, США продолжали настаивать на полном прекращении строительства или хотя бы на его замедлении.

Визит в Россию иранского президента Мохаммада Хатами (12—15 марта 2001 г.) и подписание Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества (наряду с другими документами) имели решающее значение для дальнейшего развития двусторонних связей. Среди вопросов, затронутых в ходе переговоров, речь шла о завершении строительства АЭС в Бушере, о проекте строительства Россией новой АЭС, а также о теплостанциях.

Американцы же продолжали высказывать свою озабоченность развитием ядерной программы ИРИ и расширением российско-иранского сотрудничества. Основной аргу-

⁸ См.: *Boese W.* Op. cit.

⁹ *Gertz B.* The Letter Shows Gore Made Deal // *The Washington Times*, 17 October 2000 (Internet online).

¹⁰ В апреле 1998 года Минатом России заявил о своей заинтересованности продать Ирану исследовательский реактор, способный обогащать уран до 20%. Однако тогда США помешали отправке реактора и лазерного оборудования (см.: *Орлов В.А., Тимурбаев Р.М., Хлопков А.В.* Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М.: ПИР-Центр, 2001).

мент США против строительства Бушерской АЭС состоял в следующем: несмотря на то что АЭС не являлась военным объектом и не была связана непосредственно с производством ядерного оружия, она могла внести вклад в развитие ядерной инфраструктуры и экспериментальной базы, что косвенно способствовало бы продвижению Ирана к производству ядерного оружия¹¹.

Опасность развития Тегераном ядерной военной программы заставила президента США Джорджа Буша во время его встречи с президентом РФ Владимиром Путиным, состоявшейся в конце мая 2002 года, настоятельно потребовать прекращения сотрудничества между российским Минатомом и иранским Агентством по атомной энергии. Тогда Бушерский проект стал предметом острой дискуссии. Несмотря на фактический отказ В. Путина от прекращения данного сотрудничества, видимо, все же под давлением американцев он уговорил ИРИ признать МАГАТЭ в качестве высшей инстанции, курирующей российско-иранский ядерный проект, чтобы гарантировать его прозрачность. Уже 27 мая президент Дж. Буш заявил, что В. Путин не возражает против контроля МАГАТЭ над Бушерским ядерным комплексом. Тогда же было установлено, что иранские ядерные объекты будут инспектировать 4—6 раз в год и каждая инспекция продлится две недели¹².

Давление США на Россию не помешало ее правительству в июле 2002 года утвердить план по заключению нового соглашения о торгово-экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве с Ираном; в частности, предусматривалось возможное участие РФ в строительстве еще двух 1 000-мегаваттных энергоблоков в Ахвазе, в связи с чем российские специалисты провели предварительные работы¹³.

Международные эксперты небезосновательно полагали, что российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере достигло апогея именно в июле 2002 года¹⁴. Тогда официальные представители США заявили, что в принципе Вашингтон не будет публично возражать против строительства реактора, если Москва потребует от Тегерана возвращения отработанного урана. По их мнению, таким образом можно было бы избежать риска нарушения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)¹⁵. Между тем во второй половине 2002 года начались инспекции ядерных объектов Ирана со стороны МАГАТЭ.

Интенсивные исследования в ядерной сфере позволили тогдашнему вице-президенту и главе Агентства по атомной энергии Ирана Голамрезе Агазаде заявить, что «успехи, достигнутые в добыче урановой руды, ее помоле и переработке, позволят ИРИ задействовать полный топливный цикл в будущем, избегая тем самым посторонней помощи». Вместе с тем нежелание Тегерана допустить МАГАТЭ для внезапных инспекций его ядерных объектов стало поводом для увеличения опасений США относительно возможности полного контроля России над иранской ядерной программой, а также над процессом потребления и расхода ядерного топлива¹⁶. Тем временем Иран стал развивать параллельную программу, которая предусматривала использование собственных источников топлива¹⁷.

¹¹ См.: *Bahgat G.* Nuclear Proliferation: The Islamic Republic of Iran // *Iranian Studies*, September 2006, Vol. 39, No. 3. P. 310.

¹² См.: *Gulf States Newsletter*, 12 June 2002, Vol. 26, No. 688. P. 4.

¹³ См.: *Gulf States Newsletter*, 7 August 2002, Vol. 26, No. 692. P. 3.

¹⁴ См.: *Gulf States Newsletter*, 31 October 2003, Vol. 27, No. 721. P. 7.

¹⁵ См.: *Kerr P.* Iran, Russia Reach Nuclear Agreement // *Arms Control Today*, April 2005, Vol. 35, No. 3. P. 36.

¹⁶ См.: *Gulf States Newsletter*, 7 March 2003, Vol. 27, No. 705. P. 6.

¹⁷ См.: *Gulf States Newsletter*, 18 April 2003, Vol. 27, No. 708. P. 8.

В середине августа 2002 года организация «Моджахедин-е Халк» опубликовала информацию-разоблачение о том, что в Иране, в городе Натанз, идет строительство завода для производства центрифуг¹⁸. Всем стало ясно, что Иран стремится решить задачу обогащения урана без посторонней помощи¹⁹. Следует подчеркнуть, что скрытые от постороннего взгляда, даже от российского партнера, усилия ИРИ по созданию производства для обогащения урана в Натанзе еще больше обострили внимание мировой общественности к иранской ядерной программе.

Вопрос о поставках российского ядерного топлива в Иран

Вопрос о ядерном топливе стал одним из центральных не только для иранской ядерной программы, но и для российско-иранского ядерного сотрудничества. Находясь под американским давлением, Россия была вынуждена ужесточить свои требования по условиям поставки ядерного топлива в Иран. В середине августа 2003 года, накануне визита помощника госсекретаря США Джона Болтона в Москву, тогдашний глава российского правительства Михаил Касьянов утвердил текст дополнения к российско-иранскому соглашению по Бушерской АЭС, согласно которому обе стороны должны были подписать протокол о возврате в Россию отработанного на АЭС ядерного топлива. Подписание протокола ожидалось после заседания МАГАТЭ (в сентябре). Таким образом, Россия была вынуждена сделать шаг для демонстрации прозрачности работ на Бушерской АЭС. Как полагают тогда в Минатоме РФ, для отправки ядерного топлива уже не существовало преград. Хотя следует напомнить, что по первоначальному графику предусматривалась отправка ядерного топлива еще в марте 2002 года²⁰. Запуск же АЭС, согласно контракту, намечался на конец 2003-го — начало 2004 года²¹, однако Россия не уложились в эти сроки.

Между тем обещание РФ о поставке ядерного топлива в Иран вызвало большую обеспокоенность в США. Однако, согласно сообщению журнала «Галф стейтс ньюслеттер», в конце мая 2003 года Москва известила Тегеран, что она не пошлет топливо в Иран, если он не даст согласие на полную инспекцию своих ядерных объектов со стороны МАГАТЭ. Тогда журнал пришел к выводу, что сильный дипломатический нажим на Иран возможен лишь посредством давления на Москву²². Российские эксперты Владимир Орлов и Александр Винников справедливо полагают, что обнаружение секретных ядерных объектов в Иране в определенной степени повлекло за собой некоторое изменение позиции России относительно иранской ядерной программы. Именно этим, по их мнению, можно объяснить то, что в 2002—2003 годах Москва приняла решение не наращивать темпы строительства Бушерской АЭС, ссылаясь на технические причины²³.

¹⁸ См.: *Orlov V., Vinnikov A.* Op. cit. P. 54.

¹⁹ См.: *Gulf States Newsletter*, 18 April 2003, Vol. 27, No. 708. P. 7—8.

²⁰ См.: *Дубнов А.* Последняя уступка Вашингтону. Москва не откажется от сотрудничества с Тегераном // *Время новостей*, 27 августа 2003, № 158 (Интернет-онлайн).

²¹ См.: *Gulf States Newsletter*, 19 March 2001, Vol. 25, No. 657. P. 3.

²² См.: *Gulf States Newsletter*, 30 May 2003, Vol. 27, No. 711. P. 9.

²³ См.: *Orlov V., Vinnikov A.* Op. cit. P. 55.

Вступление в игру Евросоюза и Тегеранское соглашение 21 октября 2003 года

Весь предыдущий период ирано-американского противостояния по ядерному вопросу Европа как бы оставалась в стороне. Более того, в 2002 году Европейский союз начал переговоры с Ираном о новом торговом соглашении, что для Тегерана имело чрезвычайное значение. Ведь к тому времени ЕС был самым крупным торговым партнером ИРИ — их ежегодный торговый оборот составлял 13 млрд евро. Доля Евросоюза во внешнеторговом балансе Ирана приближалась к 30%²⁴.

Восстановление дипломатических связей с ведущими европейскими странами в период президентства Мохаммада Хатами, а также их огромная доля во внешнеторговом балансе Ирана, то есть его большая экономическая зависимость от Европы, позволили европейской тройке (Великобритания, Франция, Германия), выступающей от имени ЕС, вплотную заняться иранской ядерной программой. Но это случилось лишь после того, как Европа убедилась в наличии у Ирана незаявленных ядерных объектов. Вслед за публикацией доклада МАГАТЭ (6 июня 2003 г.) Европейский союз сделал заявление, что отныне его торговые отношения с Ираном будут зависеть как от степени сотрудничества этой страны с МАГАТЭ, так и от соблюдения Дополнительного протокола²⁵. Документ о внешней политике и безопасности, принятый Советом Европы в июне 2003 года, отразил беспокойство европейского сообщества, вызванное угрозой распространения оружия массового уничтожения, которую СЕ назвал самой серьезной угрозой миру и стабильности во всем мире²⁶.

Следует отметить, что усиление международного давления стало приносить плоды. Так, 21 октября 2003 года в Тегеране было подписано соглашение между упомянутой выше евротройкой и Тегераном, касающееся соответствия иранской ядерной деятельности требованиям МАГАТЭ. По справедливой оценке журнала «Мидл ист рипорт», подписание Тегеранского соглашения было большой победой европейской дипломатии²⁷. Согласно этому документу все вопросы относительно ядерной деятельности Ирана должны были решаться исключительно МАГАТЭ. А через два месяца, 18 декабря, в штаб-квартире МАГАТЭ в Вене Иран подписал Дополнительный протокол к ДНЯО, что давало возможность проводить внезапные инспекции его ядерных объектов²⁸. Напомним, что этот протокол предоставляет МАГАТЭ повышенные полномочия для выявления секретных ядерных программ, ранее не заявленных Агентству.

Однако, как полагали на Западе, даже это подписание не было достаточным аргументом для предотвращения развития иранской ядерной военной программы²⁹. Вместе

²⁴ См.: *Smeland S.* Countering Iranian Nukes: A European Strategy // *The Nonproliferation Review*, Spring 2004, Vol. 11, No. 1. P. 50.

²⁵ См.: *Ibidem*.

²⁶ См.: *Ibid.* P. 41.

²⁷ См.: *Dealing with Iran's Nuclear Program* // *Middle East Report*, 27 October 2003, № 18 (Internet online).

²⁸ См.: *Esfandiari G.* Iran. Tehran Signs Protocol to Non-Proliferation Treaty // *Radio Free Europe*, 18 December 2003.

²⁹ См.: *Smeland S.* *Op. cit.* P. 52.

с тем накопившиеся факты об утаивании Тегераном информации о своих ядерных объектах усиливали недоверие к нему³⁰. По мнению экспертов, упомянутый документ предоставил Ирану возможность развивать другие направления ядерной программы, не затрагивая при этом такие вопросы, как упразднение ядерного объекта в Натанзе и уничтожение центрифуг для обогащения урана. Тем не менее можно сказать, что процесс обогащения урана все же, хотя и временно, был заморожен. В России посчитали разумным не посылать ядерное топливо в Иран до прояснения ситуации на дипломатическом уровне³¹.

Реформирование Минатома и продолжение российско-иранского сотрудничества в ядерной сфере

Между тем в РФ произошло значительное политическое событие — в марте 2004 года В. Путина повторно избрали на президентский пост, что в числе прочего существенно сказалось на деятельности Министерства по атомной энергии, курировавшего российско-иранские контакты в ядерной сфере. По указанию В. Путина, который поставил перед собой цель реформировать государственные структуры, количество министерств резко сократилось (с 30 до 17), что коснулась и когда-то всемогущего Министерства по атомной энергии. Принимая во внимание его чрезмерную автономию и практическую неподконтрольность, президент страны понизил его статус и подчинил Министерству промышленности и энергетики, переименовав в Федеральное агентство по атомной энергии. Что касается военно-ядерной деятельности, то она была передана в Министерство обороны³².

С другой стороны, росло давление Запада на иранскую ядерную программу. Чтобы выйти из создавшегося тупика и обрести международное доверие, в мае 2004 года Иран предложил тройке ЕС план, согласно которому к процессу обогащения урана могла подключиться и Европа (путем создания ирано-российско-европейского консорциума)³³.

На состоявшихся в Москве (вторая декада мая) переговорах главы Федерального агентства по атомной энергии России А. Румянцева и представителей компании «Атом-экспорт» с руководителем иранской делегации Сабури — заместителем главы Агентства по атомной энергии Ирана была отмечена необходимость завершить строительство первого энергоблока и заключить контракт на поставки ядерного топлива в Иран (наряду с вопросом о возвращении ядерных отходов в Россию)³⁴.

По свидетельству информационного источника ИРИ, Конгресс США тогда категорически потребовал от РФ прекратить сотрудничество с Ираном по ядерной программе, а также отказаться от отправки туда ядерного топлива³⁵. На этом фоне для прояснения

³⁰ Dealing with Iran's Nuclear Program.

³¹ Ibid. P. 7.

³² См.: *Kohlmeier G.* Putin Downsizes Russian Nuclear Agency // *Arms Control Today*, April 2004, Vol. 34, No. 3. P. 32.

³³ См.: Kayhan, 12 May 2004 (на перс. яз.).

³⁴ См.: Kayhan, 13 May 2004.

³⁵ См.: Kayhan, 15 May 2004.

ситуации вокруг ядерной программы 16 мая в Москву вылетел министр иностранных дел Ирана.

Участились встречи представителей руководства двух стран. Наряду с этим, согласно газете «Кейхан», в РФ появились нереальные прогнозы относительно сроков завершения строительно-наладочных работ на Бушерской АЭС. Так, в ходе визита в Тегеран (начало июля 2004 г.) Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Игорь Иванов заявил, что строительные работы на АЭС завершатся до конца 2005 года, а ее пуск в эксплуатацию состоится в 2006 году³⁶. Тем не менее в заявлениях министра иностранных дел ИРИ Кемалья Харрази (после его встречи с Сергеем Лавровым, состоявшейся в середине октября 2004 г.) не было такой уверенности. «Я не могу указать, — заявил он, — точную дату запуска в эксплуатацию Бушерской АЭС, однако ясно, что Россия уже должна была передать ее Ирану». Примечательно, что сложившуюся ситуацию Кемаль Харрази оправдывал тем, что вопрос об эксплуатации АЭС якобы носил сугубо технический характер. На пресс-конференции, состоявшейся по завершении переговоров, Сергей Лавров повторил утверждения Игоря Иванова о сроках окончания строительства и пуска в эксплуатацию Бушерской АЭС. При этом он дипломатично отрицал давление США на Россию, несмотря на неоднократные утверждения прессы ИРИ, что основным фактором нарушения сроков пуска в эксплуатацию Бушерской АЭС являются Соединенные Штаты. Вопрос о задержке поставок ядерного топлива в Иран С. Лавров увязал с тем, что Ирану необходимо подписать упомянутое соглашение³⁷.

Срыв срока сдачи в эксплуатацию Бушерской АЭС стал вызывать открытое раздражение официальной прессы ИРИ. Например, по мнению влиятельной газеты «Кейхан», которая ссылалась на российский источник, несмотря на завершение работ на АЭС, русские стали тянуть с передачей ядерного топлива³⁸. Между прочим, задержка с отправкой ядерного топлива на Бушерскую АЭС, как и нарушение сроков ее строительства, наводили на мысль о возможной российско-американской негласной договоренности относительно затягивания сдачи ядерного объекта в эксплуатацию. Тем более что эту мысль о мерах по сдерживанию развития иранской ядерной программы неоднократно озвучивали отдельные эксперты США; в частности, Шон Смиланд писал: «Любые меры, замедляющие иранскую ядерную программу, будут полезны, поскольку это дает заинтересованным сторонам возможность выиграть время для сбора разведанных и изыскания разных политических опций»³⁹.

Парижское соглашение и объявление моратория на обогащение урана в Иране

Под международным давлением Иран был вынужден объявить (4 ноября 2004 г., Париж) о шестимесячном моратории на обогащение урана — в период переговоров с Францией, Германией и Великобританией⁴⁰. Согласно мораторию в указанный срок Те-

³⁶ См.: Kayhan, 6 July 2004.

³⁷ Kayhan, 11 October 2004.

³⁸ См.: Kayhan, 16 October 2004.

³⁹ Smeland S. Op. cit. P. 52.

⁴⁰ См.: Kayhan, 4 November 2004.

геран должен был прекратить в ядерной сфере все работы, связанные с производством и импортом газовых центрифуг, запасных частей к ним, сборкой, монтажом и испытанием этих центрифуг⁴¹, то есть любую деятельность, направленную на отделение плутония, а также процесс производства и конверсию урана⁴².

В ходе переговоров с тройкой ЕС 15 ноября в Париже было достигнуто соглашение, согласно которому Иран отказывался от ядерной деятельности, а евротройка подтверждала мирный характер ядерной программы ИРИ. Согласно тексту соглашения, стороны подтвердили свою приверженность ДНЯО. Кроме того, Иран подтвердил, что не намерен обладать ядерным оружием, однако при этом оговорил, что прекращение будет в силе на период переговоров. Стороны пришли к решению прекратить работы по обогащению урана еще до заседания Совета управляющих МАГАТЭ, а также отметили, что цель переговоров — выработка взаимоприемлемого долгосрочного соглашения⁴³. Оно должно предусматривать отдельные договоренности, касающиеся ядерных материалов, технологий, экономического сотрудничества и вопросов безопасности, а в целом гарантировать мирный характер ядерной программы⁴⁴. Этот шаг был предпринят для предотвращения передачи евротройкой иранского досье на рассмотрение Совета Безопасности ООН за день до заседания тройки ЕС в Париже. Однако уже тогда некоторые эксперты, учитывая опыт прекращения работ по обогащению урана, а также неумное стремление Ирана развивать ядерную программу, справедливо полагали, что прекращение наверняка будет временным и что Иран возобновит свою ядерную деятельность⁴⁵.

Позиция России по иранскому ядерному вопросу после подписания Парижского соглашения

По утверждению российских экспертов, после заключения Парижского соглашения Москва стала поддерживать интернационализацию ядерной программы Тегерана⁴⁶. Некоторое изменение позиции РФ по этому вопросу подметила, в частности, израильская журналистка Бренда Шаффер, которая писала: «За последние полтора года (имеются в виду 2003—2004 гг. — *Н. Тер-Оганов*) действия Москвы в отношении иранской ядерной программы были ответственными и конструктивными»⁴⁷.

В связи с этим следует отметить, что в 2004 году уже готовое для отправки в Иран российское ядерное топливо в очередной раз было задержано по настоянию США. Отдельные эксперты полагали, что сроки отправки ядерного топлива лишь несколько отложили⁴⁸.

⁴¹ См.: *Kerr P.* IAEA Reports Iran to UN Security Council // *Arms Control Today*, March 2006, Vol. 36, No. 2. P. 28.

⁴² См.: *Kayhan*, 16 November 2004.

⁴³ См.: *Agreement* (Paris — 15th November 2004). Information Circular/637. Date: 26 November 2004. P. 3.

⁴⁴ См.: *Kam E.* Curbing the Iranian Nuclear Threat: The Military Option // *Strategic Assessment*, December 2004, Vol. 7, No. 3. P. 1, 3.

⁴⁵ См.: *Ibid.* P. 3.

⁴⁶ См.: *Orlov V., Vinnikov A.* Op. cit. P. 63.

⁴⁷ *Shaffer B.* Will Iran Dupe the World Again? // *The Jerusalem Post*, 22 November 2004.

⁴⁸ См.: *Kerr P.* Iran, Russia Reach Nuclear Agreement. P. 35.

Таким образом, заблокировали возможность не только конверсии урана и его обогащения, но и получение ядерного топлива из России. Нет оснований сомневаться, что цель Ирана относительно создания собственного производственного цикла — ослабление зависимости от российского топлива, а по большому счету — полная энергетическая независимость ИРИ.

К декабрю 2004 года стороны подготовили соглашение о новом графике комплектации или модернизации Бушерской АЭС, согласно которому работы на АЭС планировали завершить в 2006 году⁴⁹.

Постоянный срыв сроков пуска АЭС вынудило главу Агентства по атомной энергии Ирана заявить (в конце декабря 2004 г.), что для завершения работ на АЭС Агентство в январе 2005 года подпишет протокол договора о возврате ядерных отходов. Дело в том, что в 2005-м истек срок подписанного в 1995 году контракта о поставке в Иран ядерного топлива. Тогда же, по заявлению академика А. Румянцева — главы Федерального агентства РФ по атомной энергии, российская компания «ТВЭЛ» пришла к соглашению с ИРИ относительно обеспечения ядерным топливом Бушерской АЭС и о возврате ядерных отходов в Россию. Это соглашение, как отметил А. Румянцев, по всей вероятности, планировали подписать в январе 2005 года⁵⁰. По заявлению газеты «Кейхан», подписание соглашения несколько раз откладывали под давлением США. Как полагала газета, визит А. Румянцева в Иран, который намечался на декабрь для подписания данного соглашения, не состоялся также из-за давления США. Газета полагала, что по причине американского прессинга и в связи с ожиданием результатов заседаний МАГАТЭ Россия часто прибегала к разным отговоркам⁵¹. Тем не менее 27 февраля, согласно заявлению А. Румянцева, Тегеран и Москва подписали контракт о поставках ядерного топлива для Бушерской АЭС (срок действия — 10 лет). Следует отметить, что, несмотря на противодействие США, выступающих против реализации этого проекта, на сей раз администрация Белого дома не осудила заключение контракта. Было решено отправить первую партию топлива за шесть месяцев до пуска в эксплуатацию Бушерской АЭС (в конце 2006 г.)⁵².

Приход к власти в Иране ультраконсервативного правительства Махмуда Ахмадинежада и российско-иранское ядерное сотрудничество

Приход к власти в Иране ультраконсерватора Махмуда Ахмадинежада (в конце июля 2005 г.) не изменил позицию РФ по ядерной программе ИРИ, даже несмотря на провозглашенное Тегераном намерение возобновить в начале 2006 года работы по обогащению урана. Основным доводом в пользу поддержки Россией ядерной программы ИРИ, как и прежде, было членство Ирана в Договоре о нераспространении ядерного оружия.

⁴⁹ См.: Kayhan, 12 December 2004. P. 1—2.

⁵⁰ См.: Kayhan, 26 December 2004. P. 3.

⁵¹ См.: Ibidem.

⁵² См.: Kerr P. Iran, Russia Reach Nuclear Agreement. P. 35.

На всем протяжении иранского ядерного кризиса Москва выступала против передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН, мотивируя это тем, что общий контроль над ядерными программами должно осуществлять МАГАТЭ. Следовательно, по мнению РФ, вопрос состоял в установлении технического контроля, а поскольку контроль над ядерной программой — вопрос технический, его и следовало решать в стенах данной организации. Исходя из этого, передача вопроса об иранской ядерной программе на обсуждение Совета Безопасности была не конструктивным решением, а сугубо политическим. Взгляды Москвы и Тегерана на этот вопрос полностью совпадали⁵³, благодаря чему уже тогда правительство Махмуда Ахмадинежада заняло жесткую позицию в переговорном процессе с Западом.

В результате ужесточения внешнеполитической линии Тегерана в августе 2005 года, несмотря на обещаемые Евросоюзом стимулы, в том числе экономические, в ответ на прекращение Ираном программы обогащения урана, ИРИ возобновила ее⁵⁴. Точнее, 8 августа возобновил работу Исфаганский конверсионный завод, являющийся одним из важнейших звеньев в исследованиях по обогащению урана. Тогда специалисты полагали, что у Ирана, лишенного в то время промышленных возможностей обогащать уран, не было неотложной нужды в продукте его конверсии — гексафторидном газе. Таким образом, возобновив работу конверсионного завода, Тегеран фактически нарушил подписанное им Парижское соглашение 2004 года. Последовала негативная реакция Совета управляющих МАГАТЭ, который 11 августа 2005 года принял резолюцию, призывающую Иран «установить полное прекращение всей деятельности, связанной с обогащением урана, включая опыты и производство на конверсионном заводе»⁵⁵. Однако, убедившись, что Иран не намерен сворачивать свою ядерную деятельность, Совет управляющих принял (25 сентября 2005 г.) очередную резолюцию, в которой уже была подготовлена почва для передачи Доклада о несоблюдении Ираном положений ДНЯО, что означало ввод в действие статьи XII статуса МАГАТЭ. Согласно этой статье, в случае нарушения положений ДНЯО предусматривалось передать соответствующий доклад Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН для дальнейшего решения вопроса. Несмотря на важность данной резолюции, она оставила открытым вопрос о времени передачи доклада в Совбез⁵⁶.

Чтобы «не подставлять» себя международной критике, Россия постоянно призывала Иран сотрудничать с МАГАТЭ. По сообщению информационного агентства «ИРНА», в телефонном разговоре М. Ахмадинежада и В. Путина, состоявшемся в конце октября 2005 года, президент РФ обратил внимание своего собеседника на необходимость расширить сотрудничество с МАГАТЭ⁵⁷. Участились визиты руководителей совбезов обеих стран, курировавших российско-иранские (иранско-российские) ядерные отношения; в частности 11 ноября в Тегеран с трехдневным официальным визитом прибыл секретарь Совета Безопасности РФ Игорь Иванов, который целью своего визита назвал желание России содействовать конструктивным переговорам между Ираном и Евросоюзом. Следует отметить, что срыв графика завершения строительства АЭС российская сторона в очередной раз объяснила недоработкой технических вопросов⁵⁸.

⁵³ См.: Kayhan, 16 October 2005.

⁵⁴ См.: *Kimball D.G.* Solving the Iranian Nuclear Puzzle // *Arms Control Today*, March 2006, Vol. 36, No. 2. P. 3.

⁵⁵ См.: *Welsh S.C.* IAEA on Iran: Recent and Pending Action and Legal Parameters. Center for Defense Information, 2 February 2006. P. 4 (Internet online).

⁵⁶ См.: *Ibid.* P. 1—3.

⁵⁷ См.: *Ettelaat*, 27 October 2005 (на перс. яз.).

⁵⁸ См.: *Ettelaat*, 13 November 2005.

В начале декабря 2005 года Иран выразил готовность возобновить переговоры с Евросоюзом о своей ядерной программе, прерванные ИРИ в августе того же года. Тогда Россия взяла на себя ответственность за налаживание контактов между Ираном и Евросоюзом. Благодаря ее усилиям вопрос об иранской ядерной программе остался в рамках МАГАТЭ.

В конце года все интенсивнее стали обсуждать вопрос об обогащении урана на территории России, инициированный, по утверждению иранской прессы, США и Евросоюзом. Высказывалось предположение, что, если Иран откажется принять это предложение до заседания Совета управляющих МАГАТЭ (24 ноября того же года), США и Евросоюз передадут на рассмотрение Совета Безопасности ООН вопрос о введении экономических санкций против ИРИ⁵⁹. В конце декабря был подтвержден факт передачи Россией предложения об обогащении урана на ее территории⁶⁰.

Предложение РФ об обогащении урана и создании совместного производства на ее территории

Отказ Тегерана прекратить работы по обогащению урана завели переговоры с Западом в тупик. Тогда для выхода из сложившегося положения РФ предложила создать на своей территории совместное (российско-иранское) производство по обогащению урана, на что последовал категорический отказ официального Тегерана⁶¹. И 10 января 2006 года Иран снял пломбы с оборудования, установленного на производстве по обогащению урана в Натанзе.

Как и следовало ожидать, состоявшиеся буквально через несколько дней в Тегеране российско-иранские переговоры по обогащению урана на территории России не принесли желаемого результата⁶². Примечательно, что через две недели представитель Верховного Совета по национальной безопасности Ирана заявил: «Тегеран не против российского плана, однако он не откажется от обогащения урана».

Между тем официальные представители ИРИ стали предупреждать мировое сообщество, что в случае передачи «иранского досье» на обсуждение Совета Безопасности ООН, Тегеран возобновит работы по обогащению урана. Вместе с тем, обыгрывая предложение РФ, Иран заявлял, что оно нуждается «в доработке и в исправлении имеющихся огрехов», то есть он, с одной стороны, не отвергал российский план, с другой — пытался затянуть решение вопроса.

23 января 2006 года министр иностранных дел РФ Сергей Лавров встретился с прибывшим в Москву заместителем министра иностранных дел Ирана Мехди Сафари, видимо, для обсуждения российского предложения⁶³. А уже на следующий день, после завершения в Москве переговоров с участием секретарей Советов по национальной безопасности России и Ирана Игорем Ивановым и Али Лариджани, стороны пришли к выводу, что

⁵⁹ См.: Ibidem.

⁶⁰ См.: Ettelaat, 25 December 2005.

⁶¹ См.: Ettelaat, 4 January 2006.

⁶² См.: Ettelaat, 10 January 2006. P. 16.

⁶³ См.: Ettelaat, 25 January 2006.

вполне возможно политическое и дипломатическое решение иранской ядерной программы в рамках МАГАТЭ. Было намечено продолжить обмен мнениями между двумя странами⁶⁴.

Совет управляющих МАГАТЭ 4 февраля принял по ядерной программе ИРИ очередную резолюцию, в которой потребовал полного прекращения работ по обогащению и конверсии, включая исследования и развитие инфраструктуры, отказа от строительства реактора на тяжелой воде, срочной ратификации и выполнения Дополнительного протокола и т.д.⁶⁵ Тем не менее министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки в конце февраля заявил в Брюсселе, что его страна продолжит ядерные исследования. Как видно из его высказываний, Тегеран хотел сохранить за собой два важнейших компонента своей ядерной программы: ядерные исследования и обогащение урана в любом масштабе. Таким образом, несмотря на подписание Ираном Дополнительного протокола, в феврале 2006 года он фактически нарушил его, в результате чего уменьшил доступ Агентства к своим ядерным объектам.

В ходе состоявшихся 20—21 февраля российско-иранских переговоров стороны договорились продолжать консультации о российском предложении. После окончания этих переговоров (они проходили в Кремле при закрытых дверях) канцелярия Игоря Иванова заявила, что принято решение продолжить переговоры⁶⁶. Однако, по заявлению одного информированного источника, Иран не собирался возвращаться к мораторию по обогащению урана⁶⁷.

Как и планировалось, 24 февраля в Тегеран для обсуждения экономических сторон двустороннего сотрудничества в ядерной сфере и вопросов, связанных с завершением строительства Бушерской АЭС, прибыл глава Росатома Сергей Кириенко. По сообщению Интерфакса, со ссылкой на российский источник, в ходе переговоров стороны даже не затронули предложения РФ по обогащению урана. По сообщению того же источника, во время поездки С. Кириенко в Бушер предстояло обсудить вопрос о начале поставок российского ядерного топлива в Иран.

Согласно заявлению Али Лариджани, основной вопрос этих переговоров — состояние Бушерской АЭС. А уже 26 февраля, вслед за завершением переговоров, в Иране объявили, что через несколько дней в Москве возобновятся переговоры по обсуждению предложения РФ. На пресс-конференции в Бушере Агазаде заявил, что стороны довольны результатами переговоров и что они обсудили российский план⁶⁸, а Сергей Кириенко добавил, что в отношении совместного предприятия нет проблем организационного, технического или финансового характера⁶⁹. Было достигнуто соглашение о поставках ядерного топлива. Чтобы снять опасения Запада, вызванные намерениями Ирана по обогащению урана на своей территории, а также найти выход из сложной ситуации, Россия намеревалась передать Ирану в частное владение свой завод по производству газовых центрифуг, на котором можно обогащать производимый в Иране гексафторид урана⁷⁰.

После публикации доклада главы МАГАТЭ Эль-Барадея об иранской ядерной программе, в котором автор не смог подтвердить ее мирный характер, В. Путин заявил, что Россия ждет от Ирана ответ на ее предложение по обогащению урана на территории

⁶⁴ См.: Ettellat, 24 January 2006.

⁶⁵ См.: *Asculai E.* After the IAEA Resolution: Iran's Road to Nuclear Weapons Remains Open // Tel-Aviv Notes, Jaffee Center for Strategic Studies, 8 February 2006, No. 160. P. 1.

⁶⁶ См.: Ettelaat, 22 February 2006.

⁶⁷ См.: Ibidem.

⁶⁸ См.: Ibidem.

⁶⁹ См.: *Kerr P.* IAEA Reports Iran to UN Security Council. P. 26—27.

⁷⁰ См.: Ibid. P. 27.

РФ. По мнению президента, этот шаг мог бы устранить имеющиеся опасения о возможности использования Ираном ядерного топлива для своей военной программы⁷¹. Тем не менее 1 марта представитель Высшего национального совета по безопасности Ирана Хосейн Энтезами признал российский план положительным при условии сохранения права ИРИ на продолжение ядерных исследований⁷².

Очередные переговоры Али Лариджани с Игорем Ивановым, состоявшиеся 1—2 марта в Москве, также не принесли ожидаемых результатов. Хотя А. Лариджани и назвал их итоги позитивными, однако, как видно из его интервью информационному агентству «ИРНА», ИРИ так и не дала своего согласия на обогащение урана в России⁷³. Между тем Москва предложила Тегерану стать совладельцем расположенного в России предприятия по обогащению урана, чтобы на месте обогащать уран, прошедший конвертацию в Иране⁷⁴. Следовательно, Россия не была против конверсии урана в самом Иране, что (наряду с признанием его права на ограниченный объем ядерных исследований) могло внести разлад в выработку общей позиции мирового сообщества относительно ядерной программы ИРИ.

По сообщениям иранской прессы, США поддержали план РФ. Однако представитель Ирана в МАГАТЭ Али Асгар Солтание заявил, что этот план приемлем лишь в том случае, если будет обеспечена независимость ИРИ в производстве и использовании ядерных технологий⁷⁵. Следует отметить, что с самого начала Иран боролся за признание его права на конверсию и обогащение урана. В этой связи на Западе высказывали определенную озабоченность возможностью вовлечь Россию в процесс конверсии и обогащения урана⁷⁶.

Что же касается самого предложения Москвы, то, по заявлению главы Комиссии по международным вопросам Государственной Думы РФ Константина Косачева, оно с самого начала не пришлось по вкусу Тегерану и было использовано иранской стороной в целях отсрочки⁷⁷.

9 марта МАГАТЭ сообщило Совету Безопасности ООН, что оно не уверено в мирном характере иранской ядерной деятельности.

В середине апреля в Москве состоялись переговоры с участием заместителя министра иностранных дел ИРИ и заместителя секретаря Высшего национального совета по безопасности Ирана, с одной стороны, и заместителей министров иностранных дел пяти постоянных членов СБ ООН, а также Германии — с другой. Подробно обсуждался вопрос об иранской ядерной программе. Шесть стран выразили свое недовольство отказом Ирана (вопреки требованиям Совета управляющих МАГАТЭ и резолюции Совета Безопасности ООН) прекратить работы по обогащению урана⁷⁸.

Тогда США в очередной раз призвали Россию прекратить сотрудничество с Ираном в ядерной сфере. В ответ на это 21 апреля директор Департамента информации и печати МИД России Михаил Камынин заявил, что бойкот Ирана возможен только в случае наличия у него военной ядерной программы. Тем не менее он потребовал от Тегерана, учитывая требования МАГАТЭ, а также с целью создания климата доверия, временно прекратить работы по обогащению урана⁷⁹. Согласно же заявлению заместителя министра

⁷¹ См.: Ettelaat, 1 March 2006.

⁷² См.: Ibidem.

⁷³ См.: Ettelaat, 2 March 2006.

⁷⁴ См.: Kerr P. IAEA Reports Iran to UN Security Council. P. 27.

⁷⁵ См.: Ettelaat, 2 March 2006.

⁷⁶ См.: Kimball D.G. Solving the Iranian Nuclear Puzzle. P. 3.

⁷⁷ См.: Ettelaat, 10 March 2006.

⁷⁸ См.: Ettelaat, 20 April 2006. P. 16.

⁷⁹ См.: Ettelaat, 22 April 2006. P. 1.

иностранных дел России Сергея Кисляка в ходе его выступления 21 апреля на конференции по международной безопасности, проходившей в Москве, в случае соблюдения Ираном моратория, эта страна, как и любой другой член ДНЯО, может продолжать ядерные исследования для законного развития технологий. По его мнению, иранский вопрос окончательно должен решиться на заседании «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Днем раньше Сергей Кириенко заявил, что Бушерская АЭС не создает никакой угрозы для ДНЯО, а также категорически отклонил требование США отказаться от Бушерского проекта⁸⁰.

Следует отметить, что за весь рассматриваемый период Россия постоянно возражала против введения международных санкций относительно Ирана и продолжала сотрудничать с ним как в ядерной сфере, так и в экспорте оружия⁸¹.

По мнению некоторых зарубежных экспертов, Ирану понадобится от 5 до 10 лет только на то, чтобы начать производство небольшого количества ядерного топлива для своей АЭС в Бушере. Вместе с тем, по заявлению официальных лиц США, Ирану необходимо столько же времени для производства ядерного оружия. Следует напомнить, что на том этапе Иран был на пороге монтажа и пуска в эксплуатацию центрифужного предприятия, благодаря которому он мог получить возможность производить обогащенный уран как для гражданских, так и для военных нужд. Кроме того, последние игнорирования Тегераном требований не только мировой общественности, но и МАГАТЭ вызывали особое беспокойство, если принять во внимание, что в январе 2006 года Тегеран самовольно снял 52 пломбы на предприятии по обогащению урана, находящемся в состоянии моратория с октября 2003-го. А в августе 2005 года возобновил работу и конверсионный завод в Исфагане. Уже к маю 2006 года Иран произвел 110 метрических тонн гексафторидного газа, необходимого для производства ядерного топлива⁸².

Под давлением международного сообщества власти Ирана стали озвучивать мысль о возможности временно прекратить работы по обогащению урана взамен на признание прав ИРИ на него, конечно с какими-то ограничениями и с некоторым ужесточением контроля⁸³. Вместе с тем жесткая позиция Ирана вынудила Соединенные Штаты, отказавшись от всяких контактов с этой страной, вместе с Европой сделать 6 июня 2006 года беспрецедентное предложение о помощи Ирану в развитии его мирной ядерной программы⁸⁴. Тем не менее Тегеран, как показали дальнейшие события, отнюдь не собирался останавливаться на полпути. Тогда 31 июля Совет Безопасности ООН принял резолюцию (№ 1696), которая предписывала Ирану приостановить всю ядерную деятельность, включая исследовательскую работу и разработки в этой сфере. Кроме того, данная резолюция призывала Иран разрешить МАГАТЭ инспекцию его ядерных объектов. Лишь при удовлетворении этих требований Совбез допускал возможность возобновления переговоров. Однако категорический отказ ИРИ от прекращения работ по обогащению урана на своей территории, объявленный 22 августа, поставил в тупик постоянных членов Совета Безопасности. 31 августа истек срок ультиматума, но и на этот раз руководители Ирана повторили свое намерение продолжить процесс обогащения урана. В отличие от США и Европейского союза (в лице его тройки) Россия заняла снисходительную позицию в отно-

⁸⁰ См.: Ettelaat, 22 April 2006. P. 1.

⁸¹ См.: *Trenin D.* Russia Leaves the West // *Foreign Affairs*, July-August 2006, Vol. 85, No. 4. P. 92.

⁸² См.: *Albright D.* When Could Iran Get the Bomb? // *Security, Science & Survival Bulletin of the Atomic Scientists*, July/August 2006. P. 28—29.

⁸³ См.: *Iran.* Country Report, August 2006. P. 19.

⁸⁴ См.: *USA Edges Towards a More Pragmatic Iran Policy* // *Gulf States Newsletter*, 29 September 2006, Vol. 30, Issue 790. P. 4.

шении иранской ядерной программы. Она, впрочем, как и Китай, категорически возражала против применения жестких мер, в том числе экономических санкций относительно Ирана⁸⁵. Такой подход России, безусловно, размывая позицию Европейского союза, давал Ирану возможность свободного маневра.

---

⁸⁵ По мнению одного из ведущих российских экспертов ПИР-Центра А.В. Хлопкова, «санкционные механизмы являются тупиковым путем разрешения кризиса вокруг ядерной программы Ирана. Противоречия по возможному списку санкций между постоянными членами СБ ООН слишком велики, для того чтобы позволить выработать «сильную» резолюцию, а сам механизм санкций не является достаточно эффективным в отношении энергетических гигантов» (Russia Today, 5 сентября 2006 [Интернет-онлайн]).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Зариф АЛИЗОДА

*кандидат юридических наук,
госссоветник Президента РТ по вопросам юстиции
(Душанбе, Таджикистан)*

Парламентаризм как особый политический институт, со всеми его принципами и ценностями, вошел в теорию и практику государственного строительства постсоветских стран, в том числе Таджикистана, лишь в 1990-х годах. В полном понимании этот институт был чужд советской системе организации государственной власти, которая многие его черты объявила буржуазными и реакционными. Ведь советский строй считал буржуазную государственную машину, да и всю досоциалистическую государственность, эксплуататорской, противостоящей интересам трудового народа. Потому в СССР и не воспринималось все созданное до Октябрьской революции в сфере теории и практики парламентаризма.

В связи с этим советская власть строилась на противоположных буржуазной организации власти идеях и принципах. Это, в свою очередь, привело к тому, что все хорошее и плохое, накопленное веками, признавалось чуждым интересам пролетариата.

Советы народных депутатов, избираемые народом, считались проявлением его полновластия, органами, правомочными решать важнейшие вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства¹.

Высшим органом государственной власти Республики Таджикистан (как и в других советских республиках) считался Верховный Совет, уполномоченный решать все вопросы, отнесенные к ведению республики². В круг этих полномочий входило руководство

¹ См., например: *Шевцов В.С.* Общественно-политическое устройство СССР. М., 1978. С. 56—68.

² См: Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики. Душанбе, 1978 (ст. 56).

всеми вопросами государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, а также формирование исполнительных, распорядительных и контрольных органов, подотчетных им³. В то же время полновластие народа и его представительных органов было формальным, нереальным, лишь зафиксированным на бумаге. На самом же деле всеми сферами общественной и государственной жизни руководили КПСС и ее структуры на местах.

Демократические процессы и перемены, происходившие в конце существования советского общества, вывели эти изъяны на поверхность, и были предприняты попытки исправить положение. Так, в постановлении ЦК КПСС от 25 июля 1986 года «О дальнейшем совершенствовании партийного руководства Советами народных депутатов», а также в совместном постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС», в частности, отмечалась необходимость избавляться от мелочной опеки, дублирования и подмены Советов партийными органами, говорилось о расширении полномочий Советов и повышении их ответственности за все сферы жизни на их территории⁴. Но эти попытки и косметические меры, как показала жизнь, были явно недостаточными, надо было кардинально менять всю систему.

После распада Советского Союза Республика Таджикистан, приобретая свою независимость, последовательно пошла по пути современного парламентаризма, укрепляя его основу и другие предпосылки для становления данного института. Для современного парламентаризма характерны следующие признаки: организация и функционирование на основе принципа разделения властей и верховенства закона; наличие постоянно действующего парламента и необходимых для его функционирования полномочий; специфические формы и методы работы и особые отношения депутатов парламента со своими избирателями. Процесс становления парламентаризма в Таджикистане и отдельные его стороны имеют свои особенности, связанные со специфическими условиями страны.

Важное место в эволюции парламентаризма, возникновении представлений и идей о нем и законодательной власти занимает Декларация о суверенитете Таджикской ССР, принятая 24 августа 1990 года⁵. Объявляя государственный суверенитет, Декларация признала и закрепила общепризнанные принципы и нормы организации, функционирования государственной власти, в том числе относящиеся к парламентам и парламентаризму. Так, в пункте третьем этого документа было зафиксировано, что «государственная власть в Таджикской ССР осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную»⁶. Здесь впервые признан важнейший принцип парламентаризма, то есть принцип разделения властей и признания парламента (наряду с исполнительной и судебной ветвями власти) в качестве самостоятельной ветви государственной власти. Декларация также пополнила содержание принципа принадлежности власти народу.

Советские Конституции лишь половинчато закрепляли содержание этого принципа. Например, в статье 2 Конституции Таджикской ССР 1978 года было зафиксировано, что «вся власть в Таджикской ССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу

³ См: Там же (ст. 99).

⁴ См: КПСС о перестройке. Сборник документов. М., 1988. С. 145—147.

⁵ См.: Там же. С. 234—250.

⁶ Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР, 1990, № 16, ст. 236.

Таджикской ССР»⁷. Этот основной принцип народовластия нашел свое полное закрепление в Декларации. Так, в пункте втором говорилось, что «народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти. Народ осуществляет государственную власть как непосредственно, так и через представительные органы»⁸. Здесь, как видно, важно, что народ признается также носителем суверенитета и единственным источником государственной власти. Кроме того, было указано, что народ может осуществлять принадлежащую ему власть и непосредственно.

Закрепив эти принципы, Декларация заложила фундамент для становления парламентаризма, поскольку она, как было подчеркнуто, стала основой для разработки новой Конституции страны⁹.

Следующим важным шагом в эволюции парламентаризма стало принятие новой Конституции суверенного Таджикистана (1994 г.). Она закрепила принципы демократической и правовой государственности, которые являлись прочным фундаментом в становлении парламентаризма и формировании законодательной власти в стране. Были конституционно оформлены такие принципы, как объявление республики демократическим, правовым и светским государством; признание человека, его прав и свобод высшей ценностью в обществе; признание народа носителем суверенитета и единственным источником государственной власти; закрепление политического и идеологического плюрализма; разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; верховенство Конституции и законов; признание международных правовых актов как составной части правовой системы страны и их верховенство над законами; законность; вступление в силу законов только после их официального опубликования; участие граждан в управлении государством через своих представителей; признание парламента в качестве высшего представительного и единственного законодательного органа государства; свободный мандат и свободное выражение воли депутата; неприкосновенность депутатского мандата и т.п.

Следует отметить, что некоторые эти принципы не могли полностью соблюдаться сразу после их конституционного закрепления, поскольку общество и государство находились в состоянии перехода от советского тоталитарного строя к демократическому обществу. Еще были весьма сильны старые образы мышления и методы работы, традиции и психология советского периода. Нужно было время для их преодоления и постепенной замены новыми.

Кроме того, с обретением государственной независимости (1991 г.) в стране началось общественное противостояние, а затем разразилась Гражданская война, которые воспрепятствовали становлению парламентаризма и формированию новой государственности. Лишь после достижения мира и национального согласия (1997 г.) возникли возможности для становления этого института.

Гражданская война в стране завершилась в результате переговорного процесса и заключения Соглашения о мире и национальном согласии, подписанного 27 июня 1997 года¹⁰. В Соглашении, наряду с другими вопросами, зафиксированы и аспекты, имевшие большое значение для становления парламентаризма.

Так, третий блок повестки межтаджикских переговоров назывался «Фундаментальные вопросы конституционного устройства и консолидации государственности Республики Таджикистан», в нем были зафиксированы следующие вопросы:

⁷ Конституция Таджикской Советской Социалистической Республики. Душанбе, 1978.

⁸ Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР, 1990, № 16, ст. 236.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Усмон И. Книга о мире. Сборник документов. Душанбе, 2001. С. 396—398.

- 1) предложение о новой Конституции и пути вовлечения всех слоев таджикского общества в конституционный процесс;
- 2) о новом избирательном законе и участии всех слоев населения республики, политических партий, движений и общественных объединений в законотворческом процессе;
- 3) об организации и проведении свободных и демократических выборов в Таджикистане и т.п.¹¹

Этот блок также охватывал вопросы разработки, обсуждения и принятия новой Конституции республики, новых законов о выборах в парламент и местные представительные органы власти, вопросы проведения демократических и свободных выборов. Впоследствии (в ходе межтаджикских переговоров) эти вопросы были уточнены и конкретизированы в протоколе «Об основных функциях и полномочиях Комиссии по национальному примирению»¹² и в положении этой Комиссии¹³.

Один из вопросов, имеющий ключевое значение для становления парламентаризма и его дальнейшего развития, — создание профессионального, постоянно действующего парламента. Его профессиональный характер позволяет представительной ветви власти выполнить возложенные на нее функции.

Следует отметить, что еще до Гражданской войны этот вопрос был предметом обсуждения. Так, в продолжительных митингах, проходивших в городе Душанбе в конце 1991 года и в первой половине 1992-го, звучали требования оппозиции о досрочном роспуске действовавшего Верховного Совета и выборе нового профессионального парламента. В указе президента республики Р. Набиева от 12 мая 1992 года «Об образовании Национального собрания (Маджлиса)» было зафиксировано: «На переходный период, до выборов нового парламента на многопартийной основе, образовать Национальное собрание (Маджлис) из числа народных депутатов и представителей политических партий и движений на равной основе, являющееся органом, одобряющим законопроекты, представляемые комитетами Верховного Совета Республики Таджикистан»¹⁴. Вопросы принятия Конституции, внесения в нее изменений и дополнений, утверждение государственного бюджета не были переданы Национальному собранию, а были оставлены за Верховным Советом республики до выборов нового парламента¹⁵.

Правда, в указе прямо не говорилось о профессиональном характере будущего парламента. Однако, исходя из содержания этого документа и учитывая обстановку того времени, можно сделать вывод, что имелось в виду создание постоянно действующего парламента. Кроме того, тогда в некоторых республиках бывшего СССР уже создали профессиональные парламента, которые также оказывали определенное влияние на сторонников создания такого парламента.

Непосредственно о профессиональном парламенте было сказано в проекте новой Конституции Таджикистана, который был разработан президентской рабочей группой и опубликован в средствах массовой информации¹⁶. В ст. 7 проекта отмечалось, что «Маджлиси милли является профессиональным и постоянно действующим, избирается на 4 года и состоит из 63 народных депутатов»¹⁷. О профессиональном характере парламента было сказано и в альтернативном проекте, представленном преподавателем юри-

¹¹ См.: Там же. С. 38—41.

¹² См.: Там же. С. 335—337.

¹³ См.: Там же. С. 353—357.

¹⁴ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1992, № 11, ст. 189.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Вечерний Душанбе, 1 июня 1992.

¹⁷ Там же.

дического факультета Национального университета Р. Зойира. В нем было зафиксировано, что «Маджлиси милли является постоянно действующим, профессиональным органом, избираемым на 4 года в составе 100 народных депутатов»¹⁸.

В проекте, подготовленном коммунистами, и в проекте, опубликованном в газете «Фарханги Бадахшон», отмечалось, что только часть депутатов работает в парламенте на постоянной основе. Например, в последнем проекте подчеркивалось, что «депутат Маджлиси Оли, постоянно работающий в Маджлиси Оли, не может занимать другую должность, заниматься предпринимательской деятельностью»¹⁹. А в проекте коммунистов отмечалось, что «депутат, постоянно работающий в Верховном Совете, не может занимать другую должность, заниматься предпринимательской деятельностью, за исключением научной и творческой деятельности»²⁰.

Эти положения указанных проектов впоследствии повлияли на Конституцию 1994 года. Так, она умалчивала о профессиональном, постоянно действующем характере парламента. В ст. 49 было сказано, что «Маджлиси Оли является высшим представительным и законодательным органом Республики Таджикистан. Порядок образования и деятельности Маджлиси Оли определяется законом»²¹. Таким образом, Конституция, умалчивая о профессиональном характере парламента, как бы ссылалась на закон, определяющий порядок его образования и деятельности. Этот закон был принят 3 ноября 1995 года, однако и в нем не было сказано о профессиональном характере парламента²².

Таким образом, Конституция 1994 года не узаконивала профессиональный, постоянно действующий характер парламента Таджикистана, что стало как бы «шагом назад» по сравнению с проектом, опубликованным в 1992 году. Однако такой «отход» имел свои основания, связанные с продолжавшейся Гражданской войной, разрушенной экономикой и сотнями тысяч беженцев, покинувших пределы республики. Конечно, такие условия не могли способствовать созданию в стране профессионального, постоянно действующего парламента.

Этот вопрос был поднят в ходе межтаджикских переговоров, был одним из вопросов, по которому оппозиция хотела внести соответствующие изменения в Основной закон страны. Вопрос был связан и с тем, во-первых, в процесс принятия Конституции 1994 года основная часть оппозиции и ее сторонников находилась за пределами страны и не участвовала в голосовании по принятию Основного закона. В связи с этим в переговорном процессе было достигнуто согласие относительно того, что в Конституцию внесут поправки. Во-вторых, предложение о создании постоянно действующего профессионального парламента, как уже было отмечено, прозвучало еще в начале 1990-х годов, когда оппозиция лишь заявляла о себе. Выступая с этим требованием, она хотела провести досрочные парламентские выборы, занять определенное количество мест в парламенте и использовать его как политическую трибуну в своей политической борьбе. В то время эта идея не была реализована, поскольку политическая борьба переросла в Гражданскую войну. Но с началом переговорного процесса правительства и оппозиции этот вопрос вновь был поднят и долго обсуждался в ходе переговоров и в Комиссии по национальному примирению.

Как мы уже подчеркивали, данный вопрос в общем виде включили в третий блок повестки дня межтаджикских переговоров²³, а затем закрепили в протоколе «Об основных функциях и полномочиях Комиссии по национальному примирению» и в «Положе-

¹⁸ Народная газета, 15 июля 1992.

¹⁹ Фарханги Бадахшон, 1994, № 5.

²⁰ Зов трудящихся, 1—7 июля 1994 (на тадж. яз.).

²¹ Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 1994.

²² См.: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1995, № 21, ст. 221.

²³ См.: Усмон И. Указ. соч. С. 38—41.

нии о Комиссии по национальному примирению»²⁴. В эти документы, наряду с вопросами, связанными с внесением изменений и дополнений в Конституцию, вошли вопросы подготовки и внесения на утверждение парламента, а если потребуется, и на всенародный референдум, нового закона о выборах в парламент и местные представительные органы, а также внесения на рассмотрение представительной ветви власти предложений о дате проведения выборов нового профессионального парламента под контролем ООН и ОБСЕ при участии стран-наблюдателей на межтаджикских переговорах²⁵.

Затем этот вопрос долго обсуждали в Комиссии по национальному примирению, в которую вошли представители правительства и оппозиции для реализации соглашений, достигнутых в ходе межтаджикских переговоров.

Следует отметить, что вопрос о создании постоянно действующего, профессионального парламента был центральным в поправках, вносимых в Конституцию страны, поскольку эти изменения в основном касались представительной ветви власти.

Для подготовки проекта этих изменений Комиссия по национальному примирению разработала Концепцию предложений по изменениям, вносимым в Конституцию²⁶. После продолжительной дискуссии между представителями правительства и оппозиции Концепция была утверждена в Комиссии. В ней были закреплены следующие аспекты:

- 1) в стране должен быть создан однопалатный профессиональный парламента;
- 2) количество депутатов парламента не должно быть менее 71 и не более 80 депутатов;
- 3) не должны устанавливаться квоты регионам;
- 4) порядок избрания депутатов парламента должен быть определен в самой Конституции;
- 5) выборы депутатов парламента проводить на основе системы абсолютного большинства голосов избирателей;
- 6) учитывая, что в стране создается постоянно действующий парламента, нужно отказаться от президиума парламента и других ненужных органов;
- 7) главы дипломатических представительств страны в зарубежных странах и при международных организациях должны назначаться президентом с согласия парламента²⁷.

Концепцию направили президенту для одобрения. Ознакомившись с этим документом, он выразил свое несогласие по некоторым пунктам. Так, в его письме от 3 апреля 1999 года было сказано, что создание постоянно действующего двухпалатного парламента — это требование времени и оно приемлемо для страны²⁸, а также отмечалось, что нет возможности полностью материально обеспечить функционирование постоянно действующего парламента²⁹.

С учетом возражений президента Концепцию повторно обсудили в Комиссии по национальному примирению, где после продолжительных дискуссий ее приняли (21 июня 1999 г.). В постановлении Комиссии было сказано, что в стране создается двухпалатный парламента, нижняя палата которого будет постоянно действующей и профессиональной,

²⁴ См.: Там же. С. 335—337, 353—357.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ См.: *Достиев А. С.* Конституция Республики Таджикистан: История разработки, принятия, внесение изменений и основные понятия. Душанбе, 2001. С. 180—182.

²⁷ См.: Там же. С. 177—182.

²⁸ См.: Там же. С. 184.

²⁹ См.: Там же. С. 177—182.

а верхняя — созывной. Установили, что депутатов нижней палаты будут избирать, а членов верхней палаты — избирать и назначать. Другими словами, будет использована смешанная система выборов, где часть депутатов нижней палаты избирают в одномандатных округах, а другую часть — на основе списков кандидатов, выдвигаемых политическими партиями по системе пропорционального представительства³⁰.

На основе этой утвержденной Концепции был подготовлен проект поправок в Конституцию страны. Учитывая, что большинство ее норм, регулирующих организацию и деятельность парламента, изменится, соответствующую главу Основного закона изложили в новой редакции³¹.

Основу этой главы составляли следующие нормы и принципы парламентаризма. Парламент — Маджлиси Оли (Верховное собрание) состоит из двух палат — Маджлиси намояндагон (Собрание представителей) и Маджлиси милли (Национальное собрание). Нижняя палата — Маджлиси намояндагон действует на постоянной основе, а верхняя палата — Маджлиси милли является созывной. Депутатов нижней палаты избирают непосредственно граждане страны по одномандатным и многомандатным округам; одну часть верхней палаты избирают косвенным путем местные представительные органы, а другую часть (8 чел.) назначает президент страны. За экс-президентом страны по праву сохраняется пожизненная должность члена верхней палаты, если он сам не откажется от этого права.

Были закреплены и некоторые другие общепризнанные нормы парламентской деятельности. В частности, первую сессию нового созыва обеих палат созывает президент; очередные сессии нижней палаты как постоянно действующей палаты созывают один раз в год, продолжаются они с первого рабочего дня октября и заканчиваются в последний рабочий день июня; предусмотрены парламентские каникулы, время для работы с избирателями и т.п.

За каждой палатой закреплялись их собственные полномочия, а также устанавливались совместные полномочия палат, которые они осуществляют на совместных заседаниях. Полномочия между палатами распределялись с учетом их специфики. Законодательная деятельность закреплялась за обеими палатами и другими субъектами права на законодательную инициативу. Законодательной считалась нижняя палата, все проекты законов направляются именно в эту палату и принимаются только ею. Затем законы передают для одобрения в верхнюю палату. Исключение составляют законы о бюджете и амнистии, которые направляют для подписания и обнародования президенту.

Таким образом, впервые в республике были приняты и закреплены основные общепризнанные нормы и принципы парламентаризма, весьма важные для становления в стране этого политического института. Именно с того времени в Таджикистане начинается полноценная жизнь парламентаризма как самостоятельного института, с присущими ему свойствами, принципами и нормами.

Дальнейшее развитие принципов и норм парламентаризма закреплено и в поправках к Конституции, внесенных референдумом 2003 года³². В большинстве случаев эти изменения носили редакционный и уточняющий характер. Например, устанавливалось, что депутаты нижней палаты и члены верхней палаты должны иметь высшее образование³³. Наряду с этими поправками в главу о парламенте внесли и ряд других изменений. Так, право законодательной инициативы Конституционного, Верховного и Высшего экономического судов было исключено, а наряду с законом «О государственном

³⁰ См.: *Достиев А.С.* Указ. соч. С. 184.

³¹ См.: Там же. С. 198—209.

³² См.: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003, № 3, ст. 97.

³³ См.: Там же.

бюджете», который принимает только нижняя палата, в сферу ее полномочий передали и закон «Об амнистии»³⁴. Эти и другие изменения, в свою очередь, способствовали совершенствованию конституционных основ организации и работы парламента, открыли широкий простор для становления и развития этого института демократии в Таджикистане.

В заключение следует отметить, что становление парламентаризма и законодательной власти в Республике Таджикистан протекало не сразу, так как для этого требуется определенное время, в течение которого:

- а) постепенно преодолеваются старая психология и мышление, совершенствуются формы и методы парламентской работы;
- б) принципы и нормы парламентаризма постепенно, шаг за шагом, познаются и претворяются в жизнь;
- в) практика деятельности парламента, особенно его палаты, работающей на постоянной основе, отшлифует принципы и нормы парламентаризма с учетом реалий, специфики и особенностей Республики Таджикистан;
- г) постепенно (с учетом вышеуказанных факторов) укрепляется и совершенствуется нормативно-правовая база парламента, вырабатывается эффективная практика его взаимодействия с другими ветвями государственной власти.

³⁴ См.: Там же.

ГРУЗИЯ: ДЕВАЛЬВАЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА» И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА»

Бека ЧЕДИЯ

*магистр политических наук
(Тбилиси, Грузия)*

За последние 10 лет институты гражданского общества Грузии развивались и постепенно набирали силу, однако этот процесс проходил не совсем в правильном русле. Дело в том, что само понятие сути гражданского общества, с самого начала его вхождения в полити-

ческий лексикон страны, было воспринято неправильно. Поэтому столь естественные и традиционные институты гражданского общества, как СМИ, церковь, профсоюзы, высшие учебные и академические заведения, трактовались не должным образом. Более того, за последние годы сло-

жилась ситуация, когда даже сам термин «гражданское общество» монополизировал узкий круг общественности страны. Это повлияло на то, что институты гражданского общества до сих пор оказывают ощутимое влияние на различные сферы ее жизни, особенно на политические процессы, но не пользуются особой популярностью населения. В этом «заслуга» многолетней деятельности неправительственных организаций. Однако в данном случае речь идет о политически ангажированных институтах гражданского общества, прочно ассоциированных с теми или иными политическими силами, действующими в стра-

не, что повлияло на развитие «третьего сектора» в Грузии в виде симулятивной формы. Все, что делалось в стране от имени «третьего сектора», точнее — от имени неправительственных организаций, лишь симулировало волю гражданского общества. Такая радикальная оценка деятельности институтов гражданского общества Грузии более правдоподобно выглядит после «революции роз», которая выявила институциональные недостатки, даже неприверженность к демократическим ценностям среди НПО, до того считавших себя флагманом в процессе демократизации страны.

Типология институтов гражданского общества

Нынешние институты гражданского общества создавались во время правления Э. Шеварднадзе, особенно с 1995 года, когда после окончания гражданской войны и запрета различных военизированных формирований, действовавших вне закона, была принята первая Конституция постсоветской Грузии. Именно после этого параллельно со строительством государственных институтов постепенно возникали такие негосударственные институты, как неправительственные организации, сразу же ставшие ядром гражданского общества. Однако этому способствовало не то, что они реально выражали интересы гражданского общества, а то, что самые находчивые из них быстро завладели всеми рычагами источников финансирования.

К тому же те неправительственные организации, которые определили своей целью политические преобразования и демократизацию в стране, в большей степени имели тесные связи либо с властью, либо с оппозицией, что служило для них дополнительным источником доходов.

Чтобы яснее разобраться, что представляет собой «третий сектор» Грузии, целесообразно прибегнуть к его типологизации.

В настоящее время нет достоверной официальной статистики о количестве неправительственных организаций, но если учесть, что после «революции роз» в «третьем секторе» не наметился значимый рост как качества, так и количества, то можно судить об их численности. Дело в том, что, по некоторым источникам, в 2003 году, когда отмечался пик деятельности НПО (это год проведения т.н. «бархатной революции»), в стране было зарегистрировано более 5 тыс. неправительственных организаций¹.

Практически все они представляли (и представляют сейчас) объединения нескольких человек, более того, большинство таких структур ассоциируются даже с одной персоной. К тому же основная часть из этих 5 тыс. существует лишь на бумаге. Причину тому следует искать в мотивации их создания. Не секрет, что в большинстве случаев их главная

¹ См.: *Мелкадзе О.* Гражданское общество: Проблемы формирования. Серия политико-правовой литературы. Книга XIX. Тбилиси. 2004. С. 50.

цель — не общественные интересы и связанные с ними задачи, а материальная (в том числе финансовая) прибыль. Ведь в Грузии, как на всем постсоветском пространстве, присутствуют международные фонды, финансирующие те или иные проекты в лице и с помощью НПО. Поэтому в Грузии последние (по их отношениям с международными фондами) можно разделить на две категории: привилегированные и непривилегированные, а по специализации и содержанию задач — следующим образом:

1. НПО, занимающиеся защитой прав человека (национальные меньшинства, гендерные проблемы, свобода слова и т.п.).
2. НПО типа творческих объединений.
3. Молодежно-студенческие НПО.
4. НПО, занимающиеся научными или близкими к ним исследованиями.
5. НПО, работающие в сфере СМИ.
6. НПО экологические и т.д.

Различия между ними проявляются не только в сферах деятельности и в масштабах внешнего финансирования, но и (как ни странно) в их «исторических корнях», то есть речь идет о том, что в Грузии существуют НПО, которые считаются остатками советских времен. В частности, к таковым относятся, например, Союз писателей и другие творческие объединения. Они по своей сути представляют НПО, но из-за того, что в свое время они служили коммунистическому режиму, а целью их работы был контроль над людьми творческими, в постсоветский период они оказались на втором плане. Хотя до «революции роз», при режиме Э. Шеварднадзе, эти творческие структуры финансировались из государственного бюджета и существовали по советской инерции².

Однако после революции власть прекратила их финансирование и начала экспроприировать их имущество, например, летом 2007 года Министерство экономики страны отняло у Союза писателей фешенебельный офис в центре Тбилиси.

Но из организаций, доставшихся республике от советского наследия, особенно нужно выделить Объединенные профсоюзы. В западных странах профсоюзы представляют собой главный компонент «третьего сектора» и движущую силу гражданского движения. По советским стереотипам в Грузии профсоюзы не до конца воспринимаются как институт гражданского общества. В этом виноваты сами профсоюзы, по инерции функционирующие бюрократически. До «революции роз» председатель Объединенных профсоюзов Грузии даже регулярно присутствовал на заседаниях правительства страны почти как государственный чиновник. И хотя после революции сменилось руководство профсоюзов, а сами эти организации по своей деятельности формально приблизились к НПО, они и сегодня не играют весомой роли в гражданском движении страны. А ведь, согласно некоторым данным, по своей численности Объединенные профсоюзы — самая массовая организация страны. В этом плане особенно выделяется Профсоюз работников просвещения, объединяющий (по его же данным) 141 тыс. чел.³ Активностью педагогов можно объяснить, что, по результатам последних социологических опросов, этот профсоюз вошел в первую пятерку по доверию населения. По другим данным, профсоюзы бездействуют, население вспоминает о них лишь 1 мая, в день международной солидарности трудящихся, когда несколько десятков активистов этого движения устраивают какую-либо акцию перед своим же офисом.

² Телекомпания «Имеди», ток-шоу «Ре-акция», 20 апреля 2007.

³ См.: Строительство демократии в Грузии. Дискуссионные материалы Кавказского института мира, демократии и развития. Серия № 1, 2003. С. 71.

Антиподами этих «реликтовых» организаций выступают НПО, возникшие в последние 10—15 лет и активно участвующие в жизни страны, особенно в политических процессах. По активности в их ряду можно выделить следующие: «Институт свободы», Ассоциация молодых юристов, «Справедливые выборы».

Их активность подкреплена значительными финансовыми потоками из разных международных структур. В стране за последние 10—12 лет обосновались финансирующие разного рода гражданские инициативы и проекты филиалы международных фондов, например: «Открытое общество — Грузия» (филиал Фонда Сороса в Грузии), Агентство США по международному развитию, Фонд «Евразия», Программа развития ООН и т.д. Эти финансовые потоки шли главным образом эксклюзивно и были недоступны для большинства неправительственных организаций.

Хорошо финансируемые НПО объявляли себя борцами за демократизацию, политические права и свободы в стране, имели эксклюзивную возможность говорить от имени гражданского общества. Особенно нужно выделить «Институт свободы», в свое время ставший флагманом борьбы против режима Э. Шеварднадзе. В этом НПО зародилось молодежное движение «Кмара», сыгравшее важную роль в период «революции роз». Именно эта революция выявила, что за 10—15 лет в стране вместо неправительственных организаций сформировались политизированные структуры, представлявшие собой первый эшелон, ударную силу политических группировок. Тот же «Институт свободы» был тесно связан с «Группой молодых реформаторов», созданной внутри власти. Эту группу возглавляли Зураб Жвания (во времена Э. Шеварднадзе он был спикером парламента страны, а после революции — премьер-министром) и нынешний президент страны Михаил Саакашвили.

Примечательно, что когда между Э. Шеварднадзе и «Группой молодых реформаторов» наметились предпосылки раскола, Министерство безопасности даже выступило с инициативой (в рамках антитеррористических мер) относительно того, чтобы принять специальный закон для контроля финансовых потоков из международных фондов. Официально эти меры нужны были, чтобы не допустить финансирования террористических групп, а в реальности они направлялись против НПО, которые материально усилились (их называли «грантоедами»)⁴. Однако Э. Шеварднадзе не успел ограничить финансовые источники НПО.

Кадровый и ценностный кризис в «третьем секторе»

После «революции роз» гражданский сектор страны оказался в кризисе. До «бархатной революции» его активная часть преследовала свои политические цели и достигла их — в 2003 году в стране сменилась власть. На какое-то время «третий сектор» вроде даже перестал существовать⁵, так как бывшие его активисты попали прямо «с корабля на бал», то есть переместились во властные структуры. Более того, НПО «Институт свободы» стал одним из главных источников их комплектования, его представители и партнеры сегодня занимают следующие посты: депутат и реальный лидер парламентского большинства — Гига Бокерия, председатель Комитета парламента по обороне и безопасности — Гиви Таргамадзе, мэр столицы — Гиги Угулава, министр внутренних дел — Иван Мерабишвили, омбудсмен — Созар Субари, генеральный директор общественного

⁴ См.: Строительство демократии в Грузии. С. 60.

⁵ См.: Неправительственный сектор ждет новых героев // Мтавари газети, 12 июня 2004.

вещания — Тамара Кинцурашвили, секретарь Совета безопасности Грузии (бывший директор филиала Фонда Сороса) — Александр Ломая, председатель Центральной избирательной комиссии — Леван Тархнишвили.

С их переходом в государственные структуры в «третьем секторе» возник вакуум. Впрочем, это было вызвано не только кадровыми потерями, но и тем, что НПО страны не до конца были структурами «гражданского происхождения». Более того, грань между неправительственными и политическими организациями была частично стерта⁶. Эта модель и схема действий характерны и для некоторых новых НПО, которые такими же методами пытаются бороться против власти и сотрудничают с оппозицией. Более того, Ассоциация молодых юристов (она по всем вопросам стремится оппонировать с властью) тесно связана с оппозиционной Республиканской партией. Власти называют эту ассоциацию филиалом республиканской партии. Кстати, эта ассоциация, создание которой возглавляли должностные лица нынешней власти и видные политики из оппозиции, в свое время сыграла большую роль в формировании новой юридической школы постсоветской Грузии, а ныне она реализует проект «Правительство Грузии под палящим солнцем». В рамках этого проекта активисты данной структуры разоблачают, по их мнению, неправомерные действия Кабинета министров, а также противозаконные расходы средств из госбюджета страны и личного фонда президента.

Другой главный оппонент постреволюционной власти — НПО «Институт равноправия», относительно новая организация, но создающая некоторые неудобства властям. Ее активисты уже несколько раз получали административные наказания — попадали в тюрьму на 30 дней. «Институт равноправия» действует по методам НПО «Института свободы», который, как мы уже отмечали, доставлял неприятности режиму Э. Шеварднадзе. А «Институт равноправия» борется против М. Саакашвили, тесно сотрудничая с его политическими противниками.

Более того, в его ряды вступил даже бывший государственный министр по урегулированию конфликтов Георгий Хаиндрава, которого два года назад освободили от должности из-за разногласий с правительством и с командой М. Саакашвили. (Брат отставного министра — один из лидеров оппозиционной Республиканской партии.)

Что касается «Института свободы», то он лоялен нынешним властям. Более того, эта НПО ныне играет роль «мозга» власти, а рычагами правления в данной неправительственной организации завладели бывшие активисты «Кмара». К тому же у этой структуры есть привилегия и неформальное право выступать с законодательными политическими инициативами, к которым власть прислушивается. Так, в «Институте свободы» подготовлен проект закона об этике для вещателей, который однозначно оценили как попытку ограничить деятельность СМИ, хотя в свое время эта организация сама выступала за свободу слова и защищала права прессы.

Это еще раз продемонстрировало, насколько неправильно развивались гражданское общество и «третий сектор». Вместо НПО страна получила высокооплачиваемые и склонные к политическим пристрастиям организации⁷.

Примечательно, что после «революции роз» (если не считать вышеназванные и некоторые другие НПО) не намечается усиления влияния гражданского сектора. Одной из причин тому можно считать финансовые средства международных доноров, большей частью контролируемые властью. Более того, после «революции роз» учредитель Фонда Сороса — сам г-н Сорос заявил, что процесс демократизации страны и поддержка гражданского сектора в таком виде, как это было до революции, уже неуместны и главная за-

⁶ См.: Большой кризис гражданского общества // Мтавари газети, 12 июня 2004.

⁷ Там же.

дача теперь поддержать властные структуры Грузии. Для этих целей Фонд Сороса некоторое время даже финансировал зарплаты министров страны.

Вот как выглядят в цифрах, например, затраты Фонда Сороса в 2003—2006 годах.

2003 год (год «революции роз»)

■ **Общий бюджет — 2 800 733 долл.**

Первые три приоритета для финансирования:

программы в правовой сфере — 587 012 долл.;

программы поддержки выборов — 332 179 долл.;

программы экономического развития — 324 тыс. долл.

2004 год

■ **Общий бюджет — 2 138 939 долл.**

Первые три приоритета:

программы экономического развития — 412 193 долл.;

программы общественного здравоохранения — 300 тыс. долл.;

программы развития информационной инфраструктуры в регионах — 289 643 долл.

2005 год

■ **Общий бюджет — 2 723 277 долл.**

Первые три приоритета:

программы публичной администрации и местного самоуправления — 546 590 долл.;

программы общественного здравоохранения — 513 828 долл.;

программы в правовой сфере — 350 757 долл.

2006 год

■ **Общий бюджет — 2 499 700 долл.**

Первые три приоритета:

программы верховенства закона и публичной администрации — 884 567 долл.;

программы интеграции и развития гражданского просвещения — 560 149 долл.;

программы поддержки гражданского общества и массмедиа — 365 431 долл.⁸

А в настоящее время международные донорские субсидии большей частью направляют в НПО, в основном занимающиеся исследовательской деятельностью. Однако, как и в предыдущих случаях, гранты эксклюзивно получают немногие организации, работающие в так называемой «экспертной сфере» и претендующие на титул «реформаторов», «прозападников» и т.д.

Они, как правило, также тесно связаны с властью и на них возложена идеологическая «обработка» аудитории с помощью СМИ. Примечательно, что эта часть гражданского сектора сформировалась как некая «каста экспертов», с одной стороны, монополизирувавшая телеэфир и страницы газет, с другой — захватившая все гранты. Но в своих исследовательских материалах они это оценивают так: «Иностранные гранты вызывают социальный протест или зависть из-за того, что доходы и условия жизни членов неправи-

⁸ См.: [www.osgf.ge].

тельствственных организаций гораздо выше, чем у большинства людей в стране»⁹. Как ни странно, но представители этих НПО признают, что наличие финансовой прибыли закрывает двери этих организаций для новых кадровых ресурсов¹⁰.

Кооптация новых кадров в уже существующие НПО происходит весьма болезненно, а большая часть вновь созданных неправительственных организаций обречена остаться без грантов, но без иностранной помощи эти структуры бездейственны, а получающие средства зачастую занимаются неактуальными для грузинского общества вопросами или их проекты носят формальный характер (конференции, симпозиумы, презентации), ориентированы не на решение стоящих перед страной задач, а стремятся максимально освоить донорские деньги. Зачастую эти средства расходуют на торжественные банкеты, а не на сами проекты. Например, плачевная ситуация наблюдается в исследовательских НПО, весьма интенсивно издающих книги своих же авторов, отличающихся непрофессионализмом.

Примечательно, что после «революции роз» большинство средств доноров, предназначенных для политизированных проектов, переориентировали именно на научно-исследовательские темы. Это обусловлено тем, что часть привилегированных НПО, которые раньше объявляли себя борцами за демократизацию страны, прозападниками, переместилась в академические учреждения и захватила рычаги правления в академических структурах.

Для институтов гражданского общества одной из главных проблем стала коррупция среди сотрудников офисов иностранных фондов. По большей части гранты получают НПО, представители которых сами же входят в правление этих фондов, то есть получается замкнутый круг, выхода из которого пока что не видно.

«Лидеры мнения» или «квазиэксперты»: фальсификация гражданского сознания в массмедиа

Гражданское общество Грузии имеет свое конкретное имя. Дело в том, что СМИ активно поощряют, популяризируют одних и тех же лиц, используют их общественно-политические комментарии, что особенно характерно для телеканалов. После просмотра телепередач создается впечатление, будто в стране нет деятелей искусства и литературы, которых уважают, ценят, прислушиваются к их мнению. На телеэкране постоянно мелькают одни и те же представители этих сфер.

СМИ оправдываются тем, что, рекламируя этих лиц, они ссылаются на их авторитет, то есть считают их выразителями воли гражданского общества, «лидерами общественного мнения».

Кстати, отечественные электронные СМИ делят таких «лидеров мнения» или защитников интересов гражданского общества на следующие категории: эксперты (политологи, экономисты); узкий круг журналистов-коллег; творческие деятели (писатели, режиссеры, художники и т.д.); спортсмены; представители шоу-бизнеса.

Это те лица из узкого круга, которых электронные СМИ называют «популярными» и которым дают возможность и привилегию с телеэкрана говорить с аудиторией от имени гражданского сектора. В связи с этим гражданское общество отчуждается от СМИ,

⁹ Строительство демократии в Грузии. С. 59.

¹⁰ См.: *Тевзадзе Г.* Грузия: «Возвращение власти». Тбилиси, 2003. С. 77 (на груз. яз.).

поскольку последние сформировали свое «микрогражданское общество», некий виртуальный мир для себя, даже не пытаются искать новых лиц из гражданского общества.

Порой представители гражданского общества предстают перед населением и как активисты «третьего сектора», и как ученые, и как журналисты (и как все это вместе взятое). Например, представители одного НПО контролируют множество фондов, университетов, даже общественное телевидение. Телевидение мы упомянули не случайно: в свое время оно способствовало выдвижению этих НПО на общественную арену и назвало их «гражданским сектором».

Впоследствии эти неправительственные организации и объединенные в их рядах так называемые «эксперты» полностью монополизировали общественную сферу. С одной стороны, связь СМИ и НПО, составляющих ядро «третьего сектора», можно считать естественной. Но в Грузии политизированные СМИ используют политизированные НПО в политических целях или, наоборот, НПО используют СМИ и симулируют реальность, в которой голос общественности не слышен. Так, от имени гражданского общества говорят не те... а у тех, у которых есть воля к общественному движению, не хватает финансовых средств для организационной работы на благо общества. А что самое главное, для них закрыты двери таких институтов гражданского общества, как, скажем, СМИ.

Например, на общественном телевидении каждый вечер выходит программа «Комментарий дня», где в качестве специалистов выступают одни и те же «эксперты», пытаясь «просветить» население в вопросах политической жизни страны. Зачастую доходит до курьезов. Так, через несколько минут после окончания одной передачи ведущий и приглашенный эксперт «меняются местами», в той же студии начинается другая аналитическая программа, где в роли ведущего предстает эксперт, а в роли эксперта — ведущий. Такие «эксперты» комментируют все — от вопросов интеграции Грузии в евро-атлантические структуры до проблем глобального потепления или падения динамики репродуктивной функции женщин. Недавно в радиопередаче учредитель одного «экспертного» НПО анализировал экономическую ситуацию в стране, а когда радиослушатель позвонил в прямой эфир и задал ему весьма компетентные вопросы по обсуждаемой теме, эксперт ответил: «Я в финансовых вопросах не разбираюсь, я ведь экономический эксперт». На такие «экспертные» НПО приходится большая часть гражданского сектора страны и, как показывает практика, в этом деле главное деньги или хотя бы контакты с массмедиа. Поэтому некий эксперт, не имеющий ни профессиональных знаний, ни опыта, может стать «лицом» гражданского общества.

К сожалению, грузинские СМИ склонны брать интервью у представителей НПО с серьезным названием, скажем, начинающимся со слова «Международная», которое «магически» действует на многих (по крайней мере на провинциально мыслящую часть общества), и пресса с удовольствием их тиражирует. Но здесь все же есть одно правило: мысли, высказанные в средствах массовой информации представителями тех или иных НПО, должны соответствовать интересам тех или иных СМИ, которые, со своей стороны, должны сочетаться с целями заказчиков этих СМИ. Поэтому в Грузии НПО (наряду со СМИ) выступают не в роли защитников интересов гражданского общества или «гласа народа» а, наоборот, их политическая роль состоит в помощи пропаганде и поддержке тех или иных групп в процессе ведения ими политической борьбы.

Это во многом подтверждают состоявшиеся 5 января 2008 года досрочные выборы президента страны, после которых были проведены кадровые перестановки во властных структурах. Это выявило, что в республике, в частности у ее политической элиты, есть весомые сомнения относительно тех представителей НПО, которые в амплуа экспертов за последние годы с помощью СМИ превратились чуть не в духовных «наставников»

общества. Самый активный круг этих лиц или «экспертов» в недалеком прошлом выступал в СМИ от имени профессиональных (например, политологических) и общественных кругов. Но последние президентские выборы дали оппозиции повод обвинить этих представителей НПО в тесном сотрудничестве с властью, даже «прилепить» им статус сателлитов власти. Этот вопрос особенно обострился в связи с тем, что в процессе выборов президента вместе с иностранными наблюдателями участвовали представители 44 отечественных неправительственных организаций¹¹. Наиболее активную их часть представляли те, кто косвенно поддерживал нынешние власти страны. Но самое большое возмущение вызвало то, что в ходе выборов параллельный подсчет голосов, то есть проведение экзитполов, организовала НПО (хотя заказчиками этого проекта выступали три телеканала страны), которую возглавляет супруга председателя Центральной избирательной комиссии Левана Тархнишвили. Но еще одним сюрпризом стало назначение на министерские посты (сразу после окончания этих выборов) двух экспертов-политологов, активно участвовавших в параллельном подсчете голосов. Эти лица от имени гражданского сектора и общественности наблюдали за тем, насколько правильно проводили экзитполы. Кстати, их результаты почти совпали с официальными итогами выборов. У оппозиции остались сомнения (их огласили по всем телеканалам), что результаты экзитполов послужили для власти дополнительным аргументом в отрицании обвинений о массовых фальсификациях результатов выборов¹². Эти назначения вновь вызвали в политических кругах и в СМИ дискуссии относительно кризиса в «третьем секторе».

З а к л ю ч е н и е

Создается впечатление, что в политической и общественной жизни страны практически осталось два основных игрока: власть и оппозиция. А институты политической системы, которые по своей сути должны быть независимыми от этих игроков, преследовать свои интересы, в том числе отстаивать демократические ценности, утратили свои позиции.

Таким образом, в стране за последние годы возросло влияние некоторых институтов гражданского общества. Однако это не повлияло на реальное оживление общественного движения, которое должно быть независимым от правительственного сектора или от других политических субъектов (например, от политических партий, элит и т.д.). Наряду с этим существует значительный ресурс (правда, еще не освоенный) в виде так называемого «общественного капитала», который рано или поздно наберет силу и заменит «суррогат третьего сектора».

---

¹¹ См.: Выступление президента Грузии М. Саакашвили на Парламентской ассамблее Совета Европы, 24 января 2008 года.

¹² Телекомпания «Рустави-2». Передача «Прайм-тайм», 28 января 2008 года.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

СЕКУЛЯРИЗМ И ПРОБЛЕМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ (*опыт Центральной Азии*)

Бахтияр БАБАДЖАНОВ

*доктор религиоведения,
научный сотрудник Института востоковедения
Академии наук Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)*

Идеи о гражданском обществе, демократических ценностях, конституционном строе, отделении власти от религии — производное светских (преимущественно европейских) культурных ценностей, которые в той или иной степени приняты как ориентиры в большинстве постсоветских государств. Однако в этом плане имеются особенности, в частности возникшие в связи с возрождением религии и религиозных ценностей. Точнее, это возрождение порождает некоторые проблемы. Например, открытый и скрытый конфликты религиозных фундаменталистов и сторонников светского развития, представляющих политический истеблишмент стран ЦА, либо не всегда осознанная апелляция политиков к исламским ценностям.

В известном смысле «микрokonфликты» такого рода естественны, они проистекают из различной природы культуры либерализма и религиозной культуры. Одно из этих различий — духовная сфера, на монополизацию которой претендуют боги-слова. И здесь они имеют преимущественную позицию, так как религия — носитель сакральных предписаний. В этом смысле возрождение исламских ценностей и, так сказать, их использование как дань существующей в регионе конфессиональной ситуации также порождает некоторые неразрешимые противоречия. Например, пропаганда государствами религиозных духовных ценностей и восприятие их в мусульманской среде превращают религию в идеологию, которая, в свою очередь, влия-

ет на формирование жизненных ориентиров, в том числе на политические предпочтения значительной части граждан. Именно с этого момента начинается скрытый конфликт ценностей и ориентиров. И любое государство, избравшее светский путь развития, при наличии значительного числа верующих в стране, всегда находится на этой малозаметной грани.

Эти проблемы актуальны и для стран ЦА, а обозначенные противоречия ныне реальность для всех государств региона. В разрешении конфликтов в этой сфере помогает обращение к нашему национальному опыту, традициям, обычаям местной мусульманской общины, которая в исторической перспективе научилась жить в поликонфессиональной среде. Хотя и это приводит к конфликтам в среде богословов, так как они по-разному оценивают допустимые пределы сближения с представителями иных конфессий, по-разному смотрят на свое колониальное прошлое, или национальные особенности, обычаи и обряды местных народов, либо возможности сочетания обычаев с установками шариата.

Тем не менее одна из основных проблем в этой сфере — **межконфессиональная терпимость**. Мы часто слышим от богословов разных конфессий, что они готовы к диалогам, а толерантность — это суть их религии. Однако, на мой взгляд, это довольно часто выглядит как дежурная риторика и декларации и не становится реальной нормой религиозной жизни, тем более общественной. Чем это вызвано? Здесь я хотел бы предложить свое видение проблемы межконфессиональной терпимости или, наоборот, источников межрелигиозной нетерпимости в республиках ЦА.

Итак, речь идет об одном из главных ориентиров в системе секулярных ценностей — это призыв к толерантности, в первую очередь к носителям иных конфессий, культурных ценностей, этносов. Здесь, мне кажется, специфика связана с нашим недавним прошлым. Я имею в виду репрессии и советскую политику атеизма, сформировавшие по меньшей мере насторожен-

ное отношение религиозных интеллектуалов к секулярным (или либеральным) ценностям, общественным и политическим институтам. То же касается и степени толерантности части богословов. Для иллюстрации достаточно просмотреть издаваемую в регионе мусульманскую религиозную литературу. Немного забегая вперед, отмечу, что есть большая разница между публичными декларациями многих религиозных лидеров (носящими скорее политический характер) и теми идеями, которые открываются при чтении легально и нелегально публикуемой сейчас мусульманской литературы, вышедшей из-под пера современных мусульманских богословов региона. Объективное исследование такой литературы вынуждает вносить серьезные коррективы в понимание реальных, но подспудных аспектов религиозного сознания и религиозной жизни местной общины, по крайней мере, значительной части богословов, издающих разные сочинения. Могу сказать, что после такого исследования у меня появился некоторый скепсис относительно декларируемой межконфессиональной толерантности в регионе.

Здесь я приведу лишь некоторые примеры, точнее — два фрагмента из комментариев Корана (*тафсир*) знаменитых богословов региона. Они, как мне кажется, точно иллюстрируют мои предыдущие и последующие тезисы. Я специально выбрал комментарий 120-го айата суры «ал-Бакара», где, напоминая, речь идет об отношении мусульман к «неверным». Итак, в изданном официально комментарии Корана нашего самого знаменитого богослова, шейха Мухаммад-Садыка Мухаммад-Юсуфа читаем:

«Из этого и прежних айатов, а также из современного опыта становится ясно, что неверные не оставят нас в покое. Они будут вести всякие враждебные действия против мусульман во всех сферах. ...Но не стоит надеяться, что они будут довольны, так как они будут довольны только в том случае, когда мы последуем их религии. По-другому мы им никогда не по-

нравимся. И в истории и сейчас иудеи и христиане враждуют друг с другом. Но против мусульман они сразу объединяются в единый блок. Они стараются вывести мусульман из своей религии. А мусульмане, чтобы как-то договориться с ними, идут на всякие переговоры и диалоги. Ах, если бы это принесло пользу! Ведь основная цель евреев и христиан не взаимопонимание. ...Но... путь Аллаха — единственно правильный путь. Не надо думать ни о чем другом. Только так! Никуда не следует сворачивать! И поэтому нет никакой необходимости во взаимопонимании с ними (неверными). Ведь известно, что поиск взаимопонимания и попытки угодить чужим приведет (нас) к катастрофе. И нет большей катастрофы (для нас), чем поиск компромисса с неверными...»¹.

Лет 15 назад этот же аят прокомментировал другой богослов региона Абдували-кори Мирзаев:

«Исламские предписания истинны, даже если они кому-то не нравятся! Все другие правила общественного устройства не стоят и ломаного гроша! ...Если кто-нибудь хоть что-то маленькое заимствует у неверных, значит его путь — это путь неверного! Пусть такие мусульмане запомнят, нужно либо быть мусульманином, либо неверным! Другого пути нет! Не следуйте за ними и не отказывайтесь от своей религии! ...Если вы отказываетесь от своего пути — вы отказываетесь от Аллаха! ...Но самые большие враги ислама — это те из мусульман, кто берет себе в друзья евреев и христиан, заимствует их правила, обычаи и политические системы. ...Они думают, что если они договариваются с евреями и христианами, то не продают свою религию... Нет! Они ее продают. С неверными нельзя договориться! ...Подражать неверным, заимствовать что-то из их «культуры» — это и есть следование за ними, за их верой... Сегодня евреи и христиане осуществляют свои коварные планы под прикрытием раз-

ных «культурных обменов», «диалогов», «политических и культурных союзов»... Но они все это делают против ислама, запомните это! ...На самом деле противостояние между евреями, христианами, с одной стороны, и мусульманами, с другой — это не расовое или географическое противостояние, это противостояние религий. И это запомните хорошенько! Только в разные эпохи этой борьбе давали разные названия, а суть была и есть одна и та же...»².

Далее в этом же комментарии читаем еще более резкие, даже агрессивные призывы дистанцироваться от «неверных» в любых обстоятельствах. Например, обратимся к суре «ал-Бакара» (№ 2), айатам 11 и 12. Комментарий направлен одновременно против «модернистов» (=Islohatchilar, то есть против реформаторов в широком смысле этого слова), против светских правительств и тех религиозных деятелей, кто лоялен к светским формам правления. Или в комментариях к айатам 26, 27 той же суры автор утверждает, что способ решения межнациональных конфликтов должен основываться только на законах ислама: *«Ислам не знает расизма, национализма. Ислам знает только две нации — исламскую нацию и нацию неверных»³. Какая бы нация не приняла ислам, мы признаем ее исламской нацией...»*

Из комментария к айату 107 (та же сура № 2):

«...В этом мире есть много таких, кто называет себя «мусульманами», но берет себе в друзья врагов Ислама и мусульман. Ради финансовой и другой помощи от неверных, они отказываются от исполнения законов ислама. Но мусульманин должен хорошо знать, что неверные никогда не были и не будут друзьями ислама. ...Мусульмане должны помнить, что только исполнение законов Аллаха остановит врагов ислама и мусульман. Не надо ждать помощи от врагов ислама!»

¹ Шейх Мухаммад-Садык Мухаммад-Юсуф. Тафсири Хилол. Ташкент: Мавороуннахр, 2005 (Бакара, 120-й аят).

² Абдували-кори (Мирзаев). Тафсири Фуркон. Мадинаи Мунаввара. 2005 (издатель — ‘Абд ал-Куддус — сын ‘Абдували-кори).

³ Подчеркнуто в оригинальном тексте.

Из комментария к айату 108 (сура та же):

«Те, кто говорят, что вместо Великого Корана и шарии'ата выбрали разные «импортные» пути и (политические) системы и говорят, что «мы пойдём по пути светского развития», те, вместо единого Аллаха, верят в угнетателей и смутьянов...».

Из комментария к айату 109 (сура та же):

«Эй, мусульмане, неверные давно хотят вас свернуть с пути и с предписаний истины веры. ...Неверные хорошо понимают, что если вы воплотите в жизнь веления Аллаха, то им не останется никакой возможности подчинить вас. Это им не даёт покоя!.. Отвернитесь же от неверных! Не равняйтесь на них! ...Аллах способен их всех уничтожить одновременно. Будьте с Аллахом, но не с ними! ...не думайте, что можно с ними иметь взаимоотношения и при этом сохранить свои интересы. Это не так!»

Далее снова осуждаются исламские государства, поддерживающие культурные и политические связи «со странами неверных». Автор считает, что эти связи должны ограничиваться только экономикой, обменом товарами и ресурсами «на выгодных мусульманам условиях». Осуждаются и мусульманские государства, замещающие политические и общественные институты и структуры, «придуманные неверными».

Такие же резкие выпады против «неверных» мы находим и в некоторых других изданиях, например в узбекском переводе знаменитого в арабских странах богослова-салафита Мухаммада Захида ибн Ибрахима ал-Бурсави⁴. И этот список можно продолжить, привлекая соответствующие издания религиозной мусульманской литературы в Казахстане, Кыргызстане или Таджикистане⁵.

⁴ См.: Мухаммад Зохид ибн Ибрахим ал-Бурсави. Му'миннинг сифатлари. Ташкент: Мавороуннахр, 2005. С. 8, 19, 34 и т.д.

⁵ В настоящее время автор этих строк готовит обширное исследование официально и нелегально изданной религиозной литературы в регионе ЦА.

Совершенно очевидно, что такого рода цитаты отдаляют от квиетизма, который публично провозглашают некоторые мусульманские лидеры и который хотелось бы видеть в исламе. Тем более трудно сочетать с такой позицией собственно идею о толерантности, понятие о которой в исламе, естественно, не совпадает с секулярными ценностями. Можно также сказать, что подобные взаимные выпады в религиозной литературе — обязательная черта всех монорелигий вообще, если вспомнить, например, высказывания Папы Римского в адрес Пророка Мухаммада, либо давние и уже традиционные взаимные выпады иудейских и мусульманских богословов. Такие позиции давнего взаимного неприятия можно воспринимать как исторические родимые пятна.

Однако приведенные фрагменты вышли из-под пера наиболее авторитетных в регионе богословов, для которых догма и собственное понимание священных текстов остаются основным ориентиром. А самое главное, такого рода толкования (в печатном и электронном виде) становятся мотивацией и обоснованием крайне нетерпимой позиции многих молодых мусульман, особенно в южных районах Казахстана и Кыргызстана, а также в Узбекистане. Это я наблюдаю почти каждый день.

Во всяком случае заметно, что в среде современных мусульманских авторов региона отношение к этой догме появилось под влиянием богословов прошлого, в основном радикальных реформаторов западных частей исламского мира, позиции которых, в свою очередь, сформированы под влиянием антиколониальных и антизападных движений начала XX века. Естественно, в этих идеях нет места толерантности, что также следует воспринимать как некое эндогенное (врожденное) родимое пятно, оставшееся после тех вызовов, которые пережил и переживает исламский мир в период колонизации и неокolonизации.

Есть другие проблемы в использовании и интерпретации приведенных выше и подобных источников, относящихся к процессу реисламизации в республиках ЦА. Я

имею в виду **серьезную разницу** между публичной декларацией и воззваниями к «своей аудитории» (в виде легальных и нелегальных публикаций). Дело в том, что нынешние богословы региона научились использовать современные средства информационных коммуникаций в своих интересах. В какой-то мере это естественный результат политизации части исламских лидеров ЦА или реакция на излишнее, подчас неуместное увлечение некоторых политиков стран региона исламской риторикой.

Что касается собственно религиозных деятелей, то я считаю, что необходимо различать их неоднобразно отображенные позиции в публикациях, особенно в Интернете, которые рассчитаны, скорее, на политическую интригу. Иногда создается впечатление, что и сами религиозные деятели не всегда осознают, что они — часть информационной войны и используются как инструмент интересов крупнейших держав, так или иначе противостоящих друг другу. А иногда думается, что богословы сознательно участвуют в «Большой игре». Это же можно сказать и о риторических заявлениях некоторых религиозных лидеров, рассчитанных на широкую публику, на международные СМИ или сделанных на международных симпозиумах и конференциях. Здесь, естественно, многие религиозные лидеры стараются продемонстрировать собственную толерантность, готовность к диалогу, политическую лояльность, лишь формально отстаивая свою изолированную исламскую идентичность. Понятно, что в этом случае религиозные лидеры, вовлекаемые в региональную или международную политику, ищут защиты от своих режимов у международных организаций, особенно правозащитных. Тем более что они уже прекрасно ориентируются в политической подоплеке «Большой игры» и научились использовать ее информационный аспект в своих целях. Этот процесс можно воспринимать как совершенно естественное последствие политизации ислама во всем мире. И попытка вовлечь его в диалог — фактор вполне положительный.

Однако проблема, по моему мнению, совсем в другом. Как показано выше, многие из этих религиозных лидеров в своих публикациях или хутбах, рассчитанных на «собственную аудиторию», излагают противоположные идеи и призывы, основанные скорее на почти **тотальном отчуждении** от немусульман. Нет нужды доказывать, что отчуждение всегда остается благодатной почвой для конфликтов, религиозного экстремизма и радикализации. Как мы отмечали выше, некоторые богословы (причем наиболее авторитетные) открыто призывают отказаться от диалогов с немусульманами, подспудно разжигая межрелигиозное противостояние. И, по моим наблюдениям, это отчуждение порой перерастает в скрытую или открытую агрессию неисключенного читателя, особенно молодого.

Именно поэтому нужен, как говорят специалисты, дифференцированный подход к источникам, то есть следует отделять широкую публичную (информационную) риторику от апелляций к «своей аудитории». Такой подход поможет корректнее оценить, где **кончается политическая игра определенного религиозного лидера и где начинается его идеология**. И здесь не следует ограничивать оценки обычным религиозным лицемерием, характерным для представителей многих конфессий. Совершенно очевидно, что такие двойственные позиции религиозных лидеров (как следствие их политизации) каждый исследователь должен оценить сам. Я говорю лишь о методе оценок и интерпретации источников информации не только декларируемых, но и рассчитанных, так сказать, «на собственную аудиторию».

Однако в условиях ЦА упомянутое конфессиональное отчуждение имеет еще и собственные исторические корни, которые тоже следует иметь в виду. Да, наши традиции и обычаи, наша естественная открытость определены (в том числе географической спецификой). Мы всегда находились и до сих пор находимся, как ныне часто декларируют, на стыке цивилизаций, культур и религий. Хотя отношения местных мусульман с представителями иных

конфессий и этносов не всегда были мирными. А в последние 150 лет нам приходилось отстаивать собственную культурную, политическую самостоятельность и самобытность, в том числе религиозную идентичность. И чаще всего сохранение собственной культуры (особенно религии) происходило в виде адаптаций, которые всегда рисковали перерасти в ассимиляцию. Кроме того, следует иметь в виду, что по причине большевизации региона местный ислам не прошел естественной эволюции либо адаптации к современным условиям (в связи с атеистической политикой в прошлом), а реформаторское движение (прежде всего джаиды) тоже было подавлено. Нарушена и традиция интеллектуального творчества. За весь советский период не написано ни одного сколько-нибудь значимого и оригинального богословского сочинения.

Тем не менее в советский период именно культурные традиции и обычаи (в том числе религиозные) вновь продемонстрировали свою живучесть и смогли противостоять тотальной коммунистической идеологии. В годы реформ Горбачева и после развала Советского Союза началась реисламизация в регионе и в других республиках бывшего СССР. Однако религия возрождалась (и возрождается) в крайне консервативных формах, с постоянным ожиданием (как **плохая историческая память**) недружелюбных действий «неверных», «отступников» и т.п. А самое главное, по результатам своих обширных исследований, я с уверенностью могу судить, что все эти идеи интерполируются в область восприятия светских либеральных ценностей, точнее, их неприятия (чаще все-

го скрытого). Повторяю, об этом я сужу из первых рук, в том числе по результатам изучения религиозной литературы, изданной в регионе.

В целом о периоде колонизации, особенно большевизации региона я напоминаю не случайно. Ясно, что создавшиеся в то время условия не назовешь положительным опытом для сохранения исторической толерантности. С другой стороны, с либерализацией политики СССР и его развалом мы фактически вступили в период реисламизации. При этом ее темпы намного опережали темпы восстановления и развития религиозного обучения. Однако вернуться в ислам отнюдь не обозначало **понять его в качестве сложной системы догм и предписаний**, к тому же исторический опыт мирных отношений с носителями иных конфессий был изрядно дискредитирован, особенно в советское время.

С другой стороны, новое поколение богословов оказалось совершенно неподготовленным к таким темпам возрождения религии, генераторов новых идей практически не было, а «новые/старые» религиозные идеи и парадигмы стали импортировать из других регионов исламского мира, чаще всего в крайне радикальных и экстремистских формах. Точнее, это были парадигмы, сформированные в среде фундаменталистов и экстремистов, идеология которых зародилась на волне религиозного, идеологического, политического и военного противостояния. Эта искусственно интерполированная в страны ЦА или Кавказа идеология порождает массу проблем, конфликтов и столкновений, которые наносят ущерб в первую очередь самим мусульманам.

Политический аспект

Прежде всего коснемся внутривнутриполитического аспекта. С объявления республиками региона независимости ислам встал перед проблемой возврата своей исторической роли **социального регулятора**. Однако реально играть эту роль у исламских лидеров стран ЦА пока не получается. Отнятый однажды у религии социальный статус едва ли приобретет прежние формы в новых условиях. Некоторые религиозные лидеры осуществляют свою

деятельность вполне легитимно, стремятся сохранить неконфликтные отношения со своими правительствами в обмен на политическую лояльность и политическое отчуждение. Исключение составляет РТ, где политическая Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) легитимна. Хотя очевидно, что и ее постепенно будут вытеснять из легитимного политического поля официальные власти, которые стремятся перехватить инициативу у политизированных мусульманских лидеров, пытаясь создать свой «таджикский ислам».

Другая часть исламских лидеров региона осуществляет свою деятельность нелегитимно, либо внешне скрыто. Они открыто или подспудно ставят вопрос о политическом статусе ислама как единственно необходимом условии сохранения исламской идентичности и защиты от посягательств, как они полагают, христианского мира и представителей других конфессий. В свое время (в конце 1980-х и начале 1990-х гг.) почти все исламисты региона (при полной свободе вероисповедания) пошли дальше, прилагая значительные усилия для создания (или, по их представлениям, воссоздания) исламского государства, основанного исключительно на законах шариата, сохраняя при этом крайнюю нетерпимость к «неверным».

Некоторые западные аналитики предлагают вовлечь исламские партии в легитимную борьбу за власть. Вспомним, например Чарлза Уильяма Мейнса (председателя фонда «Евразия»), который в одной из своих статей (кроме всего прочего) выдвинул ряд подходов к исламу в республиках ЦА. В частности, он писал, что США и другие страны Запада должны использовать все дипломатические и политические средства, чтобы настаивать на вхождении в официальную политическую систему всех партий, «стремящихся к мирным преобразованиям», особенно исламских политических партий⁶. Другие авторы (А.К. Зайферт и И.Д. Звягельская), соглашаясь с такой постановкой вопроса, тем не менее справедливо замечают, что сохраняется реальная возможность того, что вошедшие таким образом в систему власти исламисты прибегнут к радикальному изменению существующих конституционных норм. И, как следствие, отношение европейских государств к такой власти остается открытым⁷.

На мой взгляд, в большинстве стран ЦА сохраняется опасность, что в случае участия исламских партий в политической борьбе, они, скорее всего, пойдут на поводу у радикалистов от религии, в прах разбив все надежды на сохранение светских институтов. Такой вариант в условиях ЦА, на мой взгляд, более вероятен, по крайней мере сегодня, учитывая крайне нетерпимый и консервативный менталитет большинства местных исламистов. Для обоснования этой точки зрения можно сослаться хотя бы на приведенные выше цитаты, взятые из работ знаменитых богословов региона.

Следует также отметить, что современный политический ислам в странах ЦА — явление преимущественно привнесенное. И когда мы, например, говорим о ранних политических устремлениях того же Саййида Абдулло Нури (первый руководитель ПИВТ, ум. в августе 2007 г.) или его узбекистанских единомышленников (Рахматулла аллома, Абдували-кори и др.), не надо забывать, что их политический порыв (как реакция на атеистическую политику) начал формироваться еще в советскую эпоху, но под влиянием произведений таких столпов идеологии политического ислама как Абу-л-‘Ала’ ал-Маудуди (1903—1979 гг.), Мухаммад ‘Абдух/‘Абдо (ум. в 1906 г.) или Саййид Кутб (казнен в 1966 г.), чьи произведения штудировали в их же кружках для нелегального обучения (*худжра*) преимущественно в Узбекистане и Таджикистане. Подобные заимствованные ориентиры и клише из сферы воинствующего политического ислама сыгра-

⁶ См.: *Maynes Ch. W. America Discovers Central Asia // Foreign Affairs*, 2003, Vol. 82, No. 2. P. 132.

⁷ См.: *Зайферт А.К., Звягельская И.Д. Примирение Европы и ислама в Евразии // Восток (Oriens)*, 2004, № 5. С. 81.

ли значительную роль в формировании взглядов местных исламистов, определив их нетерпимость и радикализм.

Между тем многие последователи и наследники идей политического ислама, например в Египте, уже критически пересматривают свое воинственное прошлое, официально отказываются от насилия, выражая готовность адаптироваться к новым условиям⁸. Большинство же их единомышленников в странах ЦА, особенно радикальное крыло⁹, весьма далеки от этого.

Рано или поздно исламская религиозная партия, естественно, будет искать возможности обосновать свои цели, идеи и постулаты в собственной догме, хотя бы из опасения потерять рейтинг у своего же электората. И в каком направлении пойдет этот поиск, пока неизвестно. По крайней мере пока у исламистов ЦА, стремящихся легитимизировать собственный статус, позиция сводится к негибкой политической идеологии (точнее к фразеологии), основанной на пристрастно подобранных аятах из Корана, примеров из Сунны или на сакральном представлении истории ислама¹⁰. И, судя по результатам наших опросов и содержанию значительного числа нелегально изданной ими литературы, большинство исламистов региона считают демократию поводом для уничтожения ислама, а секуляризм — «режимом отступников»¹¹. Более того, вопрос с религиозной (исламской) легитимностью понятий демократии вообще, модернизма или, скажем, конституционного строя среди большинства местных исламистов пока не решен окончательно и положительно.

К тому же следует иметь в виду, что и основная часть политической элиты большинства стран ЦА, которую по советской традиции называют «светской», считает себя мусульманами (признавая ислам как историко-культурную, ритуальную и духовную традицию). Более того, в нынешней ситуации светские государства региона проявляют значительную либеральность к религии, свободе вероисповедания и т.п. (исключение составляет политический ислам, к которому, впрочем, отношение тоже неоднозначное — от либерально-конъюнктурного, как в Таджикистане, до явного неприятия, как в остальных странах). Вместе с тем религия признана духовной и культурной ценностью, ее символы, положения и фигуры (исламские авторитеты прошлого) используют в качестве компонента официальной идеологии практически во всех странах региона. Хотя и здесь возникают проблемы, о которых будет сказано ниже.

В целом вновь напоминаем, что местный ислам остается крайне консервативным. Ныне вопрос о реформации особенно актуален, прежде всего в контексте глобальных перемен. В политических кругах стран ЦА предлагают разные формы этой реформации: в виде «секулярной религии», «просвещенного ислама» и т.п. Некоторые богословы видят реформацию в более консервативных рамках, путем нового оживления в толковании правовых вопросов и прочих проблем, возникающих перед современными мусульманами (*иджтихад*), посредством уже проверенного «инструмента» — развития основ фикха и вынесение решений (*фатава/фатволар*) в духе времени¹². Однако мы уверены, что в сложившейся ситуации любая попытка региональной реформации ислама в той или иной

⁸ См.: Kraemer G. Introductory Presentation. В кн.: State and Religion in Countries with a Muslim Population / Ed. by Z. Munavvarov, R. Krumm. Tashkent, 2004. P. 158.

⁹ По информации нынешнего председателя ПИВТ М. Кабири, в 1996 году руководство партии согласилось начать переговорный процесс. В ответ на это глава Исламского движения Узбекистана Т. Юлдаш(ев) не раз заявлял, что ПИВТ «предала интересы ислама» и что джихад надо было вести до тех, пор пока во всех мусульманских странах региона не установится единое исламское государство.

¹⁰ Наиболее характерный пример — нетерпимая позиция партии «Хизб ут-Тахрир», тоже, кстати, из числа «экспортированных» организаций.

¹¹ Сравните это с позицией турецких исламистов.

¹² См.: Шейх Мухаммад-Садык Мухаммад-Юсуф. Ихтилофлар хакида. Ташкент: Мавороуннахр, 2003. С. 72—78.

форме обязательно будет иметь последствием политизацию этого процесса. А это, в свою очередь, породит массу проблем для местных социумов и правительств. И ставить в таких условиях вопрос о вовлечении «исламистов» в политический процесс (либо об их «политической легитимации») следовало бы крайне осторожно, по крайней мере изучив все возможные последствия такого шага.

Например, если мы предположим, что в одной из стран исламисты придут к власти мирным путем (как это предполагают вышеназванные авторы), кроме упомянутых последствий, первым результатом такого положения станет резкий рост **эмиграции** из этой страны секулярных слоев населения (что в свое время произошло в Иране). Представители иных конфессий тоже, скорее всего, покинут такую страну (а это миллионы жителей). Реально такая ситуация приведет к моноконфессиональности и откроет путь к фактической «талибанизации» ЦА. В местных условиях (когда робкие шаги религиозной реформации далеки от завершения) при неоднородности позиций местных мусульман ожидается обязательная борьба за власть внутри предполагаемого исламского режима, в результате, скорее всего, власть захватят радикальные силы. С другой стороны, вымывание (эмиграция или исламская адаптация) светских слоев населения приведет к тому, что для поддержания секулярной части политической элиты государства или даже его «конституционной ориентации» (о чем некоторые эксперты пишут как об основном условии допуска исламистов к власти) просто не останется физической опоры. А в условиях, скажем, Казахстана и Кыргызстана такая ситуация может привести к противостоянию между более секулярными северными областями и «исламским» югом этих республик. Конечно, не хотелось бы рисовать картину в столь мрачных тонах, но среди большинства тех, кто исследует проблемы политического ислама в странах ЦА, такой путь развития событий (в случае легитимации исламистов) не вызывает серьезных возражений.

Может быть, эти обстоятельства и определяют, что равноправных альянсов между официальными политиками и религиозными деятелями нет. И в этом случае выявляется странная, впрочем, вполне ожидаемая картина. Почти все ведущие политические деятели региона начинают играть совершенно несвойственную и непривычную им роль, стараясь перехватить контроль над так называемым «исламским фактором». Но это пока отражается лишь в риторике официальных лиц и в их покровительстве разным религиозно-политическим мероприятиям (хотя исламизация официальной риторики порой доходит до абсурда и заставляет сомневаться в светском характере некоторых государств ЦА). Можно, например, вспомнить недавние постановления или официальные речи президента РТ Э. Рахмона, который для их аргументации апеллировал к Корану и хадисам¹³. Это выглядело бы забавно, если не была бы столь заметна абсолютная религиозная безграмотность г-на Э. Рахмона, вольно или невольно подыгрывавшего фундаменталистам, по крайней мере с учетом тех способов аргументации, к которым он прибегал как в своих речах, так и в иницилируемых им указах о борьбе с «религиозными пережитками».

Во всяком случае, попытки политических деятелей региона использовать исламский фактор как часть политической игры и ради повышения собственного рейтинга превращаются скорее в официально стимулируемый фактор исламизации (или стимулирование радикального исламизма), нежели в духовное или культурное возрождение. В странах ЦА процессы государственного строительства находятся еще в ранней стадии развития, при которой национальную и религиозную идентичности не всегда можно полностью отделить друг от друга¹⁴.

¹³ Из видеокассет выступлений президента Э. Рахмона (это предвыборные речи, а также выступления на торжественном собрании, посвященном 16-летию независимости, и др.).

¹⁴ См.: Зайферт А.К., Звягельская И.Д. Указ. соч. С. 77.

Конечно, и преобразования в разных сферах общественной, экономической, политической жизни начаты не так давно и будут идти нелегко, оставляя, как отмечено, простор для социальной напряженности. При этом появляющаяся неудовлетворенность части населения, в той или иной степени отстраненной от распределения общественных благ, будет эксплуатироваться радикальными исламистами в их стремлении заменить светские государства исламскими. Кроме того, страны региона фактически не координируют свою религиозную политику, хотя многие проблемы и вызовы у них одинаковы. Мешает тому, как мне кажется, былой советский национализм/регионализм, приобретающий все черты регионального противостояния либо в борьбе за «региональное лидерство», либо в сфере территориальных претензий, либо во взаимных претензиях за распределение водных и углеводородных ресурсов и т.д. При этом некогда единая история региона становится своеобразной заложницей этого противостояния. Новое «национальное толкование» и «перекраивание» истории сравнимо разве что с искажениями и интерпретациями в советской официальной истории. Эти проблемы не могут не видеть простые мусульмане, у которых, по моим наблюдениям, возникают две внешне противоположные реакции:

- 1) серьезная ностальгия по советскому периоду (в основном у старшего поколения) и
- 2) все большая популярность идеи «регионального исламского государства», вариант — халифата (преимущественно среди богословов и молодежи).

Эти и схожие обстоятельства, на мой взгляд, еще долго будут определять «лицо ислама» в государствах региона, особенно что касается взаимной конфессиональной толерантности. Совершенно очевидно, что потребуются долгая **трансформация и эволюция самих верующих**, особенно авторов больших и малых богословских сочинений. Пока же многие из них рассматривают светские либеральные, демократические принципы как чуждые, и в лучшем случае просто их терпят. Весьма актуальна и трансформация мышления политиков.

Кроме того, идеи о межконфессиональной толерантности в мусульманском мире подвергаются испытаниям и другого рода, если иметь в виду **внешние раздражители**, способствующие постоянному возрождению у части мусульман радикальных позиций и поисков их обоснования в Коране и сунне. Речь идет о военных конфликтах на территории мусульманских стран. И пока они есть, эти раздражители также остаются серьезным фактором, напрямую стимулирующим межрелигиозную нетерпимость.

Я полагаю, что даже эти факты ни в коей мере **не означают**, что ислам не толерантен, опасен и перманентно агрессивен. Он, как и другие религии, разнообразен, а ситуация в споре с радикалистами от религии отнюдь не безнадежна. Тем более что местные правительства находятся в поиске и самостоятельно выбирают путь и методологию противостояния идеям конфессиональной нетерпимости, радикализма или терроризма (увы, не всегда успешно). Однако я считаю, что наиболее разумно в этой политике поддерживать и стимулировать именно местные обычаи и обряды, способные стать естественной и проверенной временем почвой для поддержания межконфессиональной толерантности. Ведь не случайно носители агрессивной идеологии резко критикуют приверженцев местных религиозных традиций за их религиозный и политический конформизм.

**КОНФЛИКТЫ
МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМ
И НЕТРАДИЦИОННЫМ НАПРАВЛЕНИЯМИ
В ИСЛАМЕ:
ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА И
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**
(на материалах Северного Кавказа)

Вахит АКАЕВ

*доктор философских наук, профессор, главный сотрудник
Комплексного научно-исследовательского института
Российской академии наук
(Грозный, Россия)*

В в е д е н и е

На Северном Кавказе — конфликтной территории Российской Федерации — религиозная ситуация отличается заметной политизацией, что связано с общими процессами сложных, нередко противоречивых социально-экономических, политико-культурных трансформаций в стране. Эту ситуацию следует назвать возрождением ислама или ревивализмом, если употреблять западную терминологию.

Исламский ревивализм на Северном Кавказе — явление специфическое, его суть в том, что возрожденческий импульс получает региональный традиционный ислам, что проявляется в его свободном развитии, а в годы доминирования советской идеологической системы вызывало свои проблемы. Вместе с тем исламский ревива-

лизм на данной территории имеет и другую особенность, связанную с проникновением радикалистских, экстремистских течений, не традиционных для этого региона. К ним относятся салафитские течения, среди которых важное место занимает так называемый «ваххабизм».

Установление отношений между традиционным для Северного Кавказа исламом и нетрадиционными религиозными течениями в рамках этой религии — основная цель нашей публикации, и для ее раскрытия решаются задачи, отражающие особенности местного традиционного ислама, причины появления и распространения «ваххабизма», противоречия и конфликты между ними, взаимоотношения чеченских тейпов и вирдов, пути преодоления религиозного экстремизма.

1. Особенности традиционного ислама

Мусульмане Северного Кавказа в основном являются суннитами, придерживающимися шафиитского и ханафитского мазхабов. В регионе их больше, чем шиитов. Вместе с

тем часто исследователи некорректно отражают количество суннитов и шиитов. Так, в одной из работ, переведенных с английского на русский язык, отмечается, что: «сунниты составляют меньшинство мусульман в Татарстане, Дагестане, Чечне, Ингушетии и Калмыкии, входящих в состав Российской Федерации»¹. Однако в этих российских субъектах сунниты, наоборот, составляют большинство мусульман — примерно 8 млн чел., то есть их число значительно превышает даже количество шиитов, проживающих в самом Азербайджане.

Еще в годы советской власти, пытаясь определить специфику ислама на российском Северном Кавказе, некоторые исследователи характеризовали его как параллельный (внемечетский) народный ислам. В Дагестане, Чечне и Ингушетии, входящих в Северо-Восточный Кавказ, ислам бытовал (и бытует) в форме *суфизма*, а на Северо-Западном Кавказе (Осетии, Кабарде, Карачае, Адыгее) он тесно взаимодействует с элементами народной культуры, в том числе язычества, которые сакрализировывались и становились объектом поклонения. В целом следует признать, что ислам на Северном Кавказе — явление синкретичное, включающее в себя как собственно религиозные, так и народные компоненты.

Суфийский ислам на Северо-Восточном Кавказе функционирует посредством тарикатов *накшбандийя*, *кадирийя* и *шазалийя*, имеющих свои отличительные идейные основания и ритуальные особенности. Все эти три *тариката* распространены в Республике Дагестан, а в Чеченской Республике и Республике Ингушетия известны и функционируют только накшбандийя и кадирийя, дробящиеся на мелкие религиозные братства — *вирды*, общее количество которых достигает трех десятков.

К вирдам накшбандийского тариката в Дагестане, Чечне и Ингушетии относятся вирдовые братства имени шейхов: Ташу-Хаджи, Ахматука-Хаджи, Элаха-Муллы, Абдул-Вах1аба, Абдулазиза Шаптукаева, Дени Арсанова, Юсупа-Хаджи Кошкельдинского, Багаутдина Арсанова, Умалата-Хаджи, Сугаипа-Муллы, Узуна-Хаджи, Солсы-Хаджи, Сулеймана-Хаджи, Албаста-Хаджи, Магомед-Амина, Янгульбы-Хаджи, Каны-Хаджи, Ибрагим-Хаджи, Косума-Хаджи, Шамсуддина-Хаджи. В кадирийский тарикат входят следующие основные вирдовые братства шейхов: Кунты-Хаджи, Баматгирея-Хаджи, Батала-Хаджи, Чиммирзы, Али Митаева, Юсупа-Хаджи Махкетинского, Мани-Шейха, Виса-Хаджи.

Все эти вирдовые братства сложились в XIX—XX веках, их основатели составляют пантеон святых, почитание которых — важнейшая часть религиозных ритуалов не только чеченцев и ингушей, а также части дагестанцев. Почти все они имеют свои ритуальные особенности, в которых хорошо разбираются их последователи или исследователи традиционного института вирдовых братств на Северо-Восточном Кавказе. В Чечне и Ингушетии почти у каждого основателя вирдов есть свои *зияраты*-мавзолеи, построенные их последователями и считавшиеся местом систематического паломничества.

Во многом религиозная ситуация в Чечне и Ингушетии определяется отношениями, складывающимися между вирдовыми братствами. Будучи вовлеченными в политические процессы, они нередко конфликтуют между собой. Кроме того, эта ситуация зависит и от отношений между традиционными и нетрадиционными для Северного Кавказа направлениями в исламе.

Тарикат шазалийя успешно функционирует в Дагестане благодаря деятельности ныне здравствующего суфийского шейха Саида Афанди Чиркейского, весьма влияющего на официальное духовенство. В Чечне и Ингушетии наиболее авторитетен кадирийский вирд шейха Кунты-Хаджи Кишиева, к которому принадлежат президент Чеченской Рес-

¹ Хорри К., Читтиндейл П. Что такое ислам: История и действительность. СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2008. С. 384.

публики Рамзан Кадыров, муфтий и значительная часть чеченского духовенства. Меньшее влияние имеет накшбандийский вирд шейха Дени Арсанова, находящийся в сложных отношениях с кунтахаджинцами.

Последователи суфизма в Дагестане, Чечне и Ингушетии — мусульмане-сунниты, опирающиеся на базовые положения ислама и придерживающиеся суфийских традиций: почитание своих учителей — *устазов*, известных им *шейхов* и *авлия*. Большое место в религиозной деятельности традиционалистов отводится паломничеству к местам захоронения святых, исполнению религиозных ритуалов — *зикров*, строительству *зияратов*-мавзолеев над могилами умерших суфийских учителей.

Ислам на Северном Кавказе, в том числе в Чечне, в силу его многовековой адаптации к местным этнокультурным особенностям, народной культуре приобрел свой облик, отличающийся либеральностью и толерантностью к иным конфессиям. Вместе с тем с конца 1980-х годов религиозно-политическая ситуация в данном регионе приобретает сложный и напряженный характер, что сопряжено с проникновением религиозно-политического учения, которое представители регионального мусульманского духовенства именуют «ваххабизмом». Приверженцы же этого учения считают себя носителями «чистого ислама», последователями *таухида*, призванными восстановить ислам времен пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, очистив традиционный ислам от заблуждений, суфийских новшеств, а также организовав шариатизацию всей социокультурной реальности мусульман Северного Кавказа. Некоторые исследователи называют их *салафитами*, то есть сторонниками традиций первых мусульман, другие — *неоваххабитами*, пытаясь показать их отличие от сторонников ваххабизма — официальной идеологии мусульманского государства Саудовской Аравии. Преследуя такую же цель, назвали это учение «северокавказским ваххабизмом».

2. Региональный «ваххабизм» и причины его появления

В период горбачевской перестройки и гласности на Северном Кавказе отмечалась реисламизация: повсеместно возникали религиозные учебные заведения и центры, активизировалась религиозно-политическая деятельность духовенства, появлялась ранее неизвестная и недоступная религиозная литература. На митингах мусульман в Махачкале, Грозном, Карачаевске звучали речи, критиковавшие секуляризованное общество, отошедшее от божественных заповедей, утверждалось, что мусульманское общество должно жить по Корану, являющемуся «Конституцией» для мусульман. В то же время возникали религиозные партии, движения, вызывавшие интерес и поддержку у части мусульман региона. В Дагестане, Чечне и в других регионах страны создавали филиалы Исламской партии возрождения, образованной в 1990 году в Астрахани. Членов этой партии представители традиционного духовенства называли ваххабитами, так как она выступала против традиционного ислама с его культом святых. К тому же эта партия была в стране единственной исламской организацией, которая ставила задачи, отражающие положение и перспективы развития мусульманства в СССР.

В результате развала Советского Союза возникает идеологический вакуум, заполнившийся в том числе различными течениями ислама, вплоть до радикальных. По мнению дагестанского исследователя К.М. Ханбабаева: «С конца 80-х годов XX века на территории ряда городов и районов Дагестана и Чечни появились нелегальные формирования религиозно-политического фундаменталистского течения ислама, впоследствии на-

званного «ваххабизмом»². В результате такой деятельности и борьбы за власть между духовенством происходит раскол мусульманской общины Северного Кавказа, единое Духовное управление мусульман региона, созданное в 1944 году (с центром в Махачкале), распадается на ряд независимых управлений: дагестанское, чечено-ингушское, североосетинское, кабардино-балкарское, карачаево-черкесское. Дагестанское духовное управление мусульман в свою очередь распадается еще на несколько мелких национальных объединений³. Активное участие в этих процессах принимали ваххабиты, критиковавшие официальное духовенство за сотрудничество с коммунистическим режимом и коррупцию.

После совершенного в 1991 году в Чечено-Ингушской АССР государственного переворота в органах власти укрепляются представители сепаратизма, постепенно попавшие под влияние политического и религиозного радикализма и экстремизма, носителями которого оказались неоваххабиты. С 1992 года их деятельность в Чеченской Республике приобретает активный идеологический, а позже и политический характер. Первоначально они внедряли идеи единобожия, отрицали культ святых, заявляли, что между Всевышним и верующим не должно быть посредников, к которым они относят почитаемых в суфизме святых. Таким образом, ваххабизм является контроверзой, альтернативой традиционного ислама.

С завершением Первой чеченской войны не без влияния ваххабитов и о. президента Ичкерии З. Яндарбиев закрыл (в октябре 1996 г.) светские суды, сформировал Верховный шариатский суд Ичкерии с его районными структурами, которые ряд лет разбирали многие уголовные и гражданские дела. В отмеченный период исламизировалась социальная и культурная жизнь народа. К такому повороту событий в целом светское общество не было готово, деятельность шариатских судов, методы «доисламизации» и полной «шариатизации» не обрели популярности у чеченцев. Все это углубляло конфликт между их традиционной культурой и ваххабитской шариатизацией.

Другой аспект конфликта — представители традиционного ислама были оттеснены на периферию общественной жизни. Власть Ичкерии стремилась сформировать духовенство из представителей религиозных радикалов с явно выраженной антироссийской ориентацией.

3. Традиционный ислам и ваххабизм: конфликтные взаимоотношения

В постсоветский период на территории Чечни идеология и практика представителей так называемого «северокавказского ваххабизма» полностью направлялись против виртовых братств, что порождало внутрирелигиозные конфликты.

Некоторые современные потомки чеченских святых имеют влияние на верующих, что проявляется в их миротворческой деятельности, в разрешении конфликтов между верующими, а также в примирении кровников. Часто властные структуры обращаются к ним в поисках поддержки того или иного политического деятеля.

² Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане. В кн.: Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала, 2001. С. 105.

³ См.: Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: проблемы религиозного экстремизма в Республике Дагестан. В кн.: Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества: Материалы Республиканской научно-практической конференции (27 октября 2000 г.). Махачкала: Изд. дом «Новый день», 2002. С. 196.

Некоторые братства непосредственно участвовали в политических событиях 1990-х годов, поддерживая главу сепаратистов Джохара Дудаева. Однако были и те, которые находились в прямой оппозиции, что вызвало их преследование со стороны режима. На стороне оппозиции были последователи вирда Дени Арсанова, имеющего значительное влияние среди верующих Надтеречного района республики, а также среди ингушей. Традиционное чеченское духовенство, в основном состоявшее из последователей накшбандий, не признало дудаевско-алсабековский газават, осенью 1994 года объявленный против российских войск.

Вирдовые братства не избежали конфронтации с ваххабитами, а некоторые из них, например братства Ташу-Хаджи и Кунта-Хаджи, столкнулись с ними 14 июня 1998 года в Гудермесе в вооруженной схватке, в ходе которой ваххабиты, потерпев поражение, переместились в Урус-Мартан, где они до августа 1999 года устанавливали «шариатские» порядки, вызывавшие негодование у населения.

Э.Ф. Кисриев пишет, что «дагестанский ваххабизм следует отнести к реформаторскому модернистскому течению в исламе, а фундаменталистский характер по всем признакам носят нынешние, пробудившиеся в ответ на реформизм ваххабитов, дагестанские тарикатисты и тесно связанные с ними представители традиционного ортодоксального «священничества», то есть профессиональные служители исламского культа — муллы и имамы мечетей»⁴. Эта точка зрения вызывает споры, поскольку трудно согласиться с утверждением, что представители тарикатов и традиционного духовенства являются фундаменталистами. Термин фундаментализм здесь не уместен, если же применять его, то он приемлем для северокавказских «ваххабитов», но не для дагестанских тарикатистов, представляющих собой часть последователей традиционного ислама на Северном Кавказе.

4. Взаимосвязь чеченских вирдов и тейпов

Вопрос о взаимосвязи вирдов и тейпов в Чечне актуализировался в связи со стремлением отдельных исследователей Ростова-на-Дону, Москвы, Санкт-Петербурга разобраться в социальном устройстве и религиозной ситуации в чеченском обществе. В связи с этим часто высказываются недостаточно профессиональные суждения. Касаясь современного общественного устройства чеченцев, исследователи сводят его к родоплеменным, тейповским отношениям, игнорируя тот факт, что чеченское общество, как и многие народы бывшего СССР, прошли различные этапы советской модернизации, в нем традиционно сильно развиты элементы демократического, гражданского начала. В прошлом свои общенациональные проблемы они решали посредством органа Мехкан Кхиэл, что с чеченского языка переводится как Совет Страны (национальный парламент).

Несмотря на вирдовую сегментацию, ислам в Чечне все-таки является единым, а мусульмане республики — сунниты, придерживающиеся шафиитского мазхаба (богословско-правовой школы, основанной Мухаммадом аш-Шафии). В силу своей упрощенности этот мазхаб широко распространен во многих мусульманских странах, проник в Дагестан, Чечню и Ингушетию. Это позволяет объяснить неприятие ваххабизма, отрицающего суфийские традиции, признаваемые большинством мусульман Чечни.

⁴ Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004. С. 109.

Для многих чеченцев приверженность к вирдовым братствам — историческая традиция, сакральная сторона их духовной жизни. Духовно-культурные традиции чеченцев остаются преимущественно гомогенными, хотя разнообразие тейпов и вирдов часто порождает противоречивые ситуации, при которых нарушается внутривероисповедное единство. Наличие архаических социальных и религиозных институтов говорит о социокультурном многообразии и аморфности чеченского общества, но в целом это кажущаяся ситуация. Чеченское общество мобилизовывалось и цементировалось, когда задевали религиозные интересы этноса и возникали внешние угрозы его существованию.

В отдельных исследованиях встречаются высказывания о непосредственной связи между тейпами и вирдами, что в строго научном отношении нельзя признать достоверным. Так, А. Ярлыкапов утверждает, что «в Чечне и Ингушетии вирды с тейпами переплелись»⁵. С нашей точки зрения, ситуация несколько иная. Непосредственно изучая связи чеченских тейпов и вирдов, я не могу с такой же легкостью установить это «переплетение». Ведь до сих пор не было исследований, позволяющих определить особенности взаимосвязи тейпов и вирдов. Без таких исследований нельзя получить четкой картины их взаимоотношений и любое высказывание по этому поводу будет лишь предположением.

Принцип религиозно-политической организации вирдовых братств не основан на принадлежности только к одному тейпу. В вирдовое братство, как правило, входят представители разных тейпов. В годы советской власти А.А. Саламов, С.Ц. Умаров и В.Ю. Гадаев⁶ в своих исследованиях выявляли общее количество вирдовых братств (или мюридских общин), раскрывали формы их деятельности, описывали святые места (*зияраты*) на территории Чечено-Ингушетии, показывали их политическую и духовную роль в жизни верующих. Несмотря на свою идеологическую заданность, эти исследования сохранили ценную информацию, и сегодня не потерявшую свое эмпирическое значение.

Если соотнести количественно чеченские вирды и тейпы, то первых значительно меньше, чем вторых. По мнению М. Мамакаева, чеченское общество состоит из 135 тейпов⁷, а число вирдов — 30. По некоторым экспертным оценкам, вирды охватывают примерно 80% верующих, из них 60% принадлежат к кадирийским вирдам, среди которых к наиболее многочисленным относятся последователи вирда Кунта-Хаджи, 20% — последователи вирдов накшбандийи. Наряду с этим 15% от числа всех верующих находятся вне вирдовых братств, а 5% — индифферентные в религиозном отношении индивиды.

Процедура установления взаимосвязи тейпов и вирдов, тем более признание их совпадения, с нашей точки зрения, во многом искусственная, некорректно освещаемая проблема. Расхожим становится и мнение, что чеченский род и тейп — понятия тождественные, с чем трудно согласиться, поскольку, с нашей точки зрения, арабский термин «тайфа» обозначает совокупность людей, проживающих на данной территории, но они не обязательно связаны кровно-родственными узами. Тайфа не может быть тождественной «роду», основанному именно на кровно-родственных узах⁸. Л. Ильясов справедливо ут-

⁵ Ярлыкапов А. Мусульмане Северного Кавказа между «традиционализмом» и «арабизацией». В кн.: Россия и ислам: межцивилизационный диалог. Москва — Уфа, 2006. С. 150.

⁶ См.: Саламов А.А. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Труды Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Т. 9. Грозный, 1964; Умаров С.Ц. Изменчивые судьбы святых // Наука и религия, 1976, № 7; Он же. Социальная сущность культа «святых» мест. Грозный, 1983; Он же. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985; Гадаев В.Ю. Мюридские общины на территории Чечено-Ингушетии. Методические рекомендации / Чечено-Ингушский государственный педагогический институт. Грозный, 1987.

⁷ См.: Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 18.

⁸ Более подробно об этом мы писали в нашей публикации «Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности». В кн.: Современные проблемы геополитики Кавказа / Южнокавказское обозрение. Вып. 5 / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 2001. С. 126.

верждает, что «многие российские исследователи отождествляют тейп с родом, фамилией, делая на этой основе вывод о родоплеменной структуре чеченского общества»⁹. Как социальные структуры они имеют разные основания. Уточняя нашу позицию, отметим, что тейп — не родовая, не племенная структура, а представляет собой объединение, состоящее из разных родов, проживающих на одной территории и вступающих в определенные социокультурные связи.

Роль вирдов в социальной и политической мобилизации чеченцев достаточно ощутима. Как мы уже отмечали, те или иные политические деятели в ходе политических кампаний, в том числе выборов разных уровней, в поисках поддержки порой вынуждены обращаться к вирдовым авторитетам, которые часто мобилизуют свою «паству» на достижение этих целей. Кроме того, вирдовые авторитеты играют ключевую роль в примирении враждующих сторон, особенно кровников. Потомки шейхов, или вирдовые авторитеты, часто имеют больший вес в чеченском обществе, чем тейповские авторитеты.

Социокультурные традиции вбирают в себя ценные, общечеловеческие черты, но не лишены и консервативных аспектов. В современном чеченском обществе религиозные традиции сыграли значительную роль, сопряженную с противодействием экстремистским проявлениям.

В народном исламе этническая компонента укоренилась прочнее, чем религиозная. В сознании верующего часто возникает дилемма, кем он должен быть: мусульманином или представителем этноса? Эта проблема наиболее остро была озвучена в ходе противостояния сторонников неоваххабизма и представителей традиционного ислама. Первые считали, что религиозная принадлежность, особенно к джамаатским группам, ставившим своей целью создание халифата, превышает родственных и этнических связей. А вторые отдают предпочтение этнической составляющей, видя в идеологии и практике радикалов угрозу духовно-культурным традициям. Выступая против идеологии и практики нетрадиционного для Чечни «ваххабизма», А.А. Кадыров, находясь на должности муфтия, а затем и президента Чеченской Республики, четко определял свою позицию по этому вопросу. Он говорил, что «мы (то есть чеченцы. — В.А.) сначала являемся чеченцами, а потом мусульманами».

Этничность в чеченском самосознании доминантна, что характерно и для многих других народов Северного Кавказа. Но это не учитывали силы, навязывавшие чеченскому обществу религиозно-идеологические ценности, сформировавшиеся вне цивилизационно-культурного пространства Кавказа.

Некоторые этнографы считают, что проблема традиционности ислама на Северном Кавказе «неизбежно выходит на другую проблему — это конфронтация между исламской молодежью и представителями старшего поколения, позиционирующего себя носителем так называемого «традиционного ислама»¹⁰. Далее автор пишет, что «молодежь в ответ придумала несколько хлестких названий для своих оппонентов, самое безобидное из которых — «этнические» мусульмане, т.е. мусульмане по рождению (?), но не по факту. Самой же обидной характеристикой «этнического» ислама, которую приходилось слышать, является «похоронный ислам»¹¹.

Автору этих строк, многие годы работавшему с чеченской молодежью, не приходилось слышать подобных «обидных характеристик» традиционного ислама. Вместе с тем следует отметить, что молодые люди критикуют некоторые положения суфийского ислама, полагая, что он расходится с идеологией салафизма (ислама времен праведных хали-

⁹ Ильясов Л. Чеченский тейп: мифы и реальность // Чеченское общество сегодня, 2007, № 1 (9).

¹⁰ См.: Ярлыкапов А. Указ. соч. С. 151.

¹¹ Там же.

фов). Они также говорят, что религию отцов необходимо очистить от нововведений и заблуждений. В этом проявляется влияние представителей нетрадиционных течений, проникших на Северный Кавказ.

5. Пути преодоления религиозного экстремизма

Многие террористические акции на Северном Кавказе не без основания увязывают с радикализмом и экстремизмом нетрадиционного для региона неоваххабитского течения в исламе. В связи с этим возникла необходимость ограничить, а в целом — пресечь идеологическую и практическую деятельность неоваххабитов. Для этих целей органы власти при поддержке официального духовенства, представленного духовными управлениями мусульман региона, предприняли ряд мер законодательного и идеолого-пропагандистского характера. Так, в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии были приняты законодательные акты, запрещающие экстремистскую деятельность ваххабитов. В силовых структурах созданы специальные подразделения, призванные бороться с распространением влияния ваххабитов и противодействовать их экстремистским (в том числе террористическим) акциям.

В настоящее время в Чечне пресекается деятельность религиозных экстремистов и террористов. В республике бурно возрождается традиционный ислам, что проявляется не только в строительстве мечетей, религиозных учебных заведений, но и в духовном просвещении молодежи. Традиционалисты в своих повседневных проповедях призывают мусульман к единению, духовному возвышению, осуждают наркоманию и другие греховные проступки.

Муфтият Чечни при поддержке президента республики Р. Кадырова в 2007 году организовал в Гудермесе Международный миротворческий форум «Ислам — религия мира и созидания», имевший большое духовно-культурное и политическое значение не только для мусульман и немусульман республики, но и Северного Кавказа, а также для Российской Федерации в целом. В докладах и выступлениях участников форума отмечалась гуманистическая, миротворческая и созидательная роль ислама, осуждались радикалистские и экстремистские проявления под прикрытием религиозных лозунгов, необходимость межконфессионального диалога верующих. По завершении работы форума были приняты соответствующие документы, которые призывали глав государств, верующих, народы объединиться в борьбе против насилия, преодолении бедности и нищеты, болезней, неграмотности, за сохранение мира на планете.

Мусульмане Чечни, официальное духовенство в лице муфтията, возглавляемого Султаном Мирзаевым, одобряют и поддерживают президента республики Р. Кадырова, восстанавливающего экономику, социальную сферу, возрождающего духовные основы этноса.

На встрече Р. Кадырова с королем Саудовской Аравии, состоявшейся в Мекке в конце октября 2007 года, последний одобрил деятельность Р. Кадырова против религиозных радикалов, подчеркнув, что он, как президент, обязан придерживаться жестких мер, противодействуя религиозным экстремистам и террористам, и тем самым наводить порядок в Чеченской Республике. Так образом, Р. Кадыров, как приверженец традиционного ислама, получил благословение авторитетного в мусульманском мире религиозно-политического деятеля, что способствует укреплению его позиции в РФ и в мусульманском мире в целом.

В ы в о д ы

Появление исламского радикализма и экстремизма, связанного, с нашей точки зрения, с активной политической деятельностью «ваххабизма», без сомнения, детерминировано переходом от одной социально-политической системы к другой, распадом СССР, деидеологизацией, активными демократическими преобразованиями, слабостью установившейся государственной власти в России.

Традиционный ислам на Северном Кавказе, в том числе в Чеченской Республике, представляет собой симбиозную систему, опирающуюся на две традиции: этническую и исламскую. Эта общая характеристика ислама коррелируется с местной спецификой, сопряженной с народной культурой, в том числе суфийской, с функционированием института вирдовых братств, народными верованиями, составляющими важнейшую основу духовной культуры каждого этноса и определяющими религиозно-политическую ситуацию в обществе.

В период политической нестабильности на Северном Кавказе, когда ваххабиты расшатывали ситуацию, были причастны к терактам в регионе, предпринимали конкретные шаги по созданию халифата, представители традиционного ислама проявляли себя как сторонники целостности российского государства, принимали меры по предотвращению исходящих от ваххабитов угроз для общества и государства. Наглядный пример тому — религиозная и политическая деятельность муфтия, а затем и президента Чеченской Республики А.А. Кадырова. Оценивая ваххабитскую деятельность в Чечне в период существования режима А. Масхадова, он заявлял, что под вывеской медресе в разных уголках Чечни создавали учебно-тренировочные лагеря, где проходили военную подготовку не столько чеченцы, сколько выходцы из стран СНГ, соседних северокавказских республик, государств Ближнего Востока, даже из США и Великобритании. По его мнению, Чечня превращалась в центр международного терроризма, а главари чеченских ваххабитов установили тесный контакт с Усамой бен Ладеном, который щедро финансировал все проекты по ее превращению в наконечник копья, направленного в сердце России.

Рамзан Кадыров, продолжая дело своего отца, всячески противодействует экстремистской и террористической деятельности, все еще имеющей место на Северном Кавказе. При поддержке руководства России он реализует программу возрождения духовно-культурных традиций чеченского народа, что направлено на достижение мира и стабильности в Чеченской Республике. В контексте этой программы восстанавливают запущенные кладбища, святые места, ремонтируют дороги, подходящие к ним, реконструируют старые и строят новые мечети, открывают медресе, где готовят кадры мусульманского духовенства на основе программы, учитывающей особенности традиционного ислама.

Такое внимание к национальной самобытности и культурно-религиозным традициям способствует ощутимому росту авторитета республиканской и федеральной власти. Мусульмане Чечни поддерживают политику мирных преобразований республики. Все это закладывает основу для блокирования негативных проявлений радикализма, неприятия религиозного и политического экстремизма.

ТАДЖИКИСТАН: ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С ВЕДУЩИМИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИСЛАМСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Фаррух УМАРОВ

главный специалист

*Управления внешней политики и внешнеэкономического развития
Центра стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан
(Душанбе, Таджикистан)*

В настоящее время в мире существуют несколько десятков легальных и нелегальных международных исламских организаций, различных по своей структуре, целям, уровню представительства, сферам и формам деятельности. Таджикистан является членом более 20 международных организаций, в том числе региональных, тесно сотрудничая с такими легальными авторитетными исламскими структурами, как:

- Организация Исламская конференция (ОИК);
- Исламский банк развития (ИБР);
- Исламская организация по вопросам культуры, науки и воспитания (ИСЕСКО);
- Имамат исмаилитов — Организация Ага Хана по развитию;
- Организация экономического сотрудничества (ЭКО).
- Кроме того, в РТ функционирует международная нелегальная исламская организация «Хизб ут-Тахрир-ал-Ислами» — Партия исламского освобождения (ХТИ).

Следует отметить, что ученые и аналитики до сих пор не раскрыли отношения международных исламских организаций с Таджикистаном, их роль в сфере социаль-

но-экономического развития страны, в урегулировании конфликтов, обеспечении безопасности или создании дестабилизационной ситуации. За пределами исследований остались и проблемы их политической деятельности.

Цели Организации Исламская конференция со дня ее создания отражают новые реалии, возникающие в исламском мире и международном сообществе в целом. Эти цели включают многоплановое сотрудничество между мусульманскими государствами на основе религиозной солидарности для решения важнейших проблем, в том числе обеспечения национальной безопасности этих стран. История создания ОИК больше отражает процесс нахождения механизмов предотвращения религиозного экстремизма, фундаментализма и радикализма, нежели процессов солидарности. Одной из главных причин создания ОИК было невосприятие идеи и практики религиозного экстремизма, фундаментализма и радикализма ее государствами-учредителями. Например, Саудовская Аравия считает эти проявления деструктивными и, будучи одним из основных учредителей данной организации, прилагает усилия, чтобы она стала рычагом предотвращения религиозного экстремизма, фундаментализма и радикализма.

О положительной роли ОИК в укреплении стабильности и безопасности в му-

сульманских странах ее Генеральный секретарь Хамид Алгабид во вступительном слове на XXIII Конференции министров иностранных дел стран ОИК (Карачи, 1993 г.) сказал следующее: «Мы должны оценить по достоинству те усилия, которые прилагаются в этом направлении. Усилия, которые прилагаются для преодоления трудностей и решения проблем, систематически возникающих в той или иной стране-члене нашей организации. Эти усилия направлены на мирное урегулирование военных конфликтов, которые оказывают деструктивное влияние на регион нашей уммы. В этой связи мы с удовлетворением можем сказать, что отношения между странами-членами постепенно нормализуются»¹.

С другой стороны, как было отмечено, одно из направлений деятельности ОИК — обеспечение развития и стабильности в мусульманских странах, расширение экономического, научного и культурного сотрудничества. Недаром для расширения экономического и научно-культурного сотрудничества в рамках ОИК созданы два специализированных учреждения: Исламский банк развития и Исламская организация по образованию, науке и культуре.

ОИК, основанная главным образом на светских принципах, как мы уже отмечали, решает задачи, не выходящие за рамки государственного интереса страны-члена. Другими словами, национальные государства являются ее основными акторами, а деятельность этой, по сути, светской организации направлена на разрешение вышеуказанных проблем исламского мира. Исламский же фактор в ее создании служит лишь для объединения мусульманских стран в решении задач сугубо светского характера.

Анализ деятельности Таджикистана в ОИК свидетельствует, что все проекты, осуществляемые в сотрудничестве с этой организацией, отвечают национальным и государственным интересам и сыграли за-

метную роль в укреплении экономической стабильности и в научно-культурном развитии страны. Республика с первых дней членства в этой организации предлагала проекты, направленные на развитие различных отраслей национальной экономики, а динамика сотрудничества страны с одним из специализированных институтов ОИК — Исламским банком развития — является ярким тому примером.

С 30 июня по 3 июля 1997 года президент РТ Эмомали Рахмонов посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию. Одним из результатов визита было предоставление Таджикистану беспроцентного кредита Исламского банка развития в размере 16,7 млн долл. для развития здравоохранения и образования в стране².

Сотрудничество республики с ОИК, в том числе с ее специализированными институтами, не ограничивается получением кредитов. Например, 12 июня 2000 года президент страны Эмомали Рахмонов принял представителей Координационной группы арабских фондов ИБР: Фонда Кувейта, Фонда Саудовской Аравии и Фонда ОПЕК — прибывших в Таджикистан для участия в работе международного «круглого стола». Он был организован под эгидой ИБР, Национального банка Таджикистана (НБТ), регионального представительства ИБР в Центральной Азии и Европе и этих фондов. При встрече с участниками «круглого стола» Э. Рахмонов отметил, что на новом этапе — этапе постконфликтного социально-экономического восстановления и снижения уровня бедности — правительство республики придает огромное значение развитию внешних экономических связей и привлечению зарубежных инвестиций, в том числе из арабских стран. Кроме того, президент республики выразил надежду, что работа «круглого стола» будет плодотворной и позволит заложить фундамент для проведения в Таджикистане конференции бизнесменов стран-членов

¹ Кайхони хавои (Тегеран), 1992, № 963.

² См.: Саидов З. Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации. Душанбе: Авасто, 2004. С. 569.

Исламского банка развития, о чем у него была соответствующая договоренность с главой ИБР доктором Ахмедом Мухаммедом Али во время его визита в РТ. Прямым иностранным инвестициям в экономику Таджикистана будет способствовать и создание Исламской корпорации развития частного сектора, соглашения о создании которой республика подписала 26 апреля 2000 года³.

Одна из особенностей сотрудничества республики с ИБР состоит в том, что все подписанные сторонами соглашения претворяются в жизнь. К примеру, по инициативе руководителя государства Эмомали Рахмонова и президента этого банка Мухаммеда Али была внесена идея о созыве международного «круглого стола» с участием арабских фондов, о чем говорилось выше. В ходе этого мероприятия Таджикистан предложил 70 важных проектов в сферах энергетики, транспорта, финансов, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения, телекоммуникаций и пр. По сообщению Национального информационного агентства Таджикистана (НИАТ) «Ховар», ИБР принял 17 из этих проектов, в соответствии с которыми республике предоставляется помощь в строительстве автодороги Куляб — Калай-Хумб (9,5 млн долл.) и международного пассажирского терминала в Душанбе (270 тыс. долл.)⁴.

Необходимо отметить, что за годы сотрудничества с ОИК республика эффективно использует возможности этой организации. Специальная резолюция по Таджикистану (№ 10/27), принятая странами-членами на 10-й сессии Организации по инициативе президента страны Э. Рахмонова, свидетельствует, что эта структура играет особенную роль в системе международных отношений РТ и сможет в некоторой степени содействовать решению социально-экономических проблем страны. «Она обращается ко всем государствам-членам и финансовым институтам региона ОИК принять активное содействующее

участие в усилиях, предпринимаемых правительством Таджикистана по преодолению экономических трудностей и продвижению экономических реформ. В документе содержится призыв к Исламскому банку развития существенно увеличить финансовую и техническую помощь Республике Таджикистан. Генеральному секретарю ОИК Абдулвахиду Белказизу лично поручено контролировать ход выполнения данной резолюции и представить отчет о проделанной работе 11-й сессии ОИК»⁵.

Таким образом, сотрудничество РТ с ОИК с каждым днем развивается и охватывает другие структуры этой организации. На сессии Межпарламентского союза (МПС) ее стран-членов, состоявшейся 16 февраля 2007 года в городе Куала-Лумпур, Таджикистан был принят в члены этого Союза.

Наряду с этим необходимо отметить, что сотрудничество РТ с ОИК осуществляется лишь на межправительственном уровне, хотя в условиях рыночной экономики другие общественные структуры, особенно частный сектор, играют важную роль в расширении связей между странами. В этом контексте весомый вклад может внести реализация предложения президента Таджикистана по созданию Исламской корпорации развития частного сектора с участием арабских фондов.

Другая авторитетная исламская структура, членом которой с 1992 года является Таджикистан, — Организация экономического сотрудничества. (21 мая 1998 г. Маджлиси Оли республики одобрил новый Измирский пакт и ратифицировал вступление Таджикистана в ЭКО.)

Сотрудничество РТ с ЭКО особенно заметно в сфере торговли. Подписание и одобрение Торгового договора (ЭКОТА) как основного элемента регионального сотрудничества в рамках этой организации, сможет служить образцом для расширения контактов в других сферах. Так, только в 1999 году объем внешней торговли РТ со странами ЭКО составил 600 млн долл.,

³ См.: Там же. 173.

⁴ См.: Народная газета, 22 июня 2002, № 25.

⁵ Саидов З. Указ. соч. С. 489.

то есть 40% внешнеторгового оборота страны.

Таджикистан заинтересован в развитии широкого регионального сотрудничества и региональной интеграции, и ЭКО сможет сыграть в осуществлении этой цели важную роль. Цель и задачи данной организации (Измайский договор, Программа Алматы по развитию транспортного сектора, Ашхабадское коммюнике встречи государств и стран-членов ЭКО по развитию инфраструктуры транспорта и коммуникаций, а также Стратегии экономического сотрудничества в регионе ЭКО) предусматривают развитие рыночных экономических отношений государств-членов и их быструю интеграцию в мировое хозяйство.

Однако наряду с успехами в деятельности ЭКО есть и некоторые нерешенные проблемы, создающие препятствия для расширения сотрудничества между странами-членами. В своем выступлении на встрече руководителей государств ЭКО (14 октября 2002 г.) президент РТ Эмомали Рахмонов сказал: «Несмотря на очевидные успехи в данном направлении, все еще остаются серьезные преграды, сдерживающие дальнейшее развитие многостороннего торгово-экономического сотрудничества в регионе ЭКО. Так, существующие высокие железнодорожные транзитные тарифы, отставание развития в сфере предоставления банковских услуг между государствами-членами, отсутствие унификации нормативно-правовой базы и гармонизации тарифов и платежей, введение рядом государств-членов строгих визовых режимов весьма негативно влияют на внутрирегиональную торговлю»⁶.

Необходимо отметить, что приграничные разногласия между некоторыми странами-членами и нестабильная политическая обстановка в некоторой степени стали причиной слабого развития регионального сотрудничества ЭКО. «Хотя руководители стран-членов ЭКО на Тегеран-

ском саммите в январе 1992 года назвали мир и безопасность основным условием расширения экономического сотрудничества этих стран, нестабильность в Афганистане, разногласия между Пакистаном и Индией по вопросам Джамму и Кашмира, неразрешенность конфликта в Нагорном Карабахе, проблема тюркоязычных общин Кипра и другие превратили эту организацию в инструмент разрешения политических проблем»⁷. С этой точки зрения членство РТ в ЭКО и разрешение проблем в ее формате не выходит за рамки национального и государственного интереса. А функционирование органа по контролю над незаконным оборотом наркотических веществ в рамках ЭКО (ЮНДСП) — один из важных механизмов укрепления безопасности в регионе, в частности в РТ.

Наряду с этими организациями в республике функционируют и неправительственные исламские структуры, в частности Организация Ага Хана по развитию (АКДН) — Фонд Ага Хана, который внес достойный вклад в достижение мира в Таджикистане и постконфликтное восстановление экономики страны. Учитывая большой авторитет и влияние учредителя этого Фонда Шах Карима ал-Хусайни Ага Хана IV, спецпосланник Организации Объединенных Наций Рамире Пирис Баллон и спецпредставитель ООН Дитрих Меррем рассмотрели с ним (в 1995 г.) вопрос о мирном урегулировании конфликта в республике. Рабочие визиты Ага Хана в Таджикистан, его неофициальные усилия в качестве посредника сыграли большую роль в достижении мира между таджиками, в обеспечении безопасности страны.

В настоящее время Фонд Ага Хана действует во всех областях РТ, в ее столице и в районах республиканского подчинения.

⁷ Умаров Ф. Нақши Созмони Ҳамкории Иқтисодӣ (ЭКО) дар равабанди ҳамгароии минтақаӣ: мушкилот ва дурномаи (Роль организации по экономическому сотрудничеству (ЭКО) в процессе региональной интеграции: проблемы и перспективы). В кн.: Материалы международной конференции «Региональная интеграция Центральной Азии: проблемы, перспективы». Душанбе: Ирфон, 2006.

⁶ Саидов З. Указ. соч. С. 294.

1. Сотрудничество в сфере экономики

В 1999 году Программа защиты предпринимательства (ЭСФ) и Фонд Ага Хана по экономическому развитию (АКФЕД) предоставили 700 предприятиям кредит на 530 тыс. долл. Эти средства были выделены на развитие сельского хозяйства, хлопковой промышленности и туризма. Средний объем кредита составил 1 000 долл. сроком на месяц, что способствовало созданию 15 тыс. новых рабочих мест и, по предварительным подсчетам, должно было принести доход в сумме 4,6 млн таджикских рублей. С начала деятельности ЭСФ (1996 г.) в районах Каратегинского региона в 1997 году помощь выделена 1 630 предприятиям, создано 4 200 рабочих мест, получен доход в 12,3 млн таджикских рублей. Общий объем кредита для реализации Программы ЭСФ достиг 1,2 млн долл.

2. Сотрудничество в сфере образования

Общее направление программ АКДН по просвещению — сотрудничество с правительством для поддержки реформ системы образования — от начальных школ до высших учебных заведений. В соответствии с этими программами в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) созданы профессиональные центры развития для учителей (ТПДС), которые в дальнейшем превратятся в учреждения по их подготовке. Кроме того, Программа Ага Хана по развитию «Человековедение» для Центральной Азии подготовила в сотрудничестве с Министерством образования, учителями и интеллигенцией региона программу обучения. Ее основу составляют этика, традиции и ценности, которыми так богат регион. Эту программу сегодня преподают в пяти университетах страны. К тому же 500 учеников лицея Ага Хана в городе Хороге осваивают английский язык, информационные технологии, основы рыночной экономики. Этот шаг Фонда Ага Хана в сфере просвещения в нынешних экономических условиях Таджикистана, когда многие учителя из-за маленькой зарплаты обратились к рынку как к источнику дохода, имеет большое значение для обеспечения культурной безопасности страны.

3. Сотрудничество в сфере сельского хозяйства

Программа Ага Хана по развитию подготовила специальную Программу реформы сельского хозяйства (АПР), которая охватывает семь районов ГБАО (Ванч, Дарваз, Русан, Рошткала, Шугнан, Ишкашим, Мургаб) и семь территорий республиканского подчинения (Джиргаталь, Тавильдара, Таджикабад, Гарм, Рашт, Файзабад, Рогун). 22 тыс. фермеров, участвовавших в этой программе, смогли повысить урожайность сельскохозяйственных культур на 1,5%. В результате передачи колхозных земель фермерам и освоения новых земель в ГБАО в 1999 году было произведено 27 500 т муки, что соответствует 92% от нужд области, а в Каратегинском регионе картофеля и пшеницы вырастили в четыре раза больше, чем в 1998-м. На эти цели Фонд Ага Хана выделил 1,3 млрд таджикских рублей, что дало возможность 760 предпринимателям заняться бизнесом в сфере

сельского хозяйства. Кроме того, с 1996 по 2000 год реализовывалась Программа помощи 2 400 малым предприятиям, которые выпустили продукцию на 18 трлн таджикских рублей.

В целом на реализацию своих программ в Таджикистане Фонд Ага Хана выделил более 150 млн долл. Эти средства были израсходованы в тяжелые годы гражданской войны и после ее завершения, когда в стране еще царил нестабильная обстановка. Благодаря авторитету и влиянию Фонда в различных странах, он смог привлечь инвестиции в РТ. Например, в 1999 году Соединенные Штаты выделили «700 тыс. долл. через Фонд Ага-хана IV на нужды развития аграрного сектора в Гармской группе районов. Кроме того, в правительстве США уже готовится решение о выделении Таджикистану на грантовой основе 700 тыс. долл. на цели развития сельской местности и трудоустройства сельского населения Кулябской зоны Хатлонской области»⁸.

Этот шаг был предпринят в условиях, когда еще ни одна из стран не выделяла средства для восстановления народного хозяйства Таджикистана. Эта организация смогла внести достойный вклад в продовольственную, культурную, социальную и экономическую безопасность страны.

В послевоенное время в социально-экономическое развитие РТ внесли достойный вклад и две другие исламские структуры: Фонд развития Саудовской Аравии и Кувейтский фонд развития арабской экономики, с которыми республика начала сотрудничать в 1997 году. До 2000-го они в основном выделяли материальную помощь и осуществляли малые проекты. После нормализации обстановки в стране и создания в ней относительно благоприятного инвестиционного климата связи расширились и реализуются более крупные проекты. Например, в 2000 году Фонд развития Саудовской Аравии участвовал в реконструкции больницы матери и ребенка, в строительстве инфекционной больницы и средних школ в РТ. В том же году этот фонд одобрил кредит на 6 млн долл. для совместного (с участием Кувейтского фонда развития арабской экономики и Фонда ОПЭК) инвестирования проекта строительства автодороги Зигар — Коста — Шкев.

В 2002 году состоялась церемония подписания кредитных соглашений между Таджикистаном и Фондом развития Саудовской Аравии по строительству трех средних школ и приобретению оборудования для них в трех районах республики, по реконструкции в Душанбе больницы матери и ребенка и передаче ей оборудования на 3 млн долл.

В общем за период сотрудничества РТ с Фондом развития Саудовской Аравии подписано кредитное соглашение на 35,2 млн долл. на строительство (с участием правительства страны) отрезка Шогун — Зигар автодороги Куляб — Калай-Хумб⁹; реконструирован родильный дом, завершено строительство ряда средних общеобразовательных школ, модернизировано водоснабжение г. Душанбе, сдан в эксплуатацию терминал в столичном аэропорту и т.д.¹⁰

Как мы уже отмечали, сотрудничает с РТ и Кувейтский фонд развития. Этот фонд, созданный 31 декабря 1961 года как финансовая структура, является автономным государственным органом, имеет самостоятельный судебный статус. Фонд выделяет средства 86 странам, из них 16 — арабские, 35 — африканские, 22 — европейские и азиатские и т.д.

Кувейт — первое арабское государство, куда совершил официальный визит президент Республики Таджикистан. 10 января 2001 года, после подписания кредитного соглашения между РТ и Кувейтским фондом развития на 5 млн кувейтских динаров (16,5 млн долл.), предусмотренных для строительства автодороги Зигар — Шкев, заместитель Генерального директора Фонда Хишом Ал-Вакаен отметил: «Упомянутое кредитное соглашение — ре-

⁸ Саидов З. Республика Таджикистан на современном этапе. Душанбе: Авасто, 2006. С. 78.

⁹ См.: Азия-Плюс, 23 августа 2002.

¹⁰ См.: Саидов З. Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации. С. 113—115.

зультат договоренностей в рамках официального визита президента Республики Таджикистан Э. Рахмонова в Кувейт в 1995 году»¹¹.

Из указанного выше примера можно сделать вывод, что сотрудничество РТ с этой организацией началось прежде всего благодаря дальновидной политике руководителя Таджикистана и развивается с каждым днем. Вместе с тем этот исторический факт показывает, что деятельность Фонда как одного из авторитетных финансовых институтов скорее имеет прагматический характер и данная структура в предусмотренные сроки выполняет заключенные контракты.

Именно этот аспект деятельности организации, с одной стороны, и прагматизм внешней политики Республики Таджикистан под руководством ее президента Э. Рахмонова, с другой — основные факторы, сыгравшие первостепенную роль в расширении сотрудничества сторон.

В целом с начала двусторонних связей исламских организаций и фондов с Таджикистаном эти структуры участвовали (и участвуют) в реализации проектов на 180 млн долл., из которых 76 млн долл. уже освоены¹².

4. Таджикистан и международные исламские нелегальные организации

Как мы уже отмечали, наряду с легальными исламскими организациями в республике действуют нелегальные, в том числе религиозно-политическая партия «Хизб ут-Тахрир-ал-Ислами». Согласно некоторым источникам, ее штаб-квартира (амират), по одной версии, находится в Западной Европе, по другой — в Палестине, а филиалы — в Ливане, Иордании, Египте, Турции и в некоторых странах Центральной Азии.

Деятельность ХТИ большинство мусульманских стран давно признали неконституционной, так как основу политической доктрины партии составляет идея халифата.

С 1950-х годов в мусульманских государствах возникают движения и организации, деятельность которых впоследствии приняла исламистский характер. Причиной их формирования стали местные, региональные и международные факторы. Среди них выделим следующие:

- кризис западной и советской моделей развития, на которые ориентировались элиты многих мусульманских стран;
- постоянное поражение арабских государств в борьбе за освобождение своих земель, захваченных Израилем, что снизило авторитет национально-светских идей среди широких масс мусульманских стран, особенно арабских, в результате чего для разрешения своих проблем и поиска ответа на важные современные вопросы они обратились к исламу;
- провал объединительных проектов в арабском мире на национальной основе (например, арабское единство) по сравнению с объединительными процессами в Европе;
- финансовая мощь и определенное политическое влияние, которые имеют Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и другие страны-экспортеры нефти в исламском мире.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² См.: Азия-Плюс, 17 мая 2006.

Что же касается ХТИ, то важную роль в ее возникновении (в 1952 г.) сыграла борьба палестинского народа за освобождение своих земель, хотя определенное влияние имели и другие факторы. Да и создана она на основе Палестинского отделения партии «Ал-ихвон ал-муслимин». Ее учредителем был Такиуддин Набхони Алфаластини.

На первом этапе партия объявила своей целью освобождение палестинских земель от израильской оккупации. В дальнейшем отсутствие поддержки со стороны мусульманских стран, особенно арабских, а также неэффективность ООН в урегулировании этого кризиса стали причиной того, что для разрешения проблем ХТИ выдвинула идею создания халифата. А в связи с тем, что после формирования новой международной системы (система Ялта — Потсдам, 1945—1990 гг.) в исламском мире численность государств-наций возросла, то для сохранения своих политических режимов и защиты национальных интересов они объявили ХТИ незаконной, что и стало причиной ее перехода на нелегальную деятельность. Другими словами, идею халифата правительства мусульманских стран рассматривали как серьезную угрозу их национально-государственным интересам.

После обретения независимости республиками Центральной Азии, используя идеологический вакуум постсоветского периода, ХТИ смогла создать свои подпольные структуры в некоторых городах и районах Таджикистана. По словам российского ученого Алексея Малашенко, «ячейки ХТИ существуют в северных регионах Таджикистана. Здесь численность ее членов якобы достигает 5 тыс.»¹³

По нашему мнению, причина большого влияния этой партии на севере страны заключается в следующем:

- географически северный регион Таджикистана входит в Ферганскую долину — экономически и социально отсталую территорию Центральной Азии, где первоначально возникла эта партия;
- слабое влияние легальной Партии исламского возрождения Таджикистана в этом регионе из-за того, что большинство ее руководителей — выходцы из южных регионов страны;
- основная часть жителей восточной части РТ — приверженцы исмаилитского направления ислама.

Наряду с этим необходимо отметить, что есть вероятность использования этой партии некоторыми странами в качестве инструмента для осуществления своих геополитических интересов.

Эта партия, будучи экстремисткой, непосредственно угрожает государственной безопасности страны, что может выразиться в следующем.

1. Изменение образа жизни и способа мышления каждого мусульманина. С точки зрения идеологов этой партии, для установления халифата на нынешнем этапе необходимо изменить образ жизни и способ мышления мусульман, чтобы он соответствовал «истинному исламу».

На наш взгляд, пропаганда таких идей может стать фактором дестабилизации внутри самого традиционного ислама в Таджикистане, что приведет к религиозному конфликту. Дело в том, что в листовках «Хизб ут-Тахрир» сформулировано ее отношение к ритуально-догматическим положениям, которых придерживается большинство мусульман РТ, прежде всего осуждается стремление приверженцев традиционного ислама следовать традиционным установкам этой религии, а также их лояльное отношение к властям.

¹³ Малашенко А. Исламизм в Центральной Азии: сегодня и завтра. Центральная Азия 2007. Ключевые факторы безопасности. В сб.: Материалы международной конференции. Алматы, 2007. С. 17.

2. Идея создания халифата.

«Главной (и уже решаемой) задачей ХТИ остается проникновение в госаппарат, в том числе в службы безопасности»¹⁴.

В Программе ХТИ говорится, что если будет возможность свергнуть правителя, мусульмане обязаны для достижения этой цели использовать оружие, если нет такой возможности, необходимо мобилизовать силу и просить помощи у сильных. Как видно, использование силы для достижения своих целей не является исключением в стратегии этой партии, вхождение в силовые структуры и привлечение к себе их представителей в программе партии составляют одну из основных задач. С этой точки зрения, деятельность партии в Таджикистане угрожает и его государственной безопасности. Члены ХТИ пропагандируют (наряду с преданием анафеме существующих политических режимов и руководителей мусульманских стран) идею «золотого века» — период правления праведных халифов, что в условиях экономических трудностей и идеологического кризиса может негативно отразиться на стабильности в обществе и стать причиной влияния этой идеи на огромную часть населения страны.

3. Использование этой партии некоторыми странами для достижения своих геополитических целей.

Резиденции (амираты) ХТИ, как мы уже отмечали, находятся в различных странах. Поэтому не исключается вероятность того, что эту партию попытаются использовать внешние силы для осуществления своих геополитических интересов. Иными словами, она сможет заменить террористическую организацию «Аль-Каида», которая (как «Хизб ут-Тахрир») возникла на базе движения «Братьев мусульман», и не исключено, что между ними существует определенная связь.

4. Так как, согласно некоторым данным, в Таджикистане большинство членов этой партии являются тюркоязычными, то навязывание своих идей местным мусульманам может вызвать конфликт на этнической основе и негативно сказаться на отношениях РТ с соседними тюркоязычными государствами.

В ы в о д ы

Таким образом, после обретения республикой независимости международные организации, в частности исламские, начинают занимать особое место в ее системе международных отношений. Во внешней политике Таджикистана начинает формироваться модель связей с международными организациями, особенно с исламскими, и, как мы видим, сотрудничество с ними в основном соответствует национально-государственным интересам РТ.

Хотя сегодня отдельные государства и являются основными акторами международных отношений, но их возможности в разрешении региональных и международных проблем ограничены. Поэтому расширение сотрудничества РТ с региональными и международными организациями может содействовать решению глобальных и региональных проблем. С другой стороны, вступление РТ в эти организации доказывает, что и многосторонняя дипломатия начинает играть большую роль в системе международных отношений страны. Если ее двусторонняя дипломатия в основном содействует разрешению

¹⁴ Там же. С. 17.

межправительственных двусторонних проблем, то многосторонняя направлена на решение региональных и глобальных проблем, чтобы РТ смогла без ущерба войти в региональные и глобализационные процессы.

По нашему мнению, важность расширения сотрудничества республики с международными исламскими организациями определяется рядом факторов.

1. Углубление сотрудничества с вышеуказанными организациями может стать причиной ограничения влияния экстремистских и фундаментальных структур, действующих от имени ислама, на политическую и социальную жизнь РТ. Таким образом, вносится вклад во внутреннюю стабильность страны.
2. С учетом национальных интересов стран-членов, вышеуказанные организации, особенно ОИК, смогут содействовать устранению возникающих конфликтов между странами-членами.
3. Членство РТ в этих организациях повышает ее авторитет на международной арене, особенно в странах исламского мира.
4. Эти организации способны внести достойный вклад в социальное, экономическое, научное и культурное развитие республики и таким образом в определенной степени содействуют реализации Стратегии национального развития (СНР).

Что касается исламских нелегальных организаций, то их цель заключается в продвижении исламистского проекта, нацеленного на нарушение правопорядка и стабильности, выведение определенных территорий из-под сложившейся юрисдикции, создание параллельных органов руководства страной и организацию вооруженного захвата власти.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

**ИРАН И ГОСУДАРСТВА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ГЕНЕЗИС, СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА****Дмитрий ВАРНАВСКИЙ**

*научный сотрудник отдела Азии и Африки
Института мировой экономики и
международных отношений
Национальной академии наук Украины
(Киев, Украина)*

Одним из последствий распада СССР стало оформление новой политической и экономической ситуации в республиках Центральной Азии, с иными доминирующими факторами влияния на ее развитие. Изменилась расстановка политических игроков, заинтересованных в эволюционной направленности региона, глобальных и национальных сил, активно вступили в игру за будущее региона новые акторы, в том числе Иран.

Не всегда для политики Тегерана в отношении ЦА была характерна нынешняя корректность и взвешенность. Однако общая модификация его внешней политики в 1990-х годах существенно затронула и стратегический курс ИРИ в направлении государств Центральной Азии.

В ходе состоявшегося в 1993 году визита в страны ЦА президент ИРИ Хашеми-Рафсанджани подчеркнул, что основная цель его поездки — деловые контакты. Однако до того министр иностранных дел страны А. Велаяти заявлял, что Иран рассматривает свои отношения с этими республиками не с коммерческой точки зрения¹. Здесь отчетливо проявился прагматизм Тегерана, ведь данное заявление было сделано, вероятно, с

¹ См.: *Menashri D.* Iran and Central Asia. В кн.: *Central Asia Meets the Middle East.* London, 1998. P. 90.

учетом того, что страны ЦА неоднократно демонстрировали свое желание развивать с Ираном преимущественно экономические отношения, без политического подтекста. Так, представитель МИД Туркменистана заявлял, что Иран нужен Туркменистану, чтобы доставлять к морю его товары, но в то же время Туркменистан не желает превращаться в исламское государство иранского образца. В таком же духе высказался и бывший глава Духовного управления мусульман Центральной Азии муфтий Мохаммед Юсуф Мохаммед Садег, отметив, что для Узбекистана более приемлем турецкий путь развития².

Прагматическое крыло ИРИ осознало, что более прочной базой для интенсивного проникновения Ирана в регион и распространения там его влияния может стать культурная доминанта, в результате чего Тегеран быстро переориентировался на возрождение культурной общности, в частности, активно, особенно в 1990-х годах, пропагандировал общее культурное наследие региона. При этом внимание акцентировалось на необходимости культурного возрождения для обретения истинной независимости, возрождения былого величия и подчеркивалось, что в этом Иран готов оказать значительную помощь.

Это новое направление внешнеполитического курса совпало с тем, что уже с конца 1980-х годов в Иране (наряду с ослаблением жестко исламизированного идеологического курса в политической и культурной жизни страны) заметнее проявляется традиционный, собственно иранский элемент³. Провозглашается приверженность классической традиции в культурной политике, демонстрируется стремление объединить ученых Азии и всего мира вокруг ценностей персидской классической поэзии и наследия Фирдоуси. Особый акцент делается на роли эпоса Фирдоуси для национальных культур народов Центральной Азии и Кавказа. Именно на эти факторы возлагается задача создать почву для вхождения в регион на основе общих культурных и экономических предпосылок⁴. Культурно-политическая доктрина Ирана в регионе отходит от сугубо исламских постулатов и ориентируется на распространение и пропаганду памятников иранской культурной традиции: персидского языка и поэзии, текста Корана на фарси, реконструкцию исторических традиционных связей, распространение общих этнических доисламских и исламских принципов. При этом мусульманское наследие присутствует в доктрине лишь как некий общий фон⁵.

В Тегеране заявляют, что на этапе формирования такой чисто экономической организации, как ОЭС, роль иранского культурного наследия позволит консолидировать экономический союз стран и обрести в исламском мире свой устойчивый имидж. Иранцы полагают, что именно специфика их древней культуры, ее укорененность в истории и признании народов Южной Азии поможет нынешним государствам более эффективно интегрироваться в регион и будет способствовать его развитию и созданию в перспективе культурно-политической и экономической общности сопредельных стран⁶.

В 1995 году министр иностранных дел ИРИ А. Велаяти провозглашает действенность принципа исламского идеолога Али Шариати «возврата к себе» (*базгэшт бе ход*), который, по его мнению, активен и проявляется в культурном, политическом и экономическом контексте жизни региона. Он говорит о региональных связях Ирана и Центральной Азии, успех и реальность осуществления которых «гарантирует общее для этих стран

² См.: *Menashri D.* Op. cit.

³ См.: *Кляшторина В.* Эволюция роли культуры в процессе модернизации Ирана и стран региона // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. М., 1997. С. 158.

⁴ См.: Там же. С. 161.

⁵ См.: Там же. С. 164.

⁶ См.: *Кляшторина В.* Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе. В кн.: ИРИ в 90-е годы. М., 1998. С. 123.

культурное наследие»⁷. Это заявление, если его рассматривать в контексте региональной политики ИРИ в Центральной Азии в 1990-х годах, демонстрирует, как Иран использует идеи общей культуры для развития связей и укрепления своего влияния и положения в странах региона. При этом подчеркивается, что иранская культура не является для стран региона чем-то привнесенным извне, а представляет собой часть их собственного культурного прошлого. Таким образом, это приобретает вид не пропаганды собственно иранской культуры, а призыва вернуться к своим историко-культурным истокам, к своему славному прошлому, трепетное отношение к которому — традиционная часть культуры восточных народов как единого историко-культурного дискурса, а не только народов ЦА.

Как утверждает Тегеран, в пользу развития сотрудничества стран региона с Ираном говорят их общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические основы и древние торговые связи. Общность культуры, истории, искусства, литературы и религии иранских народов с народами ЦА — надежный фундамент и прочная база для развития их отношений.

Таким образом, особое значение в отношениях республик региона с Ираном стало уделяться анализу культурного прошлого. В связи с этим особый интерес представляет точка зрения Мехди Санай, иранского исследователя, специализирующегося на изучении отношений Ирана со странами Центральной Азии, в 1997 году опубликовавшего книгу «Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии». В качестве обоснования исторической и культурной общности Ирана и нынешних республик региона он приводит несколько аргументов⁸. Хотелось бы остановиться на некоторых из них.

1. Отношения Ирана с Центральной Азией стали развиваться до появления ислама, даже до появления христианства, когда большая часть территории нынешней Центральной Азии была частью Ирана. Благодаря заимствованной у древних иранцев системе обучения и воспитания школы Центральной Азии приобрели особое развитие и стали центрами воспитания великих ученых. Благодаря этой системе в регионе успешно развивались исламская культура, наука, техника, образование, философия, искусство и литература. Даже находясь под властью правителей-тюрков, имевших тесные связи с Аббасидским халифатом и препятствовавших распространению шиизма, не допускавших иранцев к власти, иранцы обладали огромным влиянием в политической и культурной жизни.

Исходя из приведенных посылов, культура и цивилизация, существующая в Центральной Азии, с появлением ислама в регионе воспринимается как прямая заслуга Ирана⁹. В языках народов Центральной Азии можно встретить множество персидских слов. Местное население использует в разговорной речи персидские поговорки, стихи. Таджикский язык относится к иранской языковой семье. В Узбекистане большинство исламских ритуалов народ выполняет на персидском языке. Благодаря влиянию иранской системы образования на многих летописцев XV—XVII столетий история народов Центральной Азии писалась на персидском языке. Известные ученые, родившиеся на территории Центральной Азии, признаются выходцами из ирано-исламской культуры. Отмечается, что, например, на мировом уровне такие ученые, как Рудаки, Улугбек, Бухари, ибн Сина, Балами, Бируни, Насер Хосров, известны как иранские деятели. У народов Ирана и Центральной Азии много общих традиций, например празднование

⁷ Там же. С. 127.

⁸ См.: Санай М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. Алматы, 1997. Глава 1.

⁹ См.: Там же. С. 15.

Навруза. Многие традиции и обычаи сформированы под влиянием ислама, который отразился на менталитете и быте народов Центрально-Азиатского региона, занял прочное место в их повседневной жизни. Одна из причин тесной связи Ирана с Центральной Азией заключается в присутствии национальных меньшинств по обеим сторонам общей границы. «Встречное» переселение особенно интенсивно происходило во времена Великого шелкового пути.

2. В XVIII—XIX веках большая часть территории Центральной Азии вошла в состав Российской империи, а в XX веке — в СССР, в культурных отношениях между Ираном и Центральной Азией стал наблюдаться относительный застой. Однако, по мнению М. Санаи, присутствие культуры и традиций Ирана в Центральной Азии было так значительно, что стало препятствовать распространению русской культуры в XIX—XX веках. Советизация и коллективизация вызвали массовое бегство турков Центральной Азии за рубеж, в том числе в Иран. В настоящее время многочисленная община этнических туркмен проживает в провинции Мазендаран на границе с Туркменистаном, в городе Горган, к тому же на севере Ирана проживает значительное количество казахов.
3. Лишь после обретения независимости в республиках ЦА начались процессы самоопределения, возрождения национальной самоидентификации, целью чего было установить определенную дистанцию от России и русской культуры.

Таким образом, мы видим, что для иранского проникновения в регион создана убедительная идеологическая база, которая сразу же начинает активно внедряться на практике. В 1992 году ИРИ открывает практически во всех республиках ЦА свои посольства, специальные сотрудники которых занимаются вопросами культуры, образования и науки. Кроме того, в этот период Министерство культуры и исламской ориентации открывает в Алматы свое специальное представительство, выполняющее функции иранского культурного центра в регионе. Затем культурные представительства ИРИ появляются в Таджикистане и Туркменистане. Эти структуры способствуют динамичному развитию культурных, образовательных и научных связей ИРИ со странами региона¹⁰. В мае 1992 года Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Туркменистан участвуют в международной выставке книг в Тегеране. В дни ее работы подписывается ряд двусторонних документов о сотрудничестве в сфере культуры, в том числе библиотековедения и полиграфии, охватывающих также пополнение книжной продукцией национальных библиотек соответствующих стран. В те же годы в Иране издаются серия учебников, словарей, журналов для республик Центральной Азии.

Хотелось бы обратить внимание на несколько весьма уязвимых мест в пропаганде иранской культуры в странах региона. Так, несмотря на громкие заявления об общем культурном наследии, в культуре Ирана и Центральной Азии достаточно много различий и говорить о культурной идентичности вряд ли корректно. В XVI веке Иран стал шиитской страной, что, естественно, отделило его от соседних суннитских стран. В республиках Центральной Азии нет значительных по численности шиитских меньшинств, с которыми Иран мог бы наладить крепкие связи. После обретения независимости представители молодежи республик ЦА начали выезжать на учебу в теологические центры Турции, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Марокко, но не Ирана. К тому же эти страны начали широкомасштабную религиозную деятельность в республиках ЦА, куда для распространения и пропаганды ислама хлынули миссионеры. Когда еще в Советском

¹⁰ См.: *Атахаюв А.* Развитие культурных связей государств Центральной Азии с ИРИ в постсоветский период // *Исламская революция: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов.* М., 1999. С. 7.

Союзе поднялась волна исламистского движения и была создана Партия исламского возрождения, идеологи этого движения обращались главным образом к трудам суннитских, а не иранских мыслителей¹¹.

С точки зрения культуры и лингвистики, четыре из пяти стран ЦА являются частью тюркоязычного мира, только в Таджикистане преобладает фарси. Регион всегда находился под влиянием окружавших его цивилизаций, на перекрестке таких философских систем, как конфуцианство, буддизм, ислам и христианство. Через него проходил Великий шелковый путь, служивший не только средством обмена товарами, но и идеями между Китаем, Индией, Ираном, а также с государствами Южной и Центральной Европы. Как отмечает профессор Нью-Йоркского университета Роберт Д. Макчесней, страны Центральной Азии заимствовали ключевые элементы у трех основных частей исламского мира: религию у арабов, административно-бюрократическую систему — у персов, военную — у турок, получив уникальное преимущество от сочетания иранского и турецкого начал в своей собственной культуре¹².

Кроме того, Иран часто подчеркивает свое превосходство над республиками ЦА, старается преподнести себя в качестве «старшего брата», способного преподать им уроки в сфере ислама, культуры, даже языка (в случае Таджикистана), что вызывает раздражение в этих государствах. Таким образом, разработанное Ираном обоснование присутствия в регионе представляется далеко не идеальным, однако идеи культурно-исторической общности, вероятно, будут развиваться и использоваться в дальнейшем, так как больше всего отвечают интересам ИРИ.

Что же касается возможной исламизации стран Центральной Азии, то угроза исходит не от Ирана. Иранский шиитский ислам вряд ли может быть широко воспринят в республиках Центральной Азии, население которых в основном составляют сунниты ханафитского толка. Группы шиитов в регионе немногочисленны, к ним в основном относятся азербайджанцы и иранцы по происхождению, проживающие компактно в некоторых странах ЦА.

Основная угроза экспансии радикального ислама исходит от суннитских радикальных движений, базирующихся в Пакистане и Афганистане¹³. Опыт ряда мусульманских стран показывает, что исламские фундаменталисты быстро набирают силу и начинают претендовать на власть в тех государствах, где модернизация (в сочетании с демографическим взрывом) ведет к быстрому обнищанию значительной части населения. Такая ситуация могла сложиться в странах ЦА. Сильная сторона исламских фундаменталистов — проповедь социальной справедливости, конфессионального демократизма и интернационализма, что может выступать в качестве идейно-политической альтернативы национализму и этнократии.

Как уже говорилось, Иран не заинтересован в дестабилизации ситуации в регионе, более того, он опасается, что националистические настроения, проявляющиеся в странах ЦА, могут распространиться и среди иранского населения (значительную его часть составляют национальные меньшинства, в частности выходцы из Центральной Азии), что создаст угрозу территориальной целостности ИРИ. Действительно, по обеим сторонам границы Ирана со странами региона проживают люди с одной религией, традициями и языком, что имеет большое значение для Тегерана. Национальные меньшинства народов ЦА проживают и в других странах Среднего и Ближнего Востока. Например, туркменс-

¹¹ См.: *Roy O.* Iran's Foreign Policy towards Central Asia. N.Y., 1999. P. 9.

¹² См.: *McChesney R.D.* Central Asia's Place in the Middle East. В кн.: *Central Asia Meets the Middle East*. P. 31.

¹³ См.: *Хрусталева М.А.* Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994. С. 19.

кие национальные меньшинства присутствуют не только в Иране, но и в Ираке, Сирии, Саудовской Аравии¹⁴.

Отношения ИРИ с государствами Центральной Азии развиваются на многостороннем и двустороннем уровнях, а также между областями и провинциями. Иран был одной из первых стран, признавших независимость республик ЦА во всех региональных, международных организациях и форумах¹⁵.

Большое значение для Ирана имело вступление этих республик в Организацию Исламская конференция, что способствует не только повышению авторитета ОИК в мире, но и возрастанию в ОИК роли неарабских государств, что усиливает в этой организации позицию Ирана.

Иран также выступает за вхождение стран ЦА в ОПЕК и стремится выработать совместно с ними политику экспорта нефти и газа через свою территорию, что могло бы усилить позиции Тегерана и в ОПЕК.

В 1992 году по инициативе Ирана страны ЦА приняли в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), воссозданную в 1985 году на базе Организации регионального сотрудничества для развития, что превратило ее во вторую региональную организацию в мире по охвату территории и количеству населения.

Основатели ОЭС рассматривали данные республики как новый рынок, источник природных ресурсов, путь транзита товаров в Европу, на Дальний Восток, в Сибирь, Юго-Восточную Азию и другие рынки мира. Иран высказывал идеи создания «исламского общего рынка». Естественно, для ИРИ сотрудничество в рамках ОЭС — это и проникновение в государства ЦА, и возможность выйти из изоляции. Так, основное внимание в проектах ОЭС (ведущую роль в этой структуре играет Иран) уделяется созданию транспортных и прочих коммуникаций, ключевое место в которых отводится ИРИ, благодаря чему последняя будет тесно связана со странами региона. Для финансового обеспечения разрабатываемых проектов государства ОЭС пытаются скоординировать банковскую деятельность. В 1993 году было утверждено решение о создании Совместного банка ОЭС. Была создана страховая компания организации. В рамках ОЭС образованы Научный фонд и Культурная организация для развития сотрудничества в сфере культуры и обмена научными достижениями¹⁶. Однако приоритетным направлением сотрудничества в регионе остается торговля, но здесь превалируют двусторонние связи, развитие которых осложнено единообразием экспортно-импортной продукции стран ОЭС — проблемой, традиционно осложняющей региональную интеграцию.

Важное направление сотрудничества стран ОЭС — реализация совместных проектов в нефтегазовой области и энергетике, но сотрудничество осуществляется в основном на двусторонней основе.

Возрождена идея создания Трансазиатской железнодорожной магистрали «Великий шелковый путь», которая связала бы страны Среднего Востока с Европой, Дальним Востоком, Индией и государствами ЮВА и в которой Иран, по словам А. А. Хашеми-Рафсанджани, стал бы основным опорным столбом¹⁷. В рамках этого проекта в 1995 году Иран сдал в эксплуатацию 700-километровый участок железной дороги Бафк — Бендер-Аббас, а в 1996-м завершилось строительство магистрали Мешхед — Серакс — Теджен, которая соединила железнодорожные сети Ирана и стран Центральной Азии. Ввод в эксплуатацию этих трасс обеспечивает самый быстрый транзит грузов из Центральной Азии к портам Персидского залива¹⁸. С 1996 года

¹⁴ См.: *Shaffer B.* Epilogue. В кн.: *Central Asia Meets the Middle East*. P. 230.

¹⁵ См.: Практические шаги, направленные на укрепление региональных и международных отношений // Третий взгляд, 2000, № 71. С. 36.

¹⁶ См.: *Дунаева Е.* Иран и страны ОЭС. В кн.: *ИРИ в 90-е годы*. С. 89.

¹⁷ См.: *Menashri D.* Op. cit. P. 85.

¹⁸ См.: *Ibidem*.

международный консорциум «НОСТРАК» и российская компания «Трансконтинентальные линии» разрабатывают проект международного транспортного коридора «Север — Юг», в рамках которого планируется организовать железнодорожное сообщение по восточному побережью Каспийского моря (со строительством соединительного участка между железными дорогами Казахстана и Туркменистана с последующим выходом на железнодорожную сеть Ирана) и намечается реализация ряда других проектов. Кроме того, ведется строительство железных дорог Мешхед — Бафк и Керман — Захедан. Большое значение уделяется планам создания морских паромов, которые будут курсировать из порта Энзели в порты Туркменбаши и Оля, а также по маршруту Махачкала — Баку — Ноушехр, подготовке проекта железнодорожного паромного сообщения Лагань (Калмыкия) — Ноушехр с дальнейшим выходом в ОАЭ¹⁹.

Принято решение соединить энергосистемы стран региона для передачи электроэнергии на территории, испытывающие ее дефицит. Так, электросеть Ирана уже соединена с электросетями Турции и Азербайджана, идут работы по соединению электросетей ИРИ и Туркменистана. Предпринимаются попытки создать общую систему связи. Иран не без оснований активен в подготовке и продвижении проектов транспортировки через его территорию энергоносителей из республик ЦА.

Вопрос трубопроводов имеет для Ирана не только экономическое, но и стратегическое значение. Страна, через которую будут вывозить каспийские энергоресурсы, становится настоящей региональной силой и, конечно же, обогащается экономически. Кроме того, как мы уже отмечали, Ирану было бы очень выгодно получать каспийскую нефть для потребления в своих северных районах. Некоторые исследователи США также признают, что иранский путь транспортировки каспийской нефти (по крайней мере для Туркменистана и Казахстана) наиболее удобен, так как он дешевле и Иран является наиболее стабильной страной в регионе и надежным деловым партнером²⁰. Но здесь основным препятствием стали санкции со стороны Соединенных Штатов. Таким образом, страны ЦА стоят перед проблемой выбора между необходимым для них маршрутом транспортировки энергоносителей, сулящим немалые выгоды, и отношениями с США, которые занимают одну из первых позиций в шкале внешнеполитических приоритетов республик региона. Кроме того, эти республики не всегда могут сами решать вопросы, связанные с транспортировкой их энергоресурсов. Так, нефтяная отрасль Казахстана крепко связана с иностранными нефтяными компаниями, среди которых преобладают американские и европейские (около 50% инвестиций в отрасль)²¹. Следует отметить, что многие проекты прокладки трубопроводов не реализуют из-за отсутствия источников финансирования. А международные финансовые организации отказываются выделять средства на эти проекты, так как ключевой страной на трассе газо- и нефтепроводов должен стать Иран. По этой же причине от участия в данных проектах отказываются компании США и других стран Запада. Таким образом, для Тегерана приоритетное значение имеет снятие санкций Вашингтона или хотя бы их ослабление.

Здесь уместно подчеркнуть, что проблема транспортных путей — это не только вопрос о выборе направления транспортировки экспортных и импортных товаров стран Центральной Азии, это, вероятно, в первую очередь проблема доступа в регион, имеющая уже не только экономическое, но и геополитическое значение. Для ИРИ это и вопрос выхода из изоляции, преодоления санкций. Реализация иранских проектов означала бы прекращение всех бойкотов и эмбарго, а интересы западных компаний, чья нефть пойдет по трубам, стали бы лучшей гарантией внешнеполитического авторитета Ирана, к тому же возросло бы его влияние в регионе.

¹⁹ См.: Дунаева Е. Каспийский регион и ИРИ. В кн.: Исламская революция в Иране. М., 1999. С. 135—136.

²⁰ См.: Roy O. Op. cit. P. 16.

²¹ См.: Азовский И. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М., 1999. С. 89.

Таким образом, Ирану необходимо проводить на центральноазиатском направлении активную внешнюю политику, чтобы сохранить существующие позиции и, возможно, в перспективе вернуть утраченные. Учитывая ситуацию, ныне сложившуюся вокруг Ирана, и стремительно меняющийся политический климат в странах Центральной Азии (активная экспансия западными компаниями экономически выгодных направлений сотрудничества, расширение НАТО и т.п.), следует иметь в виду, что они могут в значительной мере ослабить возможности ИРИ оказывать влияние на страны региона. Последнее обстоятельство негативно отразится на внутреннем экономическом и политическом положении Ирана, приведет к возникновению новых проблем, создаст дополнительную угрозу его безопасности. Решение подобных задач возможно не только в результате крупномасштабных в финансовом и экономическом отношении проектов, но и на основе более активной культурной политики, направленной на реактуализацию вековой вовлеченности народов региона в ареал исламских историко-культурных ценностей.

ТАДЖИКИСТАН — ИРАН: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Хуршед ДОДИХУДОВ

*кандидат политических наук,
заместитель начальника управления внешней политики и
внешнеэкономического развития
Центра стратегических исследований при Президенте РТ
(Душанбе, Таджикистан)*

Вафо НИЯТБЕКОВ

*ведущий специалист управления внешней политики и
внешнеэкономического развития
Центра стратегических исследований при Президенте РТ
(Душанбе, Таджикистан)*

Геополитический фактор РТ и ИРИ в регионе

Дипломатия независимого Таджикистана направлена на развитие отношений со всеми членами мирового сообщества. При этом многовекторность внешней политики не исключает возможности выработки приоритетного сотрудничества с рядом стран, укрепление связей с которыми имеет взаимовыгодный характер.

В последнее время за многими государствами твердо закрепился термин «региональная держава», то есть страна, чье влияние не ограничивается только одним театром политической, экономической и гуманитарной активности. И в определенном регионе эти субъекты потенциально способны оказывать прямое воздействие на политические процессы. Несмотря на то что сам термин известен уже более полувека, широко популярным он стал лишь в последние 10—15 лет, поскольку порожден активизацией государств, образующих данную категорию стран.

Сегодня одним из таких государств для Центральной Азии является Иран. За последнее время его воздействие на региональные процессы заметно возросло, что позволяет рассматривать ИРИ как одну из устойчивых региональных держав.

После образования СССР политическое, экономическое и культурное влияние Ирана в регионе было сведено к нулю, однако и в советский период эта страна всегда стремилась зафиксировать здесь свое присутствие. Широкую известность получила ее инициатива по переводу в 1980 году консульства Ирана из Ленинграда в Душанбе. Однако тогдашние власти Советского Союза эту идею не поддержали.

Ныне ИРИ — одна из четырех стран (наряду с Россией, Китаем и Афганистаном), граничащих с Центральной Азией. Появление в ЦА пяти новых независимых государств привлекло повышенное внимание иранского политического истеблишмента, что со временем стало выражаться в конкретных проектах, позволивших Тегерану заметно укрепить свои позиции в республиках региона.

Благодаря богатым природным ресурсам, удобному географическому положению, значительному экспортному потенциалу и достаточно емкому внутреннему рынку Иран имеет возможность осуществлять взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество со многими странами, в том числе с центральноазиатскими¹.

Так, если интерес ИРИ к Туркменистану обусловлен прежде всего общей сухопутной и морской границей, а к Казахстану — морской, то внимание Ирана к Таджикистану, который географически значительно отдален, объясняется принадлежностью к единой языковой и расовой группе, а также культурной и политической общностью в прошлом.

В начале построения отношений с государствами ЦА Иран выработал стратегию, в первоначальном варианте включавшую использование культурно-исторической общности народов, больше всего такому подходу соответствовал Таджикистан. Однако Тегеран не смог использовать фактор ислама в связи с исповедованием различных течений этого религиозного учения, а также политической конъюнктурой внешней политики государства, что способствовало выработке и воплощению новой прагматичной политики, направленной на реализацию экономических мер и воздействия, которое содействовало бы укреплению позиций ИРИ в регионе. Иран развивал сотрудничество во взаимовыгодных областях экономики республик ЦА, включая энергетику, транспорт, банковскую и торговую сферы.

Провозглашение государственной независимости в Таджикистане омрачилось гражданским противостоянием в стране, которое продолжалось пять лет и имело для республики трагические последствия. Своей активной, конструктивной и мирной политикой Иран внес весомый вклад в мирное урегулирование межтаджикского конфликта.

27 июня 1997 года правительство РТ и Объединенная таджикская оппозиция подписали в Москве Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане, гарантами которого выступили РФ и ИРИ. Позиция Тегерана в данном процессе спо-

¹ См.: Хаджиева Г.У. Центральная Азия и Иран: потенциал экономического партнерства. Материалы международной конференции «Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака». Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 217.

собствовала созданию доверительного отношения к Ирану со стороны государств региона.

2006 год был объявлен в Таджикистане Годом арийской цивилизации. К этому событию в стране были приурочены мероприятия, направленные на изучение вклада арийской цивилизации в мировую культуру. Современные ИРИ и РТ — прямые потомки некогда единой арийской цивилизации.

Вышеизложенное получило свое продолжение и в политической плоскости — в июле 2006 года в Душанбе встретились лидеры трех стран-преемниц данной цивилизации. Ныне эта тенденция имеет скорее геополитический, нежели исторический характер. В целом упомянутое мероприятие можно охарактеризовать как попытку руководителей Ирана и Таджикистана создать в регионе альтернативную идею в противовес идее пантюркизма, которая не отвечает национальным интересам Тегерана и Душанбе.

Геополитическим «шарниром» всей центральноазиатской геополитической стратегии теллуократии должен стать Таджикистан. Республика играет в этом процессе роль основной базы, причем ее территория трансформируется в геополитическую «лабораторию», где сходятся два разнонаправленных импульса: исламский импульс индоевропейского евразийского Юга и российский геополитический импульс, идущий из «Хартленда», с Севера. Таким образом, логично обозначить еще один вектор: Москва — Душанбе — Кабул — Тегеран, вдоль которого должна складываться небывалая геополитическая реальность².

Сегодня наблюдается активное политическое взаимодействие стран указанного четырехугольника, что определяется прежде всего самой дипломатией этих государств в регионе за исключением Афганистана (в силу имеющего место в самой стране кризиса).

Внешняя политика Ирана вызывает на международной арене бурные дискуссии. Многие оценки, звучащие в мире, отражают непонимание сущности исламского государства и мотивов, которыми руководствуется Тегеран, принимая те или иные решения. Изучая современное состояние иранского общества, необходимо в равной степени учитывать три фактора: иранские традиции, культуру, ислам³.

Внешняя политика ИРИ на ее северных границах определяется четырьмя составляющими: российско-иранскими отношениями, исламским фактором, глобальным фактором (ролью США в формировании региональной политики), представлением Ирана о своей ключевой роли в развитии Центральной Азии и Закавказья⁴.

Возврат ИРИ в политическую, экономическую и культурную жизнь региона определяется национальными интересами Тегерана. Тесные и стабильные связи со странами ЦА приведут как к развитию приграничных государств, так и прогрессу северных провинций Ирана.

Двустороннее экономическое сотрудничество

Иран стал первой страной, открывшей свое дипломатическое представительство в таджикской столице — это произошло после того, как РТ провозгласила свою государственную независимость. А в июле 1995 года в Тегеране начало функционировать тад-

² См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. С. 354—357.

³ См.: *Санаи М.* Внешняя политика Ирана: между историей и религией // Россия и мусульманский мир, 2006, № 8 (170). С. 157.

⁴ См.: *Центральная Азия в современном мире: Внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития: Реф. сб. // РАН ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел Азии и Африки. М., 2007. С. 89.*

жикское посольство, что было приурочено к первому официальному визиту президента Республики Таджикистан в Исламскую Республику Иран. На первоначальном этапе в двусторонних отношениях превалировало гуманитарное сотрудничество; реализация конкретных экономических проектов была невозможной в силу сложной политической ситуации в РТ, вследствие чего они находились на стадии рассмотрения.

Визит президента Ирана Хатами в Таджикистан в 2002 году и ответный визит президента Таджикистана Эмомали Рахмона в 2003-м сдвинули двусторонние связи с мертвой точки. Так, стороны согласовали свои позиции по одному из крупнейших инвестиционных проектов ИРИ в РТ — ГЭС Сангтуда-2.

Эта гидроэлектростанция будет сооружена совместными усилиями на реке Вахш (юг РТ). Стоимость объекта составляет 220 млн долл., из них 180 млн инвестирует Иран, 40 млн — Таджикистан. Официально строительство началось 20 февраля 2006 года, а завершить его планируется через 3,5 года. В течение 12,5 лет иранцы будут получать всю прибыль, затем объект полностью перейдет в собственность Таджикистана⁵. Ввод в эксплуатацию этой мощной ГЭС во многом повысит энергетическую безопасность РТ и позволит ей экспортировать излишки электроэнергии.

Оказался плодотворным и январский (2006 г.) официальный визит президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Иран. По итогам встречи был подписан пакет документов, выводящий экономическое взаимодействие на качественно более высокий уровень:

- Соглашение об упрощении банковского кредитования;
- Меморандум о взаимопонимании в сфере стандартов, транспорта, грузоперевозок, энергетики и внешней политики;
- Соглашение о реализации проекта по строительству ГЭС «Сангтуда-2»;
- Дополнительный протокол к меморандуму о взаимопонимании и сотрудничестве в осуществлении этого проекта;
- Совместная декларация о развитии взаимоотношений и сотрудничества между Ираном и Таджикистаном.

На переговорах доминировала экономическая составляющая; в частности, были рассмотрены вопросы партнерства в экономике, гидроэнергетике, на транспорте, к которым добавилась новая сфера двустороннего сотрудничества — развитие информационно-коммуникационных технологий. Было принято решение о создании совместного технического комитета по информационно-коммуникационным технологиям, учреждаемого иранской компанией «Дадепардазийе Иран» и Министерством связи Таджикистана, первоочередные задачи которого — организация курсов повышения квалификации для сотрудников Минсвязи РТ, а также внедрение новых технологий в соответствующую инфраструктуру республики.

В конце июля 2006 года Таджикистан посетил с ответным визитом президент Ирана Махмуд Ахмадинежад. По итогам переговоров на высшем уровне подписан ряд двусторонних документов социально-экономического характера: Совместное заявление по развитию двустороннего сотрудничества; Меморандумы о взаимодействии в сферах юстиции, труда и социальной защиты населения, а также о зонах свободной торговли; Программа сотрудничества в области туризма на 2006 год и Соглашение о льготной торговле.

⁵ См.: Курбанов И., Абдуллаев З. Иран просит гарантии, и Таджикистан готов их дать // Факты & Комментарии, 6 июля 2006, № 11.

Глава ИРИ отметил, что за 15 лет между двумя странами подписано более 150 соглашений и их число увеличивается. Он предложил реализовать несколько двусторонних и трехсторонних проектов, в частности открыть совместный университет и новое телевидение, которое на территории Таджикистана, Афганистана и Ирана будет вести трансляции на персидском языке в целях пропаганды культуры персоязычных государств. Кроме того, Тегеран подтвердил готовность предоставить квоты 100 таджикским студентам для обучения в иранских вузах по специальности «инженер по добыче нефти и газа»⁶.

Важные проекты регионального значения были обсуждены в ходе очередного официального визита руководителя РТ в ИРИ (май 2007 г.); в частности, подписаны документы, представляющие взаимный интерес и нацеленные на углубление и расширение экономического взаимодействия. В их числе следующие:

- Меморандум взаимопонимания о сотрудничестве между Комитетом по телевидению и радиовещанию при Правительстве Республики Таджикистан и Организацией радио и телевидения Исламской Республики Иран;
- Меморандум взаимопонимания о двустороннем сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Республики Таджикистан и Палатой торговли, промышленности и полезных ископаемых Исламской Республики Иран;
- Компания «Сомон-Эйр» Республики Таджикистан и фирма «Махан-Эйр» Исламской Республики Иран договорились о создании совместной авиакомпания, что будет способствовать повышению качества авиаобслуживания в РТ;
- Государственное унитарное предприятие Таджикская алюминиевая компания «Талко» и иранская алюминиевая компания «Аль-Махди» подписали договор, в соответствии с которым «Талко» сможет получать глинозем и кокс, а также обеспечивать иранскую алюминиевую компанию «Иралко» и фирму «Дубал» Объединенных Арабских Эмиратов анодными блоками.

Следует отметить, что «Талко» оснащена оборудованием и технологиями лучше, чем «Аль-Махди» или «Иралко», и производит алюминия больше, чем обе эти фирмы. К тому же «Талко» готова принять участие в инвестировании и строительстве в Иране нового предприятия по производству кокса и в оборудовании порта Бендер-Аббас для транспортировки через него алюминиевой продукции. В случае налаживания такого партнерства «Талко» обеспечит себе альтернативный вариант транзита своих грузов⁷.

Президент РТ предложил проект строительства железной дороги и автомагистрали Руми — Кумсангир (Таджикистан) — Кундуз — Мазари-Шариф — Герат (Афганистан) — Мешхед (Иран).

Развитие транспортной инфраструктуры ныне является для Таджикистана одной из первоочередных задач национальной экономики. РТ одновременно реализует подобные проекты и с другими приграничными государствами: Китаем и Кыргызстаном. Так, в рамках ШОС Пекин выделили значительные средства на восстановление стратегически важной автодороги Душанбе — Айни — Истаравшан — Худжанд — Бустон — Чанак (граница с Узбекистаном) протяженностью в 410 км. Относительно недавно начала сезонно функционировать и высокогорная автомагистраль Душанбе — Куляб — Каракорум — Кульма, соединяющая Таджикистан и КНР. Ее эксплуатация позволит РТ получить кратчайший выход к крупнейшим портам Индийского океана, а также будет способствовать росту товарооборота между двумя соседними странами.

⁶ См.: Саммит трех президентов // Факты & Комментарии, 3 августа 2006, № 15.

⁷ [http://www.prezident.tj/rus/novostee_Iran.htm].

Наряду с этой трассой в направлении г. Ош возобновились работы по восстановлению автомагистрали Душанбе — Вахдат — Нурабад — Таджикабад с выходом на границу с Кыргызстаном. Общая стоимость реализации проекта равна 23,6 млн долл. Основными кредиторами выступили Азиатский банк развития, выделивший 15 млн долл., и Фонд Организации государств-экспортеров нефти (ОПЭК) — 6 млн долл.; доля правительства Таджикистана — 2,6 млн долл.

В ближайшей перспективе намечено строительство автодороги Исфара — Ош, минуя узбекский анклав «Сох». Успешная реализация этого проекта избавит от многих трудностей жителей сопредельных районов двух стран, что выразится в первую очередь в сокращении до минимума числа приграничных конфликтов на рубежах с Узбекистаном⁸.

Кроме того, идет строительство мостов, которые свяжут РТ с Афганистаном, занимающим в географическом плане стратегическое положение, позволяющее проникновение на территории других государств (включая Индию, Пакистан, Иран) и, соответственно, из этих стран в Таджикистан.

Пуск в эксплуатацию таджикско-иранской магистрали, связывающей юг РТ и север ИРИ, приведет к дальнейшему укреплению двустороннего экономического сотрудничества.

Строительство автомагистралей по периметру таджикской границы позволит Таджикистану укрепить связи с другими государствами обширного азиатского континента, а также обусловит независимость РТ от транспортной монополии Узбекистана, в сторону которого направлено 80% всех сухопутных дорог страны (т.е. впоследствии это лишит Ташкент важного рычага давления на Душанбе).

К настоящему времени сформировался перечень продукции, представляющей обоюдный интерес. Сегодня Иран экспортирует в Таджикистан кофе, чай, сахар-песок, шоколадные изделия, краску и лакокрасочные материалы, нефть и нефтепродукты, ковры, паласы, керамику, машины, электрооборудование, одежду, мебель, а также каучук, резину и их производные. Из РТ в ИРИ поставляют алюминий и алюминиевые изделия, хлопок, черные металлы и металлоизделия, стекло и продукцию из него⁹.

Однако динамика торгового оборота между Таджикистаном и Ираном, несмотря на постоянную тенденцию к его росту, до сих пор значительно слабее потенциала: 1999 год — 23,9 млн долл., 2000-й — 20,1 млн, 2001-й — 39,9 млн, 2002-й — 44,0 млн, 2003-й год — 75,1 млн, 2004-й — 55,9 млн¹⁰, а к 2007-му — свыше 100 млн долл.

Изначально правительство ИРИ поощряло своих инвесторов вкладывать средства в экономику РТ, в связи с чем иранские компании проявляют завидную активность — сегодня их капиталовложения затронули почти все отрасли экономики Таджикистана.

К крупным иранским проектам относится и Анзобский туннель «Истиклол», расположенный на севере РТ и связывающий Согдийскую область со столицей государства. Его строительство обошлось иранской стороне в 31,2 млн долл., из которых 10 млн — грант и 21,2 млн — кредит; доля правительства Таджикистана — 7,8 млн долл. Сложный географический рельеф во многом определил стоимость сооружения туннеля, протяженностью в пять километров, пролегающего на высоте 2 650 метров над уровнем моря.

Необходимо отметить стратегическое значение данного объекта, в связи с чем следует привести слова президента республики Эмомали Рахмона: «Это первый этап выхода

⁸ См.: Ниятбеков В.А., Додихудоев Х.А. Республика Таджикистан в региональном измерении // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 3 (45). С. 92.

⁹ См.: Аббасиан Х. Иран и Таджикистан: пятнадцать лет взаимовыгодного сотрудничества. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 103.

¹⁰ См.: Статистический ежегодник Республики Таджикистан, 2005. С. 256.

Таджикистана из транспортного тупика. Кончились те дни, когда мы проезжали сотни километров по территории другого государства, чтобы попасть из одного региона своей страны в другой».

Вслед за Анзобским туннелем иранская компания «Sobir International» приступит к строительству следующего — Чормагзак, на востоке республики в зоне автотрассы Душанбе — Куляб (недалеко от Нурекской ГЭС). Стоимость работ — 60 млн долл., протяженность туннеля — 4,2 км.

Однако наибольший интерес вызывает проект создания СП «ТочИрон» по производству тракторов на базе Душанбинского завода «Хумо» и Тебризского тракторного завода. Согласно договоренности 51% акций будет принадлежать иранской стороне, 49% — таджикскому предприятию «Хумо», которое обеспечит производственные мощности, а также энергетические и коммуникационные сооружения, а иранские партнеры предоставят технологии (объем инвестиций ИРИ — 10 млн долл.). Первоначально предполагается сборка 1 000 тракторов в год с последующим наращиванием производства. Имеется намерение реализовывать готовую продукцию как на внутреннем таджикском рынке, испытывающем недостаток в сельскохозяйственной технике, так и за пределами страны.

Еще одна сфера сотрудничества — аграрный сектор. Согласно достигнутым договоренностям, закрепленным в совместном меморандуме, Иран намерен модернизировать инфраструктуру, а также принять участие в создании на территории Таджикистана скотобойни, отвечающей требованиям современного рынка. В свою очередь, РТ начнет поставлять в Иран баранину, а ИРИ будет экспортировать в Таджикистан продукцию своего птицеводства.

С целью укрепления экономических связей путем поиска новых контактов в РТ регулярно организуют выставки иранских товаров, в которых традиционно участвуют десятки предприятий текстильной и пищевой промышленности, а также фабрики и заводы, выпускающие оргтехнику и бытовое оборудование.

В 2006—2007 годах в двусторонних экономических отношениях произошли существенные сдвиги, охватившие новые сферы взаимодействия. Вслед за соглашениями, подписанными на высшем уровне, активизируются межведомственные контакты. Так, вопросы сотрудничества между иранской провинцией Хуросони Разави и Таджикистаном были обсуждены 25 мая 2007 года в Душанбе. В одном из пунктов подписанного протокола о намерениях зафиксировано стремление компании «Иран-худару» наладить выпуск автомобилей «Саманд» в Душанбе.

Для наладки линии по производству легковых автомашин иранская сторона готова инвестировать 60 млн долл., а таджикская уже в ближайшее время предполагает закупить в ИРИ две тысячи автомобилей «Саманд» для городского такси. Было также достигнуто соглашение о том, что иранская компания реализует Таджикистану автомашины с 30% скидкой от их себестоимости (приблизительно по 5—5,5 тыс. долл.).

Для одновременного сооружения больших и малых объектов необходимо много строительных материалов. В этой связи иранские партнеры выразили желание построить в Таджикистане новый цементный завод производительностью в 1 млн т в год и готовы вложить в реализацию этого проекта 140 млн долл.

Гуманитарная сфера

Как мы уже отмечали, большое политическое и экономическое доверие между Таджикистаном и Ираном во многом обусловлено единой многовековой культурой

двух стран, воплощением которой служат мавзолеи Рудаки в Пенджикенте и Хамадо-ни — в Кулябе. Архитекторы участвовали в реставрационных работах в мавзолее Рудаки — основоположника таджикско-персидской литературы. 2008 год объявлен в Таджикистане Годом Рудаки и таджикского языка, что будет способствовать дальнейшему развитию двусторонних гуманитарных связей. Важное место во взаимоотношениях между двумя государствами занимают контакты в сфере культуры. Так, подписаны соглашения, согласно которым таджикские студенты обучаются в университетах Ирана.

Возрождение культурных связей — это, по сути, возрождение многовекового таджикско-иранского диалога, прерванного в 1920-х годах. Примечательно и то, что одним из первых зарубежных культурных центров, открытых в РТ, стал именно иранский.

ИРИ располагает широкими возможностями в плане подготовки для РТ научных кадров и квалифицированных специалистов. Пока этот процесс идет в одностороннем порядке — Иран финансирует обучение таджикских студентов в своих гражданских вузах (70 чел.) и в теологическом учебном центре в городе Кум (260 чел.)¹¹.

Сотрудничество в рамках международных структур

Тесное взаимодействие двух государств наблюдается также в рамках международных организаций, в том числе в формате региональных структур: Организация Исламская конференция, Организация экономического сотрудничества и ШОС, в которой Иран с 2005 года имеет статус наблюдателя. Эта структура представляет наибольший интерес в связи с возможностью ее расширения за счет стран, обладающих статусом наблюдателя: того же Ирана, а также Индии, Пакистана, Монголии. Однако потенциальное вступление ИРИ в ШОС может иметь как позитивные, так и негативные последствия, способно оказать серьезное влияние на геополитические и геоэкономические процессы в Азии.

- Во-первых, огромные углеводородные ресурсы Ирана не только укрепят энергетические проекты в рамках ШОС, но и придадут существенный импульс для их осуществления. В ближайшее время данный сектор должен стать одним из ключевых направлений деятельности Организации.
- Во-вторых, исторически традиционное сильное влияние ИРИ в Афганистане позволит ШОС проводить более плодотворную работу по вектору Контактная группа ШОС — Афганистан (учреждена в 2005 г. в рамках Организации). Осложнившаяся военно-политическая ситуация в Афганистане требует от ШОС повышенного внимания к событиям в этой стране.
- В-третьих, членство Ирана в ШОС трансформирует регион из Центральной Азии в Большую Центральную Азию со всеми вытекающими последствиями как позитивного, так и негативного характера.

Интерес ИРИ к ШОС обусловлен нынешней международной обстановкой вокруг Тегерана. Сложные отношения с США и странами ЕС подталкивают Иран к поискам

¹¹ См.: Визит президента Рахмонова в Иран можно назвать историческим. Интервью Раджаба Сафарова по итогам официального визита президента Таджикистана Э. Рахмонова в Иран в январе 2006 [<http://www.analitika.org/article.php?story=20060212035915491&mode>], 12 февраля 2006.

новых партнеров. В этой связи членство в ШОС позволит ему стать одним из государств-участников интеграционной структуры наряду с двумя странами, имеющими статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, что в конечном счете приведет к формированию в ЦА нового стратегического треугольника — Москва — Пекин — Тегеран. Однако нельзя сказать, что это окажет положительное влияние на дальнейшее практическое и взаимовыгодное участие некоторых государств региона. Впоследствии, возможно, Иран использует трибуну ШОС для защиты своих национальных интересов путем декларирования собственных политических позиций в международной политике. Учитывая некоторые амбициозные высказывания лидера ИРИ, данное обстоятельство может повлиять на отношения стран Центральной Азии с США и государствами ЕС.

Еще одна интеграционная структура регионального уровня — ЭКО, возникшая на политической карте в 1964 году и являющаяся совместной производной дипломатии ИРИ, Пакистана и Турции с целью укрепления их экономического сотрудничества. В таком виде она существовала до 1992 года, когда значительно пополнилась — в нее вошли сразу семь государств: Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Учредители ЭКО были заинтересованы в этом ее расширении, так как новые государства-члены — не только новые рынки сбыта, но и возможность продвигать свои идеи на обширном геополитическом пространстве.

В качестве основных направлений взаимодействия определены отрасли, способствующие укреплению региональной интеграции: транспорт, торговля, энергетика. В ЭКО Иран выступает как один из ее лидеров, заинтересован в успешной реализации проектов в рамках данной организации, что в конечном счете выведет отношения Тегерана с партнерами на более высокий уровень доверия, повысит политический престиж ИРИ в регионе, снимет вопросы изоляции страны.

Республика Таджикистан и Исламская Республика Иран сотрудничают в рамках региональных структур в период усиления процессов глобализации, которые проходят параллельно с участвовавшими всплесками «столкновений цивилизаций». В данном контексте подразумевается сохранение традиционной исламской гуманистической идентичности, так как многие веяния иных цивилизаций несут в себе определенное негативное влияние. В формате Организации Исламская конференция ИРИ проводит политику консолидации разрозненного мусульманского мира.

В настоящее время ОИК включает в себя 57 государств, является одной из крупнейших и эффективных региональных структур. Наиболее влиятельное и продуктивное ее подразделение — Исламский банк развития, финансовые «вливания» которого имеют весомое значение для национальной экономики РТ, а многие проекты реализуются при полной политической поддержке Ирана. К основным сферам инвестирования относятся транспорт, сельское хозяйство, здравоохранение, образование и банковская система.

Один из перспективных таджикско-иранских проектов в сфере гидроэнергетики, который будет осуществлен при непосредственной поддержке Исламского банка развития, — сооружение в РТ (в марте 2009 г.) восьми малых ГЭС. Эти ГЭС, проектная мощность каждой из которых составляет 8 тыс. кВт, будут сооружать в разных регионах страны. (Общая их запланированная стоимость — 10 млн долл.) Генподрядчиком строительства выступает совместное таджикско-иранское предприятие «Рохи Корвон-Гухарруд».

Дипломатия Таджикистана в Западной Азии — с учетом современного положения дел на международной арене — определена рядом факторов. РТ осознает всю величину стратегического значения ИРИ в ее внешней политике. Сегодня территориальное влияние Ирана простирается от Ближнего и Среднего Востока до Азербайджана, включая Каспий, а также Центральную Азию. В политике государства, являюще-

гося в большей степени теллуократическим, фактор таллассократии также играет важную роль, что выражается в доступе ИРИ к морским коммуникациям и умелом их использовании.

З а к л ю ч е н и е

В перспективе место Ирана в региональном раскладе, думается, будет значительным. Это связано с интенсификацией его торгово-экономических контактов со странами Центральной Азии. Тегеран активно наращивает свой экономический потенциал и претендует на лидерство в регионе. Экономические возможности Ирана, связанные с этими политическими механизмами, способны сделать ИРИ центром притяжения для государств ЦА, в том числе Таджикистана. По нашему мнению, практика изоляционизма, осуществляемая Вашингтоном, неспособна в перспективе — при прагматичном подходе — компенсировать в странах ЦА потенциальные дивиденды от сотрудничества, обусловленного реальным геоэкономическим и геополитическим весом ИРИ в региональном балансе¹².

Нынешний уровень таджикско-иранских отношений позволяет сделать вывод об их дальнейшем развитии. В ближайшие 5—10 лет они будут неуклонно укрепляться, что связано с рядом причин.

- Во-первых, Тегеран зарекомендовал себя как надежный и стабильный партнер Душанбе, став, наряду с Москвой, гарантом мирного соглашения в Таджикистане.
- Во-вторых, Иран создал с РТ весьма солидную договорно-правовую базу, регламентирующую все стороны общественной жизни, причем многие из них ориентированы на далекую перспективу.
- В-третьих, Узбекистан и Кыргызстан — два из четырех приграничных государств, в которых проживает многочисленная таджикская диаспора, — лингвистически принадлежат к тюркоязычному миру, а сам Таджикистан является в регионе единственной персоязычной страной. Общность языка станет еще одной прочной основой укрепления двусторонних связей.
- В-четвертых, в независимом Таджикистане значительно усилились позиции ряда государств: традиционного лидера — России и самой мощной азиатской державы — Китая, с которыми РТ имеет довольно протяженную границу, а также набирающей большую силу Индии. Со всеми этими странами у Ирана сложились прочные дипломатические отношения. Москва, Пекин и Дели — несмотря на все противоречия между ними — вполне спокойно воспринимают таджикско-иранский «тандем».

В целом можно говорить о достаточно высоком уровне двусторонних экономических, политических и гуманитарных контактов. Подтверждением тому может служить положительная и поступательная динамика сотрудничества по различным совместным проектам, выполняемым в РТ, что характеризует ИРИ как надежного и стабильного партнера.

---

¹² См.: Кушкумбаев С.К. Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы: Казахстан, 2002. С. 136.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В УЗБЕКИСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Николай БОРИСОВ

*кандидат политических наук, преподаватель
Российского государственного гуманитарного университета
(Москва, Россия)*

Особенность политических и экономических тенденций в Республике Узбекистан в последние годы состоит в том, что режим, с одной стороны, наметил возможность постепенного изменения (на уровне политических заявлений), с другой — показал границы допустимых трансформаций в рамках сложившейся системы.

К основным факторам, характеризующим политический режим, относят формирование двухпалатного парламента нового созыва, андижанские события 2005 года, создание новой оппозиционной коалиции, выборы президента в 2007 году, означавшие отсрочку решения вопроса о механизмах передачи власти.

В декабре 2004 — январе 2005 года состоялись очередные выборы в двухпалатный Олий Мажлис в соответствии с новыми правилами. Перед выборами была создана новая политическая организация, учрежденная представителями среднего бизнеса республики, — Либерально-демократическая партия, провозгласившая своей целью развитие гражданского общества. Есть все основания полагать, что ей поручили стать новой «лидирующей» партией (вместо НДПУ), показав таким образом, что результатом выборов стала смена парламентского большинства. Наряду с этой партией, образовавшей в Законодательной палате крупнейшую фракцию, и второй по численности фракцией НДПУ в парламент вошли и представители всех других партий, в свое время созданных режимом. Сенат (верхняя палата Олий Мажлиса) был сформирован из представителей депутатов районных, городских и областных кенгашей, а 16 ее членов назначил лично президент. Среди них оказались заместители премьер-министра, председатель Верховного суда, Государственный советник президента, министр иностранных дел и другие¹. Таким образом, в Сенате отмечено смешение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Новый парламент не стал самостоятельным политическим актором, поскольку оппозиционные партии были лишены возможности выставлять своих кандидатов в депутаты, а нижняя палата поставлена под контроль верхней, действующей на непостоянной основе, состоящей в основном из депутатов местных советов и представителей исполнительной власти.

Правящая элита во главе с И. Каримовым, по всей видимости, с 2004 года стремится продемонстрировать, что уменьшила свои притязания на доминирование в смысле руководства всей публичной сферой и перешла к плюралистической структуре господства. Так, в январе 2005 года президент провозгласил лозунг «От сильного государства — к сильному гражданскому обществу», подразумевающий комплекс реформ, в том числе

¹ См.: Указ Президента Республики Узбекистан «О назначении членов Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан» от 24 января 2005 года // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан [<http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4347&contentId=5607>], 15 ноября 2006.

повышение роли и влияния законодательной власти, обеспечение реальной независимости судебной власти, децентрализацию власти, поддержку неправительственных организаций, либерализацию уголовного законодательства и отмену смертной казни, внедрение демократических стандартов в развитие СМИ². Речь президента, содержащую такие заявления, можно назвать манифестом демократических преобразований, под которым, без сомнения, подписались бы и радикальные демократические оппозиционеры. Причиной таких деклараций послужила, видимо, необходимость укрепить легитимность режима и желание дать ответ на обвинения в «авторитарном застое» и в отсутствии у власти новых политических инициатив путем формального «осовременивания» политической системы.

Оппозиционные политические структуры «Эрк» и «Бирлик» восприняли эти заявления как некий сигнал, что у них появилась возможность зарегистрироваться и принять участие в выборах. Однако реальные политические решения и действия правящей элиты в очень малой степени соответствовали этому демократическому манифесту. Заявления о регистрации, поданные отмеченными выше двумя партиями в Минюст, были отклонены³. В результате «Эрк» и «Бирлик», ослабленные внутривнутрипартийной борьбой и отсутствием лидеров, остаются на нелегальном положении и не влияют на политический процесс.

В 2005 году объявили и о формировании новой оппозиции режиму — коалиции «Солнечный Узбекистан», открытой для всех демократических сил и направленной «не на революцию, а на конструктивный диалог с властью»⁴. Основная стратегия этой структуры — поддержка стихийных выступлений населения и выражение интересов граждан, участвующих в социальном протесте, чтобы в перспективе его возглавить. Однако и в этом случае режим не продемонстрировал готовности к диалогу. Лидеров коалиции задержали и в 2006 году осудили на семь лет лишения свободы условно с испытательным сроком в три года⁵.

Заслуживает внимания обращение одного из лидеров партии «Бирлик» П. Ахунова ко всем сторонникам демократических сил с предложением новой тактики оппозиции. По его мнению, оппозиции следует окончательно оставить надежды на разрешение осуществлять легальную деятельность и на ослабление авторитарного режима, отказаться от идеи борьбы за власть, заменив ее конструктивной критикой правительства и постепенной легализацией с целью развития гражданского общества, а также преодоления в Узбекистане массовой нищеты.

Одновременно с началом последней предвыборной агитации было распространено сообщение некоего Экстренного комитета о самоликвидации на территории Узбекистана оппозиционной партии «Эрк».

Таким образом, со стороны демократической оппозиции угроза политическому режиму в обозримой перспективе полностью отсутствует.

Особенно ярко неготовность режима к диалогу с обществом показали события в Андижане (май 2005 г.), когда было подавлено выступление граждан, в ходе которого, по разным данным, погибло (главным образом в результате действий властей) от 100 до 800 человек. Вся информация о целях участников этого выступления и их действиях исхо-

² См.: Наша главная цель — демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны: Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан [<http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4392&contentId=5689>], 15 декабря 2006.

³ См.: Средняя Азия: Андижанский сценарий? Сб. / Сост. М.М. Мейер. М., 2005. С. 185.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ См.: Там же. С. 112—114, 162—163; Информационное агентство «Regnum» [http://www.regnum.ru/news/6457_31.html].

дила почти исключительно от самого президента, поэтому судить о реальных замыслах и составе участников восстания не представляется возможным. Президент заявил, что эту акцию организовали представители террористов под исламскими лозунгами, то есть некое общество «Акримийя», связанное с ИДУ⁶. По другим данным, это был митинг отчаявшегося и обнищавшего населения, которое пыталось привлечь внимание власти к своим проблемам. Например, в качестве основных причин трагических событий в Андижане эксперты правозащитного общества «Мемориал» назвали «тяжелейшую экономическую ситуацию и тотальное подавление инакомыслия и гражданских свобод, не оставляющее народу легитимных форм протеста»⁷.

Так или иначе, это событие обозначило пределы дозволенного в сложившейся политической системе и показало, что правящая элита готова использовать самые жесткие силовые стратегии даже в условиях начавшейся «либерализации», не опасаясь возможной резко негативной реакции мирового сообщества. Это объясняется как отсутствием внутренней оппозиции и полной подконтрольностью силовых структур президенту, так и, возможно, заверениями в поддержке со стороны России, которые И. Каримов мог получить после начала конфликта. Андижанские события также способствовали разрыву отношений Узбекистана с США, выводу из страны американской базы и переориентации на Россию как на главного стратегического партнера, не выступающего с критикой существующего режима.

В 2006—2007 годах, вероятно в связи с обострением проблемы «преемника» и ослаблением международной изоляции страны, вновь наметились некоторые тенденции к реформированию политической системы в направлении полицентризма.

В 2007 году был принят, а в 2008-м вступил в силу Конституционный закон «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны», в частности, предусматривающий участие политических партий в формировании правительства. После парламентских выборов в Законодательной палате Олий Мажлиса необходимо было создать большинство (из одной или нескольких фракций политических партий). А другие фракции получают официальный статус парламентской оппозиции и право на внесение альтернативной редакции проекта закона (одновременно с докладом по соответствующему вопросу ответственного комитета Законодательной палаты); на занесение в протокол пленарного заседания Законодательной палаты своего особого мнения по обсуждаемым вопросам; на гарантированное участие ее представителей в согласительной комиссии по отклоненному Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистан закону.

Согласно закону, кандидатуру премьер-министра представляет президент после консультаций с каждой фракцией политических партий, представленных в Законодательной палате Олий Мажлиса, и депутатами, избранными от инициативных групп электората. Кроме того, введено положение, что в случае трехкратного отклонения Законодательной палатой или Сенатом Олий Мажлиса кандидатуры премьер-министра президент назначает исполняющего обязанности главы правительства и распускает Олий Мажлис или одну из его палат. Фракции политических партий также получают право инициировать освобождение премьер-министра от должности. При условии постановки такого вопроса президентом на голосование и одобрения его предложения двумя третями от общего количества членов Законодательной палаты и Сената пре-

⁶ См.: Брифинг для иностранных и отечественных журналистов и представителей дипломатического корпуса в связи с событиями в городе Андижане // Пресс-служба Президента Республики Узбекистан [<http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4392&contentId=17282>].

⁷ Заявление Правозащитного центра «Мемориал» о событиях 12—14 мая в Андижане // Мемориал: международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество [<http://www.memo.ru/daytoday/5andijan1.htm>].

мьер-министра также освобождают от должности, что влечет за собой отставку всего правительства. Аналогичный порядок предусмотрен и для утверждения в должности хокима области и города Ташкента: президент предлагает их кандидатуры после консультаций с каждой представленной в местных кенгашах партийной группой и распускает соответствующий кенгаш в случае трехкратного отклонения кандидатур хокима. Однако кенгаш не имеет права отправить хокима в отставку, а может лишь инициировать представление президенту обоснованных заключений о неудовлетворительной деятельности лиц, утвержденных на эту должность⁸.

В своем докладе на торжественном заседании, посвященном 14-летию Конституции Узбекистана, президент подчеркнул, что сама жизнь «требуется создания законодательной базы, повышающей эффективность деятельности партий, превращения их в решающую силу преобразований в нашем обществе». Упомянутый закон, отметил И. Каримов, «создает новые возможности для дальнейшего расширения прав и полномочий политических партий, усиления их влияния на деятельность законодательных органов и органов государственного управления, на внутреннюю и внешнюю политику нашей страны... С принятием закона на деле установится порядок отчетности должностных лиц в центре и на местах, а если надо — и органов власти перед широкой общественностью»⁹.

Таким образом, данный закон, с одной стороны, расширяет права фракций политических партий, с другой — увеличивает полномочия президента, который получает право распускать не только Олий Мажлис, но и местные кенгаши и сохраняет за собой право принимать решение о назначении и отставке премьер-министра. Среди целей утверждения этого закона (наряду с обозначенными выше) можно назвать и желание формально закрепить статус оппозиции за одной или несколькими партиями. После выборов в парламент 2005 года, на которых победила Либерально-демократическая партия, сложилась странная ситуация: Народно-демократическая партия, лидировавшая на предыдущих выборах, объявила о своем переходе в оппозицию, при этом неизменно подчеркивала, что одобряет курс президента. Теперь «оппозиционность» официально будет означать оппозицию по отношению к правительству, глава которого предложен и (или) одобрен победившей партией (партиями). Тем самым правящая элита стремится легитимизировать оппозицию, созданную самой властью, разделив партии страны на «правящие» и «оппозиционные», поскольку в условиях, когда все пять зарегистрированных партий поддерживают президента и не ставят перед собой цель прийти к власти, такое разделение оказывалось проблематичным.

В декабре 2007 года состоялись выборы президента республики. По Конституции И. Каримов не имел права в очередной раз баллотироваться на этот пост, однако его выдвинули кандидатом от партии большинства в Законодательной палате Олий Мажлиса — Либерально-демократической партии (УзЛиДеП) и зарегистрировали в Центральной избирательной комиссии. Самое примечательное в этом событии то, что официально никаких юридических трактовок ему не давали и правовых основ под него не подводили (в отличие от предыдущих выборов и референдумов с целью продления власти И. Каримова). Частные объяснения представителей УзЛиДеП сводились к тому, что после внесения поправок в Конституцию И. Каримов осуществлял полномочия лишь один семилетний срок, потому может быть избран на второй. Это стало прецедентом на постсоветском пространстве: до того ни один глава государства не позволял себе «молча» нарушать Конституцию для продления срока своих полномочий. В таких случаях предпринимались либо официальные толкования Основного закона Конституционным судом (Кыргызстан, Беларусь), либо прямые изменения, позволяющие президенту оставаться у власти

⁸ См.: [<http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4392&contentId=25811>], 20 декабря 2006.

⁹ [<http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4392&contentId=25811>], 23 декабря 2006.

пожизненно (Туркменистан), либо официальное разрешение первому президенту избираться на неограниченное число сроков (Казахстан). Другими словами, в Узбекистане апробировали качественно новый метод продления лидером своей власти. Вероятно, И. Каримов не счел нужным вносить изменения в Конституцию, а быть может, он рассчитывал реализовать сценарий «преемника», а когда отказался от него, было уже поздно что-либо менять.

Особенностью этих выборов стало и то, что, во-первых, впервые было больше двух кандидатов; во-вторых, троих из четырех зарегистрированных претендентов на этот пост выдвинули политические партии, что подтверждало декларацию президента о необходимости усилить роль партий в политическом процессе. От Народно-демократической партии был выдвинут лидер ее фракции в Законодательной палате Аслиддин Рустамов (а не лидер партии Латиф Гулямов), от Социал-демократической партии «Адолат» — председатель партии, заместитель председателя Законодательной палаты Дилором Ташмухамедова. Еще одним кандидатом стал Акмаль Саидов, депутат Законодательной палаты, глава Комитета палаты по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан, директор Национального центра по правам человека (его выдвинула инициативная группа избирателей). Желание участвовать в предстоящих выборах выражали и другие непартийные граждане: экономист Д. Шосалимов, работник пищевой отрасли А. Тожибой угли, эколог А. Шаймарданов, специалист по энергоснабжению В. Галкин, ученый-гуманитарий А. Алиев и другие. Однако в силу особенностей избирательного законодательства Узбекистана семь независимых кандидатов не успели подать в ЦИК необходимые документы. Необычно высоким было и количество необходимых для регистрации подписей — 5% от общего числа избирателей (около 800 тыс.). Это еще раз подтвердило, что кандидату, выдвижение которого не санкционировано властями, вообще невозможно принять участие в выборах в силу хотя бы формальных ограничений. Более того, не смогли собрать необходимое количество подписей в свою поддержку даже кандидаты от двух зарегистрированных партий («Миллий тикланиш» и «Фидокорлар»).

Безусловно, альтернативных И. Каримову претендентов нельзя считать оппозиционными, поскольку все партии поддерживают президента. Важно другое — среди кандидатов два представителя самаркандского клана (сам И. Каримов и А. Рустамов) и два — ташкентского (Д. Ташмухамедова и А. Саидов). Примечательно, что не было представителей третьего ведущего клана — ферганского, что можно рассматривать как недоверие президента тамошним элитам. Обращает внимание и то, что на сей раз президент был выдвинут не от НДПУ (как прежде), а от УзЛиДеП — новой «правлящей» (если под правящей понимать «партию, получившую большинство парламентских мандатов») и самой молодой партии страны. Это свидетельствует, что к ней окончательно переходит роль «главной» политической партии Узбекистана. Кроме того, внешне репрезентативно выглядел и состав кандидатов: представители ведущих партий, кандидат-самовыдвиженец, претендент-женщина (впервые), «официальный» правозащитник. Таким образом, видимость альтернативности и репрезентативности была обеспечена намного лучше, нежели на президентских выборах 2000 года.

Итоги голосования были предсказуемыми. По официальным данным ЦИК¹⁰, в выборах, состоявшихся 23 декабря, из 16 млн 297 тыс. 400 зарегистрированных избирателей приняли участие 14 млн 765 тыс. 444 чел. (90,6%). Из них за И. Каримова проголосовали 88,1% избирателей, А. Рустамова — 3,17%, Д. Ташмухамедову — 2,94%, А. Саидова — 2,85%. По сравнению с предыдущими президентскими выборами (2000 г.) И. Каримов получил почти на 4% голосов меньше. Однако другие кандидаты получили... меньше

¹⁰ См. [Uza.uz <http://uza.uz/ru/politics/1785/>], 30 декабря 2007.

голосов, чем подписей, за них собранных. Формально выборы действительно были более конкурентными, чем предыдущие, но свои кампании кандидаты провели настолько незаметно, что большинство избирателей даже не могли назвать их фамилии. Значительные сомнения вызывают и данные о явке (90,6%), учитывая, что, даже по официальным сведениям, около 2 млн граждан Узбекистана (12% избирателей) живут и работают за границей (фактически их гораздо больше).

Предсказуемыми были и оценки итогов выборов. Так, И. Каримов отметил, что «проведение выборов президента Узбекистана на многопартийной и альтернативной основе с участием кандидата от инициативной группы избирателей свидетельствует о том, что в стране сформировалось правовое демократическое государство и избирательная система полностью соответствует международным нормам». Глава ЦИК подчеркнул, что «выборы прошли в полном соответствии с национальным избирательным законодательством, которое отвечает всем международным нормам и стандартам». Председатель Исполнительного комитета СНГ С. Лебедев заявил, что «миссия наблюдателей СНГ признает прошедшие президентские выборы свободными, открытыми и транспарентными». В заявлении наблюдателей ОБСЕ говорится, что выборы «прошли в жестко контролируемой политической обстановке, не оставляя никакого пространства для подлинной оппозиции»¹¹.

Таким образом, в обход Конституции И. Каримов продлил свои полномочия до 2014 года. Тем не менее это не означает окончательного решения вопроса о преемнике, по-видимому, лишь на некоторое время откладывает его. Проблема в том, что вопрос передачи власти при авторитарных режимах всегда считается самым проблемным: лидер не может оставить свой пост, поскольку нет гарантий безопасности после ухода с него. Особенно это опасно, когда власть неразделима с собственностью — окружение главы государства, сконцентрировавшее в своих руках контроль над экономическими ресурсами, стремится получить гарантии сохранения существующего положения; а те, кто многое потерял, напротив, в случае ухода лидера рассчитывают на реванш. В этой ситуации задача правящей элиты — поиск возможностей продления власти. Пока смена власти в странах Центральной Азии проходила лишь двумя путями: насильственным (Кыргызстан) и в связи с естественной смертью лидера (Туркменистан). Предложит ли в этом отношении Узбекистан некий третий вариант — пока неясно.

В последние три года явно наметилась и укрепилась тенденция внешнеполитической переориентации Ташкента с Вашингтона на Москву. Так, Узбекистан юридически закрепил свой выход из ГУУАМ (политико-экономическая организация Грузии, Узбекистана, Украины, Азербайджана и Молдовы), вхождение в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и восстановил членство в Договоре о коллективной безопасности (ОДКБ), ведущую роль в котором играет Россия. В ЕврАзЭС Узбекистан, наряду с Казахстаном и Беларусью, получил 15% голосов (РФ сохранила за собой 40%, у Таджикистана и Кыргызстана — по 7,5% голосов). Вступление в ЕврАзЭС открыло Узбекистану перспективы выхода на рынки России, Беларуси и Казахстана — ведущих стран сообщества. Кроме того, вступление в эту организацию означает безвизовый режим взаимных поездок граждан, признание узбекских дипломов о высшем образовании во всех государствах этой структуры, координацию контактов с ВТО, ОБСЕ и другими международными организациями. Для самого ЕврАзЭС вхождение в него Узбекистана означает существенное усиление своих позиций и расширение общего для сообщества рынка.

Другой важный шаг по закреплению внешнеполитической ориентации на Россию — ратификация парламентом Узбекистана (март 2006 г.) Договора о союзнических отно-

¹¹ Независимая газета, 25 декабря 2007.

шениях между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией, который президент И. Каримов назвал беспрецедентным¹². «Этот договор... является важным фактором на пути сохранения стабильности в регионе, обеспечения безопасности и предотвращения угроз», — подчеркнул он в ходе пресс-конференции. Одним из важнейших положений договора стала статья о взаимной помощи, в том числе военной, при возможной внутренней или внешней угрозе для одной из стран. «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также возникновения угрозы совершения акта агрессии против одной из сторон стороны незамедлительно приводят в действие механизм соответствующих консультаций для согласования позиций и координации практических мер по урегулированию такой ситуации», — зафиксировано в статье 3 Договора. В нем также предусмотрено развитие сотрудничества на международной арене, расширение связей в торгово-экономической, научно-технической, социально-культурной и других сферах. Местные газеты особо отметили, что «объективная и беспристрастная оценка террористических действий, совершенных в прошлом году в Андижане, свидетельствовала о ясной и четкой политике России и общности ее подходов с политической позицией Узбекистана».

Кроме того, успешно прошли антитеррористические учения российских и узбекских военных подразделений. Было отмечено, что эти учения носили ярко выраженный антитеррористический характер. Первый заместитель председателя правительства России С. Иванов заявил, что в соответствии с политической волей, проявленной главами Узбекистана и России, военное сотрудничество развивается успешно и практично. Очевидно, что стратегическая ориентация на РФ вызвала дальнейшее ухудшение отношений Узбекистана с США, руководство которых продолжало критиковать И. Каримова за события в Андижане и нарушения прав человека, даже предложило ввести санкции против республики. Все это заставило ее правящую элиту обратиться к международным организациям, в которых ведущую роль играет Россия, для восстановления своего внешнеполитического имиджа и приобретения надежного союзника в противостоянии как с западными странами, так и с внутренней оппозицией. Таким образом, вступление Узбекистана в экономические и военные союзы, в которых ведущую роль играет Россия, вызвано не экономическими и военными соображениями, а в первую очередь политическими причинами. Россия, таким образом, (наряду с Китаем) все больше становится внешним гарантом сохранения нынешнего политического режима Узбекистана во главе с президентом страны И. Каримовым.

Итак, политическую ситуацию в республике в целом можно охарактеризовать как стабильную. Важнейшими событиями ее недавней политической жизни стали выборы президента и сохранение власти правящей элиты во главе с И. Каримовым, а также ряд акций по декларируемой «либерализации» политического режима: принятие законов об усилении роли политических партий, отмена смертной казни, смягчение уголовного законодательства. Эти меры рассчитаны прежде всего на демонстрационный эффект, но не несут реальных изменений основ политической системы и политического режима, особенно в условиях антиконституционного продления власти И. Каримова. Разделение политических партий, подконтрольных руководящей элите, на «правящие» и «оппозиционные» не способствует формированию конкурентной партийной системы, хотя сама по себе партийная идентификация является, конечно, большим шагом вперед по отношению к клановой. Другой вопрос, что, по-видимому, клановая идентификация все же пока остается доминирующей.

¹² Обмен ратификационными грамотами, означающий вступление Договора в силу, состоялся в июле 2006 года.

Очевидных угроз режиму также не просматривается ни изнутри, ни извне. Представители оппозиционных партий окончательно признали бесперспективность своей деятельности в нынешнем ее виде в Узбекистане, лидеры новой оппозиционной коалиции «Солнечный Узбекистан» находятся в заключении, некоторые руководители исламской оппозиции уничтожены, а против неподконтрольных СМИ, в том числе электронных, и НПО применяют жесткие меры воздействия. Западные же партнеры Узбекистана, понимая бесперспективность наложенных на страну санкций, готовы снять их в обмен на ряд демонстрационных мер Ташкента. Отсутствие официальных заявлений лидеров западных государств о нелегитимности избрания И. Каримова на новый срок — еще одно тому подтверждение. Вероятно, И. Каримова по-прежнему многие воспринимают и в стране, и в мировой политике как единственную силу, способную гарантировать стабильность в республике. Едва ли не единственная угроза стабильности режима в наступившем году (и в более отдаленной перспективе) — социальное недовольство, вызванное, в частности, ростом цен на продукты питания и продовольственным кризисом. Ряд акций протеста, связанных с повышением цен, уже имели место в 2007 году. Однако и это недовольство может остаться на уровне локальных митингов и выступлений по типу событий в Андижане, особенно в случае разрешения кризиса с помощью России, стратегического партнера Узбекистана.

Представляется, что важнейшей задачей И. Каримова на новом этапе станет решение вопроса о механизмах передачи власти, причем, как было отмечено выше, в этом плане Узбекистан может стать оригинальным примером для других республик Центральной Азии (кроме Кыргызстана и Туркменистана).

В конце 1990-х — начале 2000-х годов главными приоритетами экономических реформ были объявлены снижение уровня вмешательства государства в экономику, усиление гарантий и защиты от противоправного вмешательства контролирующих органов в деятельность хозяйственных субъектов, либерализация валютного рынка. Приоритетом стала и структурная перестройка экономики на основе развития частного предпринимательства, особенно предприятий малого и среднего бизнеса¹³. Так, в сельском хозяйстве главной формой производственных отношений объявлена аренда. Согласно указу И. Каримова, фермеры получают земельные участки в долгосрочное (до 50 лет) арендное пользование с правом наследования в течение срока аренды¹⁴. Дехканские хозяйства, как и в советский период, могут пользоваться землей на правах пожизненного наследуемого владения. Тем не менее роль государства в аграрном секторе остается значительной: деятельность арендаторов определяется договорами с заготовительными организациями, государственные чиновники устанавливают закупочные цены, районные и областные власти вмешиваются в процесс избрания и снятия с должности руководителей кооперативных хозяйств¹⁵. Прирост же сельскохозяйственной продукции по-прежнему связан с экстенсивными методами, что ведет к истощению и деградации земельного фонда. Кроме того, составляя четверть объема ВВП, этот сектор получает лишь около 5% всех инвестиций¹⁶, в связи с чем можно говорить о явной диспропорции в развитии отраслей экономики.

В 2003 году правительство приняло решение о конвертируемости узбекского сума. На практике это выразилось в ограничении объема денежной массы и сохранении нео-

¹³ См.: *Сиражидинов Н.* Экономические реформы в Узбекистане. В кн.: *Центральная Азия: Собственный взгляд* / Ред. колл.: К. Сафарова, К. Ридель; Отв. ред. Р. Крумм. Бишкек, 2006. С. 426.

¹⁴ См.: Указ Президента республики Узбекистан «О важнейших направлениях углубления реформ в сельском хозяйстве» от 6 мая 2003 года [<http://2004.press-service.uz/rus/documents/uk05062003.htm>].

¹⁵ См.: *Доброправин Н.А.* Узбекистан: Центр Центральной Азии — все под контролем. В кн.: СССР после распада / Под общ. ред. О.Л. Маргания. СПб, 2007. С. 397.

¹⁶ См.: *Султанова Л., Гайсина А.* Республика Узбекистан: Экономика. В кн.: *Центральная Евразия 2006: Аналитический ежегодник*. Швеция: CA&CC Press®, 2007. С. 351.

фициальных ограничений на валютные операции. Отсутствие свободного доступа к рынку иностранной валюты для экономических субъектов и установление обменного курса без учета спроса и предложения привело к увеличению разницы между обменным курсом Национального банка и параллельного рынка. С 2002 года ужесточены меры импортного протекционизма (повышение импортных тарифов и акцизов на поставляемые зарубежные товары, запрет на продажу продукции, завезенной другими лицами, введение системы сертификации и наличия международных сертификатов соответствия, ужесточение требований по маркировке товаров)¹⁷. Это способствовало существенному повышению цен на импортные товары и курса национальной валюты на параллельном рынке.

В последние годы заметно снизились дефицит государственного бюджета и темпы инфляции. Тем не менее для финансового рынка характерна недостаточная развитость: основную его долю составляет банковский сектор, малоактивны денежный и межбанковский рынки, недостаточно развит рынок ценных бумаг, сельское хозяйство постоянно испытывает дефицит финансовых средств¹⁸.

По официальным данным, ВВП Узбекистана увеличивается на 3—4% в год, а на долю негосударственного сектора приходится уже 73,3% ВВП.

Основными экономическими проблемами остаются бедность населения, нехватка сельскохозяйственных земель и безработица. По-прежнему велика численность трудоспособного населения, вынужденного работать в России и других странах СНГ, чтобы обеспечить минимальный уровень благосостояния своим семьям.

Возникли сложности и в связи с разрывом единого прежде экономического пространства Центральной Азии. Из-за напряженности на узбекско-туркменской границе Хорезмская область и Каракалпакстан оказались отрезанными от остальной части Узбекистана (железная дорога к ним проходит по территории Туркменистана). В 2002 году было завершено строительство железной дороги Навои — Учкудук — Нукус и газопровода Газли — Нукус, благодаря которому ликвидирована газовая зависимость Хорезмской области и Каракалпакстана от Туркменистана¹⁹.

Влияние РФ в экономической сфере страны не только не исчезло, но в последнее время даже усилилось. Интенсивно развивается сотрудничество Узбекистана с компанией «Газпром» и ведущими российскими операторами мобильной связи, охватившими почти весь рынок сотовой связи Узбекистана. Россия стала основным партнером Узбекистана в сфере торговли: ныне на ее долю приходится 21,7% всего товарооборота. В топливно-энергетическом комплексе был подписан ряд документов между национальной холдинговой компанией «Узбекнефтегаз» и российскими фирмами «ЛУКОЙл» и «Газпром», в которых предусмотрены инвестиции в нефтегазовую промышленность республики (2,5 млрд долл.).

Таким образом, можно сделать вывод, что Узбекистан не стал страной с рыночной экономикой, а в целом сохранил советскую систему управления этой сферой. На практике все проблемы бизнеса решаются в зависимости от того, насколько налажены его отношения с государственными органами. Сохраняются основные проблемы, препятствующие развитию рыночной экономики: крайне высокие налоги, по уровню приближающиеся к налогам развитых стран с рыночной экономикой; высокая зависимость бизнеса от государства; отсутствие независимых судов, защищающих право собственности; многочисленные административные барьеры на пути вхождения в рынок (лицензирование, сертификация, регистрация и т.д.); жесткий контроль государства над текущей экономической

¹⁷ См.: *Сиражиддинов Н.* Указ. соч. С. 428.

¹⁸ См.: Там же. С. 429.

¹⁹ См.: *Добронравин Н.А.* Указ. соч. С. 401.

деятельностью, в том числе прямое вмешательство госорганов в деятельность экономических субъектов; административное ценообразование и распределение ресурсов и пр. Правящая элита не смогла решить проблемы массовой безработицы и бедности населения, что особенно существенно в условиях его значительного естественного прироста (с 17 до 25 млн чел. за 10 лет). Эти проблемы, в свою очередь, способствуют расширению транзита наркотиков, их производству и торговле ими, массовым выездом населения за границу в поисках работы, активизации организованной преступности. Очевидно, правящая элита по-прежнему полагает, что в экономике, как и в политике, государство должно быть если не монопольным, то ведущим субъектом, контролирующим все виды и формы экономической деятельности и санкционирующим создание и деятельность иных субъектов. Создание субъектов, неподконтрольных государству (как в экономике, так и в политике), по-прежнему считается недопустимым и опасным. В этом, вероятно, и заключается суть всех политико-экономических тенденций развития страны на ближайшую перспективу.

Таким образом, на наш взгляд, в обозримом будущем трансформация режима маловероятна. Проблема в том, изменится ли режим при преемнике И. Каримова. В стране нет политических акторов, способных преобразовать режим и мобилизовать массы, которые даже в период наивысшего подъема оппозиционных движений не проявляли значительной активности. Если даже лидеры оппозиции возвратятся в Узбекистан, а их партии получат статус легальных, им потребуется много времени для наращивания ресурсов и поиска поддержки масс. Поэтому со стороны светской оппозиции угроза режиму минимальна. Противодействие же исламских экстремистов столкнется с сопротивлением антитеррористических структур и сил коллективной безопасности ОДКБ, прежде всего России. Эти же средства режим сможет использовать при подавлении стихийных социальных бунтов, подобных андижанскому, представив их как выступления исламистов. Еще одна потенциальная опасность существующему режиму — борьба представителей разных кланов за власть в случае внезапного и резкого ослабления режима, связанного с болезнью или смертью президента. В этом случае обезопасить режим может лишь сам глава государства, тщательно разработав механизм передачи власти еще до своего ухода в отставку. Представляется, что сегодня на это и направлены все усилия его ближайшего окружения.

Конечно, некоторые внутренние и внешние возможности разрушения режима сохраняются, поскольку остается ряд узких сфер, неподконтрольных доминирующему актору. Об этом свидетельствуют нелегально существующие оппозиционные структуры, вероятность распространения ими прессы, выходящей за рубежом, наличие ряда правозащитных организаций с внешним финансированием, отсутствие «железного занавеса», что подтверждает направление на учебу в Европу и США десятков узбекских студентов и, разумеется, их возвращение на родину, а также отсутствие тотальной цензуры СМИ (прежде всего Интернета). Кроме того, оппозиционные настроения традиционно присущи части интеллигенции (с этого в свое время и начались выступления против советского режима). Вместе с тем, эти сферы, неподконтрольные власти, ныне настолько узки, а их социальная база так мала, что говорить о потенциальном ослаблении режима в результате действия названных структур не представляется возможным. Определенно, перспективы серьезного качественного изменения режима в ближайшей перспективе минимальны.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Игорь ПРОКЛОВ

*научный сотрудник отдела стран СНГ
Института востоковедения Российской академии наук
(Москва, Россия)*

Неожиданная смерть президента страны Сапармурата Ниязова в конце декабря 2006 года, который бессменно находился у руля власти свыше 20 лет, привела в движение политический процесс, который, казалось, застыл с наступлением в Туркменистане «золотого века». Безусловно, кончина С. Ниязова стала для многих туркменистанцев, проживающих как в стране, так и за ее пределами, предвестием грядущих позитивных перемен, ибо только смерть диктатора могла положить конец неограниченной власти Туркменбаши. Еще при его жизни все эксперты и политологи были едины в одном: пока С. Ниязов жив, Туркменистану (в отличие от соседей по СНГ) не грозили «цветные революции». Но революции не случилось и после смерти первого президента страны.

Тем временем из Туркменистана приходят позитивные новости. В страну барханов и верблюдов возвращаются опера и цирк, власти вспомнили про столь любимый Международный праздник 8 марта, День победы (9 мая) опять стал красным днем календаря, отменен как национальный праздник день рождения президента С. Ниязова (19 февраля). Все это, разумеется, инициировал новый президент республики Гурбангулы Бердымухаммедов, в феврале 2008 года отметивший первую годовщину своего избрания на пост главы государства. За это время отмечен ряд добрых изменений, жители страны единодушны в том, что стало легче дышать, стало меньше ограничений, предоставлено больше свобод. Многие наблюдатели и эксперты заговорили об «оттепели», наступившей после жесткого авторитарного правления С. Ниязова. Не удивительно, что в этой связи напрашиваются исторические параллели с советским прошлым времен Никиты Хрущева. Так, приметой стала десакрализация образа покойного Сердара, отменена ежедневная клятва президенту, ее теперь будут произносить лишь на официальных мероприятиях, уходит в прошлое обязательное изучение морального кодекса туркмен «Рухнамы». Однако насколько последовательным и продолжительным окажется «ветер перемен», в каком направлении будет развиваться политический процесс?

Еще при жизни С. Ниязова политологи и простые жители страны думали, что же будет со страной в случае его смерти. Сосредоточив все полноту власти в своих руках, полностью «зачистив» политическую арену не только от оппозиционеров, но и от потенциальных конкурентов, он, как и Сталин, мало заботился о преемнике и о том, что будет после его ухода. Вопреки непрекращающемуся потоку «пожеланий долгих лет» и здравиц в честь Великого Сердара, а также щедро оплаченной заботе, демонстрируемой лучшими западными врачами-кардиологами, неожиданно остановившееся сердце Сердара поставило точку в жестоком и трагичном периоде туркменской истории, который придворные историки называют «Эпохой золотого века — эпохой Туркменбаши».

В случае концентрации власти в одних руках внезапная смерть главы государства всегда чревата (особенно на Востоке) серьезной разбалансировкой политической систе-

мы и усилением различных рисков. Хорошо известно, что в туркменском обществе, несмотря на его видимую стабильность, есть множество клановых, региональных, межплеменных противоречий и разногласий. Однако на момент смерти С. Ниязова политическая арена была зачищена настолько, что трудно было представить кого-то в качестве потенциального претендента на власть. Покойный вождь не приближал к себе даже своего сына, не доверял ему и не рассматривал его в качестве потенциального политического преемника. Мы не скоро узнаем, почему и как выбор пал именно на Г. Бердымухаммедова, но его действия как исполняющего обязанности, а затем и в качестве главы государства обеспечили сохранение спокойствия и исключили эксцессы. Уже в первые дни после смерти С. Ниязова Г. Бердымухаммедов, возглавивший комиссию по организации похорон, завоевал симпатии жителей страны тем, как был проведен ритуал, на который, чтобы отдать последний знак уважения покойному, в Ашхабад прибыли первые лица многих стран. При этом активная позиция преемника, а порой его действия на опережение уже в первые месяцы показали, что Г. Бердымухаммедов, как и его предшественник, обладает тактическими способностями, необходимыми в политической игре. Выстроенная под харизматичного лидера политическая система содержала в себе много ловушек, которые, как показали дальнейшие события, новый глава государства смог искусно обойти.

Первым барьером стала Конституция Туркменистана. В ней все же прописана процедура перехода власти в случае, «если Президент по тем или иным причинам не может исполнять свои обязанности», а именно, полномочия должен получить председатель Меджлиса. При этом «лицо, исполняющее обязанности Президента, не может баллотироваться на пост Президента». И в данном случае Г. Бердымухаммедов оказался способным учеником своего предшественника, который «не заморачивался» такими «конституционными мелочами», а при необходимости быстро и под всеобщее одобрение переписывал Основной закон под себя. При помощи оперативно сфабрикованного уголовного дела руководителя Меджлиса нейтрализовали и отстранили от дальнейшего процесса. Неожиданно главным органом страны стал Совет безопасности. Таким образом, фактически были урезаны полномочия Народного совета (Халк Маслахаты), который по замыслу С. Ниязова являлся одновременно исполнительным, законодательным и совещательным органом в сконструированной им системе власти, призванной легитимизировать им же единолично принимаемые решения. И эту ловушку Г. Бердымухаммедов искусно обошел, отложив вопрос о выборах председателя Народного совета до следующего созыва. Оставаясь верным сложившейся при Туркменбаши традиции, новый президент начинает концентрировать в своих руках всю полноту власти, уверенно проводит президентские выборы.

Однако, в отличие от аналогичной кампании С. Ниязова, эти выборы были альтернативными. Конечно, те, кто знаком с ситуацией в регионе, знают, что это скорее были выборы «без выбора», но все же, по сравнению с недавним прошлым, их можно считать определенным прогрессом. Вместо всеобщего одобрения одной кандидатуры, как это было при С. Ниязове, в стране проходили встречи с кандидатами, газеты печатали их портреты и программы, что заметно контрастировало с недавним прошлым. Все это свидетельствовало, что главный претендент и его сподвижники были абсолютно уверены в своей победе. Конечно, столь стремительное продвижение Г. Бердымухаммедова было бы немыслимо без поддержки (вольной или невольной) со стороны службы охраны президента, возглавляемой на тот момент влиятельным генералом Акмурадом Реджеповым. Но, как предполагали многие наблюдатели, Г. Бердымухаммедов не стал пешкой в руках всесильных спецслужб и уверенно брал барьер за барьером. Выборы председателя Халк Маслахаты состоялись 30 марта 2007 года. В случае утверждения Г. Бердымухаммедова в этой должности действующий президент окончательно узаконивал свои позиции общенационального лидера. Но если бы на эту должность избрали другого человека, особенно

представителя военизированных министерств, то ситуация могла измениться. От того, насколько близким этот человек был бы к действующему президенту и насколько, по имеющимся у него административным ресурсам, оказался бы «равносильным» ему, зависела вся дальнейшая схема власти. По сути, эти выборы стали «водоразделом» между новым президентом, который наряду с заверениями в верности курсу покойного Туркменбаши дал понять, что готов к относительной либерализации режима, и консервативным крылом ниязовской гвардии. Как показали дальнейшие события, Г. Бердымухаммедов уверенно взял и этот барьер. Хотя XX съезд Халк Маслахаты не оправдал надежды многих на то, что он пройдет как своего рода «XX съезд КПСС», на котором развенчают культ личности Ниязова, уже через две недели мир узнал об аресте и осуждении на длительные сроки тюремного заключения А. Реджепова и его ближайших соратников. Арест А. Реджепова стал началом широкомасштабной кампании, в ходе которой своих постов лишились многие чиновники, получившие высокие должности при С. Ниязове. С другой стороны, именно А. Реджепова называли главным гарантом сохранения политики первого президента республики. Теперь Г. Бердымухаммедов мог беспрепятственно проводить свой политический курс. Спокойствие и хладнокровие, проявленные бывшим врачом на пути к абсолютной власти, свидетельствуют, что Г. Бердымухаммедов пришел всерьез и надолго.

В этой связи следует остановиться на преемственности курса нового президента относительно «богатого» наследия С. Ниязова. Прошедший школу советской политической системы (вкуче с восточными традициями коварства и авторитаризма), он из послушного и раболепного ставленника Москвы превратился в политического монстра постсоветской эпохи. Используя богатый арсенал изощренных методов подковерной политической борьбы, С. Ниязов быстро превзошел своих учителей по советскому прошлому. Смыслом всей политической жизни С. Ниязова стало одно — власть, как можно больше власти. Хотя порой многие его начинания принимали абсурдные формы, что для непосвященных сторонних наблюдателей служило лишь поводом для многочисленных шуток, в стране мало кто решался открыто возражать самодурству и тирании Туркменбаши, предпочитая влиться в общий хор восхвалений Сердара с вполне вероятным последующим «закланием». То, что Г. Бердымухаммедов провел при С. Ниязове в верхах туркменской власти 10 лет (в 1997 г. его назначили министром здравоохранения), сумев удержаться в условиях периодических жестких кадровых чисток, говорит об особом отношении к нему тогдашнего президента. Для чиновника высшего ранга в Туркменистане 10 лет считается колоссальным сроком. Можно предположить, что Г. Бердымухаммедов устраивал Ниязова и как государственный чиновник, и как человек, которому можно доверять, так как он не проявлял властных амбиций. Ведь С. Ниязов был очень подозрительным (особенно в последние годы жизни) и боялся покушения именно со стороны высокопоставленных чиновников, которым было за что ненавидеть его. Можно предположить, что благодаря исключительному чутью врача и определенному политическому таланту Г. Бердымухаммедов убедил своего шефа в абсолютной лояльности и послушности, что, в свою очередь, дало повод главе спецслужб сделать ставку на него как на послушного и управляемого президента.

Закрепившись на вершине власти, Г. Бердымухаммедов, конечно, будет вынужден какое-то время выстраивать свой курс, прежде всего его идеологическую составляющую, с учетом политического наследия своего предшественника. Однако культ личности до сих пор не развенчан, да и вряд ли это произойдет в ближайшее время. Здесь показателен опыт хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки, когда резкое развенчание «идолов эпохи» имело катастрофические последствия для их инициаторов. При всех отрицательных чертах своего предшественника, о которых Г. Бердымухаммедов знает не понаслышке, он не спешит предавать забвению образ «отца всех туркмен». Да, с телеэк-

ранов исчезли золотые профили Туркменбаши, на улицах стало меньше его портретов, день рождения С. Ниязова уже не отмечается как национальный праздник, скоро появятся новые денежные купюры без его портрета, а главный атрибут ниязовской эпохи — культурно-нравственный кодекс нации «Рухнама» — медленно перемещается со столов руководителей в книжные шкафы. Все это предсказуемо, нормально и естественно. Можно предположить, что со временем «бессмертный» лик Туркменбаши будет сведен к образу «доброго дедушки» и еще долго послужит в качестве особой исторической и архитектурной достопримечательности, а некогда безграничный культ С. Ниязова трансформируется в вялопримечательный культ (типа культа Ататюрка в Турции). Кроме того, в случае необходимости новые лидеры всегда смогут сослаться на великие заветы основателя первого туркменского государства.

Настораживает другая тенденция. Если после своего избрания Г. Бердымухаммедов отреагировал на выступление первого секретаря политсовета Демпартии Туркменистана Онжука Мусаева, избилующее обращениями «великий президент», замечанием, что он еще не достоин эпитета «великий» и ему предстоит многое сделать, чтобы заслужить такую честь, то уже через нескольких месяцев с момента инаугурации портреты Г. Бердымухаммедова все чаще появляются в газетах и журналах, его высказывания звучат в телевизионных программах, появились монеты с его изображениями, а книги нового президента настоятельно рекомендуют для прочтения.

Преодолев потенциальные барьеры на пути к абсолютной власти, Г. Бердымухаммедов оказался перед самой большой и опасной ловушкой — системой управления экономикой и методами реализации принимаемых решений. Если судить по его первым шагам на посту президента, то он вряд ли откажется от созданного в этой сфере С. Ниязовым. Во-первых, любые ее трансформации способны негативно сказаться на стабильности и общественно-политической ситуации; во-вторых, зачем придумывать что-то новое и делиться даже толикой власти. Намного проще обновить, слегка перекрасить фасад, добавив в него «демократические оттенки». Но, с другой стороны, скроенная под харизматичного лидера явно нефункциональная модель режима в условиях системного кризиса экономики, образования и социальной политики, основанная на постоянной силовой ротации руководителей высшего и среднего звена, не способна функционировать достаточно долго.

Объявленные и инициированные новым президентом реформы также вполне естественны и предсказуемы. Стагнация туркменского общества с середины 1990-х годов, затем его постепенная деградация к концу XX — началу XXI века не могли не привести к переменам если не радикальным, то хотя бы косметическим. При этом, по нашему мнению, молодой и энергичный Г. Бердымухаммедов не заинтересован в сохранении прежнего малопривлекательного имиджа страны, руководимой диктатором-самодуром. Однако и поворот на 180 градусов может спровоцировать в стране неконтролируемые процессы. Из состояния, в которое пришли промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, культура, наука, трудно выйти даже при самом грамотном и профессиональном правительстве. При серьезном дефиците кадров управленцев, повсеместно процветающей коррупции новое руководство может столкнуться с тем, что даже самые правильные решения некому будет претворять в жизнь.

Поэтому, осознавая всю серьезность проблемы, новый президент в первую очередь начал реформировать системы образования и здравоохранения, наиболее пострадавшие при Ниязове. В соответствии с его предвыборными обещаниями восстановлено десятилетнее обучение в школах, за счет сокращения отведенного на «Рухнаму» времени увеличилось количество часов на основные предметы: физику, математику, иностранный язык. Теперь туркменские выпускники смогут получить признаваемые как в России, так и в других странах содружества аттестаты зрелости. До общепринятого восстановлена и продолжительность обучения в вузах, в два раза увеличилось число туркменистанцев,

направленных за государственный счет на учебу в зарубежные вузы. Ряд высших учебных заведений России выразил готовность открыть свои филиалы в стране. Кроме того, в июне 2007 года Г. Бердымухаммедов подписал указ о восстановлении Академии наук, ликвидированной С. Ниязовым уже в начале его президентства. Последовательность реформ в сфере образования свидетельствует, что новый руководитель страны четко осознает, что ее будущее напрямую зависит от того, как подрастающее поколение адаптируется к реалиям современного мира.

Однако проводимые реформы носят не системный характер, а более похожи на действия «пожарной команды». Политика в области образования, да и вся социальная политика, проводимая Ниязовым, ее деградация и «рухнамизация», изолированность большей части населения от мирового и культурного пространства уже приносят свои плоды. И если этот процесс не остановить, то в ближайшее время в республике просто не останется не только управленцев, врачей, учителей, но и квалифицированных технических специалистов.

Будучи по профессии врачом, Г. Бердымухаммедов отменил «новаторства» своего предшественника, в свое время закрывшего больницы и поликлиники в районах и сельской местности, решив, что всех граждан необходимо лечить в столичных клиниках. Вернув лечебные учреждения в поселки и аулы, власти сразу же столкнулись с резким дефицитом кадров. Кроме того, Г. Бердымухаммедов вернул отобранные пенсии и социальные пособия. Так, по разным оценкам, от 100 до 300 тыс. пожилых людей при С. Ниязове либо вообще перестали получать пенсии, либо получали их в значительно меньшем размере. С 1 июля в Туркменистане вступил в силу Кодекс о социальном обеспечении, инициированный новым президентом и принятый через месяц после его инаугурации, гарантирующий пенсии по старости всем гражданам страны. Кроме того, президент сохранил государственные субсидии на газ, воду, электроэнергию, соль и муку, а в скором времени граждане смогут получать бесплатно определенное количество бензина.

Для преодоления последствий правового беспредела эпохи С. Ниязова новая власть должна действовать очень осторожно. Второй головной болью для Г. Бердымухаммедова может стать тема прав человека. Ранее Туркменистан жестко критиковали все правозащитные организации за нарушения в этой сфере и наличие политических заключенных. В связи с этим на состоявшейся 24 сентября 2007 года встрече со студентами и преподавателями Колумбийского университета США в Нью-Йорке Г. Бердымухаммедов явно дал понять, что пока вообще не хочет затрагивать эту болезненную для многих тему. В частности, он отметил: «Я молодой президент и в основном занимаюсь развитием экономики страны».

Сразу после прихода к власти Г. Бердымухаммедов вернул из заключения и ссылок ряд близких ему по прежней работе правительственных чиновников, обвиненных С. Ниязовым за провалы и недостатки в их деятельности. Согласно подписанному новым президентом указу, в канун Ночи Всепрощения амнистировали 10 тыс. заключенных, осужденных главным образом по уголовным делам. И хотя эта акция была занесена в реформаторский актив нового главы государства, по сути, она стала продолжением традиции массовых амнистий, практикуемых С. Ниязовым. Однако его преемник предложил впредь проводить амнистию поэтапно, в течение всего года, с учетом рекомендаций недавно созданной на постоянной основе Государственной комиссии по рассмотрению обращений граждан по вопросам работы правоохранительных органов. Как отмечается в указе, «Комиссия создана в целях дальнейшего развития демократических основ в государственной и общественной деятельности Туркменистана, обеспечения защиты прав и свобод личности, провозглашенных в Конституции Туркменистана, а также совершенствования порядка рассмотрения обращений граждан по вопросам деятельности правоохранительных органов».

Представляется, что, создавая этот орган, Г. Бердымухаммедов преследовал несколько целей: во-первых, работа Комиссии должна продемонстрировать демократические устремления новой власти; во-вторых, создать дополнительный рычаг для контроля над деятельностью правоохранительных органов; в третьих, в случае необходимости помочь перевести «стрелки» за репрессии, проводимые при С. Ниязове, на уже бывших руководителей МВД и СНБ. До того отдельным указом Г. Бердымухаммедов помиловал всего 14 политзаключенных, проходивших по делу о покушении на Ниязова в ноябре 2002 года. Освобождены лишь те, кто имел косвенное отношение к этому процессу, в том числе бывший муфтий страны Насруллах ибн Ибадуллах. Естественно, эту акцию преподнесли мировой общественности как важный шаг на пути демократизации существующего режима. Однако сотни других остаются за решеткой. По-прежнему нет сведений о судьбе экс-министра иностранных дел Бориса Шихмурадова. Все это подталкивает к мысли, что новый руководитель страны не намерен коренным образом реформировать систему власти. Ведь оказавшись на свободе, эти люди смогут составить реальную конкуренцию обновленному, но по сути прежнему режиму. Возможно, новая власть, чтобы не портить свой демократичный имидж, постарается договориться с политическими узниками об их освобождении в обмен на лояльность нынешнему режиму. Не исключено, что со временем подобную сделку предложат и находящимся за рубежом представителям оппозиции. Известно, что ее лидеры, ныне проживающие в эмиграции, так и не смогли консолидироваться и заявить о своих претензиях с единых позиций. Не следует забывать, что многие оппозиционеры, в том числе Б. Шихмурадов, в свое время были самыми профессиональными чиновниками высшего ранга и в не последнюю очередь из-за страха попасть в список репрессированных покинули страну. Теперь, когда нет С. Ниязова, не отличающиеся особой идейностью оппозиционеры смогут договориться с новой властью и вернуться в Туркменистан, даже вновь прийти «ко двору», чтобы в какой-то мере решить проблему дефицита кадров.

В отношении перспектив демократизации и «оттепели» примечательной стала встреча президента с представителями интеллигенции страны, в ходе которой Г. Бердымухаммедов критиковал республиканскую прессу. По его мнению, она недостаточно «отражает ту стабильность, что царит во всех областях государственной и общественной жизни, в том числе в работе органов государственной власти и управления». Как сообщали иностранные информационные агентства, президент критиковал журналистов за отсутствие профессионализма, за то, что, несмотря на «присутствие в туркменских словарях запаса в 80 тыс. слов», на радио и ТВ используются «одни и те же 200 слов». Напомним, что при С. Ниязове Туркменистан превратился в крайне закрытое общество, где по всем официальным каналам насильно «скармливали» пропаганду Туркменбаши и восхваляли его гений. Все ресурсы местных СМИ были направлены на прославление дорогостоящих проектов, а также режима и его лидера. Одновременно выдавливали «иностранное» культурное влияние, привнесенное советским режимом и включавшее в себя литературу, оперу и балет. Их место должны были занять перевозносимые как источник мудрости и этики философские размышления С. Ниязова в виде книги «Рухнама». Этот шедевр, переведенный на многие языки мира, стал обязательным для изучения в детских дошкольных учреждениях, школах, вузах, а знание этой книги стало непременным условием для прохождения госслужащими ежегодной аттестации.

Естественно, что в таких условиях журналистам страны трудно перестроиться и отказаться от выработанных за многие годы стереотипов мышления «как бы чего не вышло». В то время как Г. Бердымухаммедов требует от прессы неординарных подходов, самоцензура журналистов и редакторов оказывается сильнее, в связи с чем они не спешат на свой страх и риск вводить новации. При подготовке материалов им приходится проявлять осторожность и осмотрительность, чтобы не потерять работу или даже подвергнуть-

ся аресту за антиправительственную деятельность. В атмосфере, когда все достижения приписывают гению одного человека, а лидер нации постоянно заявляет о своей ответственности за все происходящее в стране, даже любой намек на критику можно истолковать как посягательство на основы строя. Поэтому пока власть не перейдет от слов о «заботе о человеке» к их реальному наполнению, туркменские СМИ будут использовать 200 слов. И хотя частично отменены ограничения на свободу перемещений по стране, разрешена подписка на некоторые иностранные издания и высказано много критических слов в адрес отечественных СМИ, что, как может показаться, свидетельствует о серьезности намерений нового президента добиться определенных изменений в работе прессы республики, говорить о каких-либо значительных подвижках в этой сфере не приходится. К тому же президент не предпринял реальных мер по ослаблению контроля над деятельностью СМИ. Он, как и раньше, непосредственно назначает главных редакторов газет страны. Более того, все подготовленные материалы продолжают подвергаться цензуре со стороны специальных правительственных комиссий по защите государственной тайны.

Тем не менее приходят сообщения, что президент распорядился выделить значительные средства на модернизацию технической базы телерадиовещательной службы, в том числе издал постановление о строительстве телевизионной башни высотой 211 метров в предгорьях Копетдага (в пригороде Ашхабада). Конечно, с увеличением валютных поступлений в связи с ростом цен на экспортируемые энергоресурсы выделить деньги гораздо проще, чем наполнять интересным содержанием теле- и радиопередачи в то время, когда люди по-прежнему боятся сказать лишнее слово. Поэтому реальные изменения в работе СМИ возможны лишь после реальной либерализации общественной жизни (пусть и дозированной) и ослабления контроля со стороны служб безопасности. Однако можно предположить, что такая либерализация со временем войдет в противоречие с основами единоличной власти президента. Не исключено, что и власть, в свою очередь, готова предложить журналистам «новую реальность».

Сложившаяся ситуация поставила руководящую элиту страны перед рядом вопросов о выборе пути создания действительно жизнеспособного туркменского государства. На встрече с интеллигенцией Г. Бердымухаммедов впервые озвучил некоторые тезисы о взятом им курсе на построение светского правового государства с развитой рыночной экономикой. «Что касается меня, — сказал он, — то своей главной задачей я считаю защиту прав и свобод человека, обеспечение равенства и исполнение законов всеми гражданами страны, построение высокоразвитого общества». Кроме того, президент говорил о «сильном демократическом государстве, способном служить людям». Таким образом, на смену бессмертным заветам Туркменбаши об особом туркменском пути новый лидер предложил иную идеологию под названием «Государство для человека», созвучную общечеловеческим ценностям. По его словам, основной целью этой идеологии должны стать духовное обновление туркменского общества, формирование нового национально-го сознания, основанного на «всемирном творческом подъеме», и подготовка поколения молодых людей новой формации. По словам Бердымухаммедова, доктрина должна содействовать и построению светского правового государства с рыночной экономикой.

Многие эксперты интерпретировали эти слова Г. Бердымухаммедова как кардинальный отход от прежней эксцентричной идеологии «Рухнамы» и культа личности, которые пропагандировали при С. Ниязове. На мой взгляд, это не совсем так. Возможно, будучи человеком несколько иной генерации, новый президент страны осознает абсурдность суррогата туркменской духовности в виде написанной С. Ниязовым книги «Рухнама». Вынужденный пока поддерживать иллюзию преемственности, Г. Бердымухаммедов, скорее, ищет свой идеологический плацдарм. Думается, что окончательное забвение «Рухнамы» — вопрос времени. Г. Бердымухаммедову нет смысла опираться в становлении собственной идеологии, а в дальнейшем, возможно, и культа своей личности на чу-

жую книгу. Вероятно, «Рухнаму» заменит другое произведение, написанное нынешним президентом или его придворными. При этом в ходе своего выступления президент призывал деятелей культуры стать проводниками новой идеологии, упустив из виду, что благодаря титаническим усилиям С. Ниязова серьезная туркменская культура уже перестала существовать. А открытие цирка и оперы здесь не помогут. Те же, кто должен эту культуру создавать и поддерживать, давно уже либо покинули страну, либо сменили сферу деятельности.

Кстати, СМИ республики сразу подхватили тему «новой идеологической доктрины», объявив о начале «эпохи Возрождения». На смену заветам Туркменбаши пришли статьи и репортажи о «новаторских» достижениях нового президента. Однако если внимательно изучить новую доктрину, то ничего нового, тем более новаторского, мы в ней не обнаружим. Политики всех стран мира ратуют за демократию и права человека, за улучшение благосостояния народа, развитие образования, культуры, экономики, за мир и дружбу между народами. Все эти слова, правда, может, в ином порядке, мы найдем в выступлениях С. Ниязова. Однако приходится констатировать, что мы имеем дело лишь со сменой политических декораций. На смену сказке о «золотом веке» нынешняя элита предлагает населению новое фэнтези под названием «эпоха Возрождения». Если же оценивать конкретную возрожденческую деятельность Г. Бердымухаммедова с более широких исторических позиций, то его заслуга заключается в том, что он лишь вернул народу беззащитно отнятое у него в «золотом веке» и повернул ситуацию в обществе от абсурда и фантазмагии к исходной точке. Таким образом, можно сделать вывод, что озвученный новым президентом страны идеологический курс лишен конкретного наполнения. Кстати, разрекламированный в ходе предвыборной кампании доступ к Интернету для многих по-прежнему остается непозволительной роскошью, а столь популярные спутниковые «тарелки», при помощи которых население заполняет созданный властями информационный вакуум, должны заменить контролируемые системы кабельного телевидения.

Правозащитники говорят, что призыв президента к идеологическому обновлению будет восприниматься более серьезно, когда он сделает конкретные шаги по введению демократических свобод. Новая идеология должна базироваться на создании демократических институтов, если, конечно, президент действительно жаждет обновления общества по провозглашенному им принципу «Государство для человека». Однако вряд ли он пойдет на столь экзотические для постсоветской Центральной Азии меры, как отказ от тотального контроля над обществом, предоставление истинной свободы людям, разрешение деятельности независимых СМИ и НПО. Скорее следует опасаться возникновения нового культа, поскольку провозглашенная идеологическая доктрина уже начинает восхвалять Г. Бердымухаммедова и его «эпоху Великого Возрождения». И не факт, что на смену «Рухнамы-1» не придет «Рухнама-2», созданная Туркменбаши-2.

При этом некоторые действия властей вполне укладываются в прежнее русло, во многом сохраняется стиль руководства, новый президент также публично унижает и увольняет министров. Конечно, страна, жившая при Туркменбаши в изоляции, стала более открытой. За год новый президент посетил десятки стран, заметно активизировал политические связи с Россией, Китаем, США и государствами Западной Европы, нормализовал контакты с ближайшими соседями, возобновил диалог с Азербайджаном по спорным месторождениям на Каспии. Это позволило многим заговорить о демократизации Туркменистана. Однако речь идет, скорее, о сохранении достаточно жесткой авторитарной системы в несколько смягченном и модернизированном виде (без самых эксцентричных проявлений). И нет уверенности, что политическая система, основанная, как и прежде, на неограниченной власти одного человека, даже внешне скромного и интеллигентного, в будущем не скатится к новым рецидивам деспотии. Хватит ли Г. Бердымухам-

медову мудрости, умеренности и интеллигентности, чтобы не стать Туркменбаши-2? В случае отказа от действительно кардинальных политических и социальных реформ все усилия официального Ашхабада будут направлены на создание имитационной модели политического процесса, а в экономике и социальной сфере власть ограничится решением оперативно-конъюнктурных задач. Необходимо принципиально изменить саму систему управления, наделить нижние уровни власти большей свободой действий и ответственностью, отказаться от порочной практики сращивания всех ветвей власти и концентрации всей ее полноты в руках одного человека. Одними призывами к построению рыночной экономики нельзя решить насущные проблемы. Власти должны быть готовыми к тому, что здоровая конкуренция, развитие предпринимательства и проявление населением гражданских инициатив неминуемо потребуют изменить подход к деятельности государственных органов и отказаться от ниязовских «наработок». Но сможет ли здравомыслие преодолеть пьянящий вкус безграничной власти, покажет ближайшее будущее.
